

◆ *An steilen Ufern* ◆

◆ *Крутые берега* ◆

Анастасия Поверенная

Крутые берега

Анастасия
Поверенная

Крутые берега

Мюнхен 2021

Анастасия Поверенная
Крутые берега
© Германия, Мюнхен »Издательство Вела«
2021.-452 с.

ISBN:978-3-946227-72-4

© Анастасия Поверенная 2021
© Перевод на немецкий язык Эмилия Хольцер 2021
© Фото из архива автора

Книга рассказывает о непростой судьбе автора. А. Поверенная пережила Вторую мировую войну, находясь на оккупированной территории, училась и работала в СССР и наконец, покинула страну, перебравшись на Запад.

Во второй части содержатся полемические и актуальные на момент выхода статьи Анастасии Поверенной для русскоязычных изданий разных стран, где она и жила и работала.

Книга представляет интерес для широких слоев читателей, интересующихся историей СССР и русской эмиграцией.

*Моим дорогим дочерям —
Регине, Эмили и внучке Эмичке посвящаю.*

Анастасия Поверенная родилась в 1939 году. Послужной список начался с работы в комсомоле города Муром на Оке. Потом была переведена в этом же городе на должность директора клуба имени Ленина.

Через несколько лет возглавила Областной лекторий общества «Знание» в Великом Новгороде.

После переезда в Ленинград работала лектором-консультантом Политуправления Ленинградского военного округа.

После трёх лет «отсидки» эмигрировала с семьёй в Европу. Жила в Вене, в Западном Берлине. С начала 1985 года живёт в Мюнхене. Работала на радиостанции «Свобода», в Гармиш-Партенкирхен — в Центре Маршалла, где преподавала русский язык. Как журналистка печаталась в Мюнхене, Берлине, Бонне, Ганновере, Париже, Праге, Будапеште, Белоруссии и России.

ВСПУТИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Знаю Анастасию Поверенную более двадцати лет. Познакомились, когда переехали в Мюнхен на постоянное место жительства и как-то быстро подружились с этой неординарной женщиной, которая столько добра — материального и душевного — привнесла в нашу семью и мы как-то сразу оказались внутренне близки.

В то время мы обитали во временном общежитии, где условия пребывания были самые аскетичные, далекие от тех, к которым мы привыкли в Москве. Общие знакомые представили нас Анастасии (Тасе), как мы привыкли её называть. Она проживала в пяти минутах ходьбы от нашего общежития. Вскоре мы были приглашены к ней в гости и были приятно удивлены элегантностью обстановки квартиры в её доме времени «Югенд-стиль», со старинной входной лестницей и эркерными окнами. Хозяйка квартиры создала все для уюта и комфортного самочувствия творческих людей, среди которых были теперь и мы.

Тяготы эмигрантской жизни, беготня по социальным ведомствам и прочим терминам, наша немецкая общага с выцветшим линолеумом..., а рядом островок покоя и благополучия, на котором мы скрашивали наши неуютные будни.

Квартиру Таси мы про себя называли «салонем». А она и на самом деле была салоном: сколько интереснейших людей, сколько встреч, выступлений, маленьких камерных концертов и сколько праздников прошло в этих стенах...

Глядя на эту тогда молодую, очень хрупкую и всегда доброжелательную нашу новую подругу (именно такой её портрет и остался в моей памяти), мы и предположить не могли, что хозяйка дома в свое время хлебнула сполна тягот и этот островок благополучия и довольства достался Тасе ох как нелегко.

Пережив личную трагедию — в самом начале эмиграции умер муж, и Тая осталась с двумя маленькими дочками, но не растерялась, а собрала и мобилизовала все свои силы, чтобы выстоять в новых условиях новой жизни. Перечислять все трудности адаптации на новом месте не имеет

смысла, скажу только, что она победила и не только победила, но и воспитала двух замечательных дочерей Регину и Эмилию и дала им прекрасное образование.

Ныне Тая — заботливая бабушка очаровательной Эми, которая в свои 13 лет не только бегло говорит на нескольких европейских языках и на русском, но и с успехом совершенствуется причудливый, но перспективный ныне китайский.

Классик русской литературы Константин Георгиевич Паустовский говорил нам, студентам Литературного института, что одну книгу о своей жизни может написать каждый культурный человек. Рада представить вам, дорогой читатель, эту книгу Анастасии Поверенной.

Первая часть книги — маленькая повесть «Недетское детство» — горячая исповедь о военном лихолетии. Отличие от других книг о войне в том, что автор книги была совсем маленькой девочкой, но запомнила знаковые события своей судьбы на всю жизнь. В повести много трогательных эпизодов и воспоминаний, но меня больше всего взволновал рассказ от отца Таи, об их единственной встрече, когда отец кормил маленькую Таю булкой, намазанной пенкой от только что сваренного малинового варенья. Тая запомнила его тонкие изящные кисти рук. Больше своего отца Тая не видела. Вскоре он был убит фашистами. Тая всю жизнь помнит отца, их незримая связь продолжается: когда Тае хорошо, она благодарит отца его за помощь в жизни, за поддержку, когда плохо, она просит отца: «Протяни мне свои руки, помоги!»

Повесть прочитала с огромным волнением. Это — незабываемо и должно войти в историю Великой Отечественной Войны. Журналистские успехи второй части книги: статьи, интервью с интересными людьми, рецензии — говорят о профессионализме журналистки Поверенной. Как пишущий человек, уверена, что она в этом преуспела.

Судя по жизненным достижениям, автору книги помогает не только отец, но и Высшие силы.

В наше парадоксальное время внезапно вспыхнувшей пандемии, часто фальшивого патриотизма и возможно скорой чипизации населения живой и проникновенный рассказ Анастасии Поверенной — дерзкий протест нашей современницы против расчеловечивания Человека.

*Поэтесса, писательница, Тамара Жирмунская,
Москва — Мюнхен*

ОТ ДРУЗЕЙ, ПРОЧИТАВШИХ РУКОПИСЬ...

Уважаемая Анастасия, в реальной жизни схема, когда учителя выбирают себе учеников, не работает. Просто это чреватое передачей устаревших данных. Теперь работает новая схема — ученики сами выбирают себе учителей.

Вы — одна из моих учителей. Я Вас безмерно уважаю и прошу обращаться ко мне просто Сергей, а еще лучше Сережа (без «уважаемый»). Рад и горжусь нашей с Вами встречей. Обязан заметить, что, если бы я считал необходимым сказать Вам об этом в индивидуальном порядке, то сделал бы это «в личке». Нет, я заявляю об этом публично.

*Ваш Сергей Акользин, журналист.
Москва*

Дорогая Таечка, Вы написали прекрасно и замечательно. И, самое главное, написали от всего своего, любящего нас, людей, сердца. Отваживаюсь на то, чтобы обнять Вас крепко-крепко.

*Поэтесса Лидия Смоленская-Мерлина.
Санкт-Петербург — Мюнхен.*

«Недетское детство» — мощно и страшно! Твоя журналистика — благородное и глубокое общение с читателем.

*Сергей Золовкин.
«Новая Газета», Москва.*

Здравствуйте, Анастасия!

Шлю Вам очередной номер «Родной речи», в котором найдете и свое письмо сердитому эмигранту. Подборка откликов несколько затянута, есть кое-что, на мой взгляд, лишнее и многословное. Честное слово, хватило бы одного Вашего письма, ибо, как я уже писал Вам, оно расставляет все точки над і.

*Вам спасибо. С добрыми чувствами Владимир Марьин
(Главный редактор журнала «Родная речь»), Ганновер*

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово.....	9
От друзей, прочитавших рукопись... ..	11
Часть I. Недетское детство.....	15
Часть II. Восемидесятые годы.....	78
Сойдя с трибуны	78
Не по программе	92
Споёмте, друзья!.....	102
Жизнь российской эмиграции	105
Отцы и дети.....	112
Немецкий юрист Наташа Иванова	116
Обыкновенная история	119
Наш милый доктор	123
Когда отпускает боль. Часть I.....	126
Когда отпускает боль. Часть II.....	129
Судьба актрисы.....	132
«Митьки» в Мюнхене.....	135
Часть III. Девяностые годы	138
Из венгерской глубинки	138
О славе, деньгах и чужой земле,	145
«В поисках здравого смысла».....	148
«Заслужить Нобелевскую».....	150
Чтобы живой воды напиться... ..	152
«Красный пояс» смоленщины меняет вехи	155
Забота наша большая.....	159
В завтра из вчера	161
Время примирения.....	163
Мода на мораль	167
Профессия будущего	169
Свой среди чужих, чужой среди своих	172
«Дева днесь Пресущественного раждает, и земля вертеп непри- ступному приносит...».....	177
Таврели — древние русские шахматы	181

Часть IV. Двухтысячные годы.....	184
Холодный неуют свободы.....	184
Восток — Запад. 2000 год.	192
От встречи к встрече.....	196
Не оскудеет рука дающего... ..	200
Все моды в гости к нам.....	204
Все моды в гости... NEXТ-06	207
Россия на перепутьи.....	211
Все флаги в гости к нам... ..	214
Мне стыдно.....	218
«Никто не забыт и ничто не забыто»	222
Завещание Ольги Берггольц.....	222
От имени мертвых и живых.....	225
Пока живу — помню	228
О рукописях и жизни	230
Неразгаданные головоломки	237
В неволе свободы выбора	240
Часть V. Короткие рецензии	243
На поле крови.....	243
Сценарий допишет время: «Левиафан».....	247
Шпиономания.....	249
Последняя встреча	250
Дорога на Майдан	251
Они были с нами	252
Разные в разном.....	253
Александр Алябьев	253
«Ничего не тая»	255
«Колокольный звон воскресный...»	256
Вечер Соловьёва-Седого	258
90-летие Бориса Хазанова.....	258
Вечер А. П. Чехова.....	259
Концерт Франка Фернадеса	260
Хорошо жить Хорошо	261
Юбилей Булата Окуджавы	262
Ученики Генина	263
Человек-хор	264
Крупинки счастья.....	268

Часть I. НЕДЕТСКОЕ ДЕЛСТВО

Все, что мы думаем, чувствуем и делаем, затрагивает наших предков и все будущие поколения и протекает через всю Вселенную
Тих Нат Хан

Ветви предков твоих, корни их жизни, их существования, история твоей семьи до тебя — это пласт культурного воспитания всех поколений. Когда же мне захотелось узнать, кто я, оказалось поздно — почти все родственники моего поколения уже ушли из жизни. Поэтому хочу своим девочкам оставить эти воспоминания.

Психологи говорят, что ребенок понимает и помнит себя с пяти лет. Я вспоминаю свое раннее детство — картинками, цветными картинками или фотографиями и эпизодами. Вот первое воспоминание. Мне один год — единственный предвоенный.

Я сижу в саду, в кресле-качалке на огромном расстеленном пледе в белую и черную клетку с пушистой бахромой. (Позже, уже подростком я расскажу эту историю бабушке и она подтвердит, что такой плед в доме был). На корточках передо мной сидит мой отец. Он очень параден: то ли в черном смокинге, то ли в костюме с белыми накрахмаленными манже-

тами и алмазными запонками. В саду кто-то варит малиновое варенье, и воздух наполнен этим удивительным ароматом. Отец намазывает крошечные кусочки булки пенкой от варенья и протягивает мне. На всю жизнь я запомнила эти изящные кисти рук, пытающиеся меня накормить. Я вспоминаю их, когда мне хорошо. Мысленно я говорю: «Спасибо, отец, ты мне помог». Когда же мне плохо, я прошу его: «Отец, протяни мне свои руки, помоги!» А вот лица отца, как бы я ни силилась, вспомнить за всю жизнь так и не смогла...

Зато вот эти «кисти рук» напомнили мне историю, которая случилась с моей внучкой. В шесть лет она пошла в английскую школу. Через несколько месяцев учительница предложила ученикам, в том числе и моей внучке, «держать реферат» на любую тему. Эми выбрала Дюрера. На вопрос учительницы, почему Дюрер, Эми ответила, что ей нравится его автопортрет и кисти рук! Меня это тронуло.

Мои родители (дети, как мне сейчас кажется) поженились 27 августа 1937 года восемнадцатилетними. Любовь была школьная, страстная, но не одобренная родителями ни с той, ни с другой стороны. Сразу после школы мои папа и мама окончили курсы, и ко дню свадьбы уже были молодыми специалистами. Оба работали в конторе Заготзерно: мама бухгалтером, отец технологом. В моей метрике в графе «дата рождения» стоит день свадьбы моих родителей. Дело в том, что во время войны у нас сгорели все документы и после войны горсовет выдавал справки под «честное слово». Бабушка, мамина мать, в одночасье забыла, что родила свою последнюю дочь Надежду всего за три месяца до того, как ее старшая дочь тоже родила девочку — меня.

Надя родилась 1 мая 1939 года, а я — 24 августа того же года. Мне непонятно, как бабушка могла забыть, что она и моя мама попеременно кормили меня и Надюшу грудью и что я родилась в ночь, когда Молотов и Риббентроп подписали договор о ненападении...

Мы с Надюшей учились в одном классе, но никогда не сидели за одной партой. Потом жизнь нас развела в разные стороны, и, встретившись однажды в доме у бабушки через сорок лет, мы так и остались чужими друг другу.

Только став студенткой, я обнаружила бабушкин подвох, но зачем она это сделала, внятно объяснить она мне не смогла. Та же чехарда оказалась в метрике моей сводной сестры Галины. Она родилась 19 декабря 1942 года, а записана в свидетельстве, как рожденная 14 мая того же года. Такая же неразбериха произошла и с моим именем. Поскольку я родилась

Мои родители. 1937 год

Meine Eltern. 1937

в патристическую ночь дружбы с Германией, родители назвали меня Сталиной. И с этим именем я прожила до освобождения Смоленска. Крестили меня в сентябре 1943 года у колодца разбитой церкви в селе Микулино Руднянского района Смоленской области. Село и церковь (теперь восстановленная) стоят на высоком холме, а внизу за холмом — чудесное озеро. Батюшка, крестивший меня в православие, сказал, что новое имя мне выбирать не надо, так как я родилась в августе, месяце святой Анастасии. Так я получила это замечательное имя. Это событие моей жизни я уже точно помню. Странно только то, что с момента моего крещения мы все перестали молиться. Всю войну в обозе партизанского отряда мы ежедневно неистово молились. У нас была своя семейная молитва, дополняющая «Отче наш». Мы просили Господа: «Прости и сохрани нас от фашистской пули, а если не суждено, сделай так, чтобы мы погибли все сразу». Вот так: врага пережили, а о Господе забыли на многие годы.

Историю семьи Поверенных я знаю очень плохо. Напишу, что знаю точно. Их история — это история петербургских евреев. С петровских времен они служили при государевых судах, а со времен Плева стали присяжными поверенными. Уже была определена черта оседлости, а с начала 20-го века начались еврейские погромы. Статус моих предков позволял им остаться в Петербурге, но они предпочли, я думаю, на какое-то время покинуть столицу. Выбрали Смоленск не случайно: этот древний город посередине между Москвой и Петербургом был давно облюбован евреями, как и ближайший Витебск. Местечковый городок Рудня был серединой между Смоленском и Витебском, поэтому родители моего деда Лейбы Поверенного и выбрали этот городок.

В Петербурге у них было свое «местечковое» общение то ли с дальними родственниками, то ли с друзьями, но переехали они гуртом — Поверенные, Скобло и Черноброды. Примерно в то же время приезжает в Рудню из местечкового селения Ляды Сафоновского района Смоленской губернии (по последней переписи населения там проживали всего сорок четыре человека!) большое семейство Золотовицких. Городок маленький, все быстро знакомятся.

Почти рядом с Рудней, всего в 10–15 километрах расположены знаменитые и известные каждому еврею Любавичи, где родился известный в истории еврейства любавический ребе (так в среде ашкеназских евреев называли раввина) Менахем Иосиф-Ицхок Шнеерсон.

В этих Любавичах ждут женихов две прелестные сестрички Полячкины, рожденные одна в 1892 году, а другая в 1895-м. Лейба, мой буду-

Монумент памяти 1200 евреям — жертвам фашизма.

Работа скульптора Льва Кербеля. Город Рудня.

Ein Denkmal des Bildhauers Lev Kerbel in der Stadt Rudnja, den 1200 jüdischen Opfern des Faschismus gewidmet.

щий дедушка знакомится и сразу влюбляется в Сошу, в мою будущую бабушку, а Нохем-Юде-Есилевич Золотовицкий (по-советски просто Наум) — в Геню, которая в мои студенческие годы станет мне второй бабушкой.

Отец Лейбы уже официально не служил. На жизнь он заработал в Петербурге, а в Рудне занимался частной практикой, давая советы и юридические консультации. Лейба, как и отец, работал сначала в юридической конторе по всей губернии, а после революции служил в конторе Заготзерно управляющим.

Судя по фотографии тех лет, чудом сохранившейся у Золотовицких, мой дед ездил отдыхать в Сочи. А одет он был по партийной моде тех лет: на фото он запечатлен под пальмой в белой рубашке, белых штанах и белой кепке — все лен и чесуча.

Уже будучи взрослой, я прочитаю и многое узнаю, как близкое окружение Сталина под партийными робами носили великолепное французское белье и шелковые кальсоны высочайшего качества, а дома передевались в роскошные халаты.

Бабушка Соша, конечно же, никогда не работала, что вызывало ненависть у моей русской бабушки по маминой линии — мещанки Анны Григорьевны Суржиковой.

Уже повзрослев, я спрашивала бабушку Аню: «За что ты так не любила бабушку Сошу?» Ответ был простой: «А за что ее было любить, если она ни одного дня в жизни не работала, а только в шелках и духах ходила?» Так я уже в детстве поняла, что такое зависть и антисемитизм.

Сестру моей еврейской бабушки Соши звали Геня. Она может в шелках и не ходила, выйдя замуж за Нохем-Юде-Есилевич Золотовицкого, который и после женитьбы оставался кустарем по выделке кожи, но жила в достатке.

Мои предки — дед Лейба и бабушка Соша — родили двух сыновей: моего отца Ерохмиля, или Милю, как звали его дома, и моего дядюшку Сенечку, или по-домашнему Мому. Его настоящее еврейское имя я, к сожалению, не помню. С согласия отца уже будучи старшеклассником он изменил еврейское имя и отчество на русское и стал называться Семеном Львовичем. Мой же отец так и остался Ерохмилем Лейбовичем.

Их любимая младшая дочь Дорочка родилась за 12 лет до начала войны. Жизнь ее оказалась очень короткой.

Семья Нохема-Наума была большая: детей они нарожали много — три сына и три дочери. После революции глава большого семейства решил

Радостный день

В этот день Витя Кашицын волновался, как никогда. Причины для волнений было много. Дело в том, что, окончив Первомайскую восьмилетнюю школу, юноша остался работать в колхозе «10 лет Октября» помощником комбайнера. Вместе с комбайнером М. Н. Горшковым он ремонтировал машину, а теперь предстояло испытать ее на деле.

Как будет работать комбайн, который эксплуатируется десятый сезон, не отстанет ли он от Юры Купцова, работающего на новой машине. Эти мысли не давали покоя юноше, когда он шел на работу. Ведь день-то был особенным. Вечером его должны были принимать в комсомол.

Но Витя волновался напрасно. В тот день их комбайн убрал 15 гектаров люпина, а вечером выездное бюро комитета комсомола производственного управления утвердило решение комсомольского собрания о приеме его в члены ВЛКСМ.

В этот вечер стали комсомольцами и два товарища Вити — Коля и Ваня Кашицыны. На собрании выпускники восьмилетней школы изъявили желание продолжать учебу без отрыва от производства. Бюро комитета комсомола выдало всем трем направления для поступления в Суздальское училище механизации сельского хозяйства.

Выездные заседания бюро прочно вошли в систему работы комитета ВЛКСМ. Они проведены в Красной Горбатке, Дуброве, Новлянке. На днях выездное заседание бюро состоится в колхозах «Прудницинский» и «Новый путь».

Т. ПОВЕРЕННАЯ.

Первая журналистская командировка по заданию Райкома Комсомола.

7-ой класс, 1953 год

Meine erste journalistische Publikation im Auftrag
des Bezirkskomitees des Komsomol. 7. Klasse, 1953.

податься в Москву. Уехали вместе с ним и семьи его братьев. У одного из них, у брата Якова, родился перед войной сын Игорь, Игорь Золотовицкий, который прославил эту фамилию, став заслуженным артистом, профессором и руководителем молодежного театра при МХАТе. И по стечению обстоятельств внук моего мужа от первого брака, ленинградец в Москве, руководитель и организатор различных концертов и фестивалей по всей стране Алексей Никитин теперь часто встречается по работе с Игорем и его театром. Как тесен, тесен мир...

Так в середине двадцатых годов Золотовицкие стали москвичами. Как-то устроились. Нохим забросил свою профессию и стал успешным снабженцем. Спас себя и свое большое семейство от гибели в гетто.

Мы еще непременно встретимся с этой семьей в моей маленькой повести, но уже в доброе послевоенное время.

Отца сразу после свадьбы взяли в армию. Там он закончил курсы младших командиров и войну встретил младшим политруком на западных границах. Случай с малиновым вареньем — это последний отпуск отца перед войной и последняя наша встреча с ним. Хотя нет, могла быть еще одна встреча перед его гибелью 24 сентября 1941 года. Не знаю точно, но выглядит это очень логично.

С первых дней войны младший политрук Поверенный сражался с фашистами, отходил с боями через Белоруссию по четкому плану: ему нужно было дойти до Ельни, где формировались новые части и стояла наша регулярная армия. Отец привел в Рудню 28 своих солдат (не «панфиловцев») и у него уже была договоренность с партизанским отрядом, что за ними приедут подводы, груженные сеном. Они все укрылись в пуне (сарай) около дома бабушки. Рядом жил сосед Александр Чайковский, который с первых дней войны стал полицаем, и говорили, что он всех и выдал. Сдались солдаты без боя. Немецкий офицер приказал всем выйти из укрытия без единого выстрела, а иначе немцы сожгут дом с детьми и стариками, а потом и пуню вместе с ними. Отец знал, что и я в этом доме, и его жена, и теща с тестем, и их дети. Значит, мы с отцом виделись тогда, только я, двухлетняя, эту встречу не запомнила.

Можно только догадываться, как взрослые пережили эту общую на 29 человек (включая моего отца) смерть, которая была первой в нашем тихом городке. Так, недалеко от города, на Бутровском поле появилась первая братская могила. После войны посередине могилы поставили огромный деревянный крест — один на всех: православных, католиков, татар-мусульман и моего отца-иудея. Со временем здесь выросло клад-

Братский союз Золотовицких. Сидят: (слева направо) Сима, их тетушка, тетя Соня, Циля. Стоят: Галина, Шлема, Ефим, Абраша. 1961 год.

Die Geschwister Zolotovitsky. Sitzend: (von links nach rechts) Sima, ihre Tante Sonja, Zylja. Stehend: Galina, Schljoma, Efim (Fima), Abrasha. 1961.

бище. Приезжая Домой, я всегда бежала на могилу отца, а потом — к мемориалу, где захоронены бабушка и дедушка. А в прошлый мой приезд я была потрясена содеянным местными властями. Сняли крест, убрали могилу и на этом месте поставили гранитную доску со лживыми-лживыми словами: «Здесь покоится прах мирных жителей, коммунистов, комсомольцев, партизан, подпольщиков, военнопленных, замученных и расстрелянных фашистами в 1941–1943 гг.». Мне стыдно, что я не подняла шум в прессе по этому поводу.

Кто не видел гибели моего отца, так это его родители, его семья. Дедушка, бабушка, младший брат отца Сенечка и 12-летняя сестренка Дорочка уже были в гетто. Как я поняла из очень коротких разговоров на эту тему, от года до двух лет я жила попеременно то у матери, то у моих еврейских родственников. Когда они поняли, что их вот-вот заберут в гетто, они меня передали матери.

А война на Смоленщине началась сразу, уже в первые летние дни. Фашисты дважды входили и уходили из Смоленска и из Рудни, нашего маленького городка. Бои за Смоленск — это были бои за Москву, поэтому семья моей матери дважды побывала в оккупации. Если бы мне хватило таланта, я бы могла написать книгу о страхе. Правда, физик Турчин уже написал книгу «Инерция страха», но я бы написала о детском страхе. Дети, как и животные, очень чувствительны, они седьмым чувством поддаются общей панике и общему горю: ощущают, но не понимают и не принимают его на себя. Крохой я видела много смертей, но чувствовала себя бессмертной, хотя объяснить этого не могла — «детскость» спасала. Из этих оккупационных дней все-таки запомнились страшные события.

Дом моей бабушки Анны Григорьевны по тем временам был богатым — пятистенным (я до сих пор не понимаю, что это значит), с двумя верандами и большим сараем из хорошего дерева (даже в нем было несколько окон). Такой дом сразу же понравился немецкому старшему офицеру. Нас выселили в сарай, где у дедушки была оборудована сапожная мастерская. Дед на пенсии «тачал» сапоги и ремонтировал обувь. И вот первый случай, который напугал не меня, а всех окружающих. Я сижу на дедушкином верстаке и играю, а он рядом лежит на топчане. Вдруг раздаются один за одним выстрелы из револьвера, и пули проходят в паре сантиметров от моей головы. Офицер просто развлекался, стреляя с веранды в окно сарая и хорошо видя мою голову, но я была просто мишенью, а не целью. Убить меня и перебить всех нас ему ничего не стоило, просто время еще не пришло, но слова дедушки: «Господь спас!» — помню до сих пор.

Странно, я всю жизнь считаю, что у меня плохая память. Многие из моей жизни я уже забыла, а вот раннее военное детство помню. Помню не последовательно, эпизодами, а более всего запахами тех страшных лет. Иногда ветер, иногда дождик, запах дерева, движение облаков по небу переносят меня в те далекие дни и я четко вспоминаю какое-либо событие, затерянное где-то в глубине моей головы, моего сознания.

Следующий эпизод связан не со мною, а с маминим, в ту пору 13-летним братом Адольфом, пятым по счету ребенком в семье. Адик со своими проказами мог привести всю семью к гибели, но в то же время его имя было оберегом для его родных и в первую очередь для него самого. Так вот однажды Адик поймал ворону, собрал всю детвору и преподнес птицу немецкому офицеру со словами: «Пан, вот тебе курка!» Ворона закаркала и стала летать по комнате. Взбешенный офицер выскочил из-за стола, за

которым что-то писал, и нацелил на Адика пистолет. Он вот-вот готов был выстрелить, но взял себя в руки и опустил оружие: ведь пред ним стоял мальчик по имени Адольф...

От наказания Адик все равно не ушел. Ему было приказано разгружать машину с боеприпасами. Ящики были такие тяжелые, что их тащили солдаты по двое, по трое и даже вчетвером. Никакое бабушкино заступничество на сей раз не помогло — офицер был оскорблен, хотя к бабушке он и другие фрицы относились как бы с уважением. Во-первых, бабушка была замечательной кулинаркой и всех их кормила; во-вторых, она говорила на литературном, а не на местечковом идише, и по сему немцы считали ее прибалтийской немкой. Делать было нечего: дедушка соединил два кожаных ремня, и Адик, надев их на плечи, таскал эти ящики по всему двору как бурлаки на Волге у Репина. Поднять ящик мальчик не мог, но задание выполнил, а потом еще разгрузил целую машину почтовых посылок.

Кто бы мог подумать, что эти посылочные упаковки, эти мешки вражеской армии пройдут через все мое детство и отрочество. Вот их то я много раз держала в своих руках: мягкий серый лен, сшитый по метру и по полтора, с двумя голубыми полосами вдоль, и на этих полосах — голубой круг с фашистским орлом. Со дня освобождения Смоленщины с сентября 1943-го и до лета 1956-го года, пока я не окончила школу и не уехала учиться в Москву, я носила эту мешковину на себе во всех вариантах. Не знаю, может быть склад какой-то этой мешковины остался в Рудне после освобождения, но этого материала у нас было в избытке и он прикрывал нашу нищету. Бабушка порала эти мешки, красила во все цвета радуги и шила нам все: и пальто, и куртки, и платья, и постельное белье и даже матрасы. Конечно же с годами наша жизнь улучшалась: нам стали покупать новые вещи, но все это новое очень береглось, ценилось, а мешковину занашивали до дыр.

Такие воспоминания сложны для восприятия. У меня нет ни одной фотографии моего детства. Я много раз пыталась представить себя в том возрасте, но ничего не получалось. Думаю, что помнить себя невозможно. Вспоминая себя, мы вспоминаем что-то вокруг себя, что-то важное, что сохранила наша память. Вспоминая мое короткое оккупационное время, расскажу о трагическом событии в маминой семье, о событии, которое я помню всю жизнь.

Был теплый летний день. Я играла в саду, бабушка с Вовочкой (с ее предпоследним семилетним сыном) что-то собирала на лужайке сразу за

огородом. Чуть подалее пасла корову белого-белого цвета Галя, 12-летняя дочь бабушки. Она была в белом платьице и белой косынке на шее. Вдруг мы услышали гул самолета. Мы быстро научились по звуку отличать наши самолеты от вражеских. Я вижу, как Галя бежит к нам, машет косынкой и кричит: «Это наш, это наш, родненький!» И это были ее последние слова. Упала бомба, взрыв — и я вижу, что Галя уже не бежит, а летит, и в воздухе у нее отрывается ножка, потом ручка и голова. Бабушка и Вова просто исчезли, я их перестала видеть. Наша белая корова превратилась в буро-коричневую и как-то неуклюже лежала на траве.

Мамин семейный дом стоял у дороги, вернее у шоссе Москва — Минск. В тот день на этой дороге работало много людей. Не помню, были ли они наши военнопленные или гражданские, но и сегодня я вижу их, бегущих с лопатами на эту полянку. От бомбы образовалась очень аккуратная воронка, которая поглотила бабушку с сыном и также аккуратно этим же дерном закрыла, как крышка от кастрюльки. Кто-то заметил торчащий из-под дерна кусок бабушкиной юбки, и все стали ее откапывать. Бабушку люди спасли, но, пока ее откапывали, они затоптали Вовочку, и откачать его уже было невозможно. Хоронили детей в одном гробу, а бабушка потом долгие месяцы харкала кровью, и кровь постоянно текла у нее из ушей. Но она выжила и со временем выздоровела: она была еще молодой, ей шел только 47-й год.

А самолет, принесший эту трагедию в наш дом, был действительно советским. Летчик летел бомбить немецкую комендатуру, но не сориентировался. На войне бывает всякое, но я с тех пор не люблю самолеты, их гул, не люблю аэропорты и не люблю полеты и перелеты. Мне не страшно, я не боюсь, но в том моем возрасте, после увиденного во мне что-то защемилось и защемилось навсегда. Уже в Мюнхене я всегда входила в лучший технический музей Европы (до перепланировки экспозиции) не с центрального входа, а с выхода. Там работал мой хороший приятель — доктор истории химии Витя Крицман. Он встречал меня на выходе, водил по музею, много рассказывал, но никогда мы не доходили до павильона с самолетами 2-й Мировой войны, который располагался у центрального входа в начале осмотра музея.

Закончить рассказ о моем недолгом пребывании на оккупированной территории, в доме моих близких родственников хочется доброй историей. На веранде дома попеременно дежурили несколько немецких солдат. Один из них, Фриц, был добрым и всегда веселым. В кармане френча

он носил маленькую жестяную коробочку, и в ней рядами были уложены кругленькие молочно-белые конфетки, очень похожие на пуговицы на наволочках постельного белья. Он говорил и жестом мне показывал: «Почелуй меня и получишь эту конфетку». Я тоже ему отвечала и показывала: «Зачем тебя целовать? Я лучше побегу сейчас в огород и принесу тебе самую большую морковку». А перед тем, как угостить меня конфеткой, он всегда приносил мне кусок черного хлеба, густо намазанный маргарином. Тот маргарин был съедобным. На всю жизнь я запомнила его вкус и запах. Через сорок лет я окажусь в Германии и долго буду искать и те конфетки, и тот маргарин, но не найду. Нынешний маргарин на полках магазинов не только нельзя есть, но и нельзя на нем готовить.

Понятно, что невозможно совместить несовместимое, нельзя сравнить несравнимое, но мне иногда кажется, что можно.

Так сложилась моя жизнь в эмиграции, что более десятка лет я жила между Мюнхеном и венгерской глубинкой. Почти в каждой венгерской деревне есть свой сельский музей и аптека. Я привязалась и к этим местам, и к этим заведениям, стала самым частым их гостем. Непостижимо, но, переступив эти пороги, я как на машине времени переносилась в то далекое время — в Рудню и раннее детство, и во мне необыкновенно обострялись все запахи и вкусы и конечно же вкус подарков солдата Фрица. Какой-то теплый тлен воздуха плавает в этих помещениях...

Так закончились мои очень короткие дни в оккупации в бабушкином доме и я оказалась в гетто. Не сразу, а уже после войны, в детстве моем, потом все отрочество и всю юность я решала для себя самый тяжелый вопрос: «Кто меня отдал в это самое гетто? Почему?» Ответ был ясен: взрослые родственники спасали себя в оккупации, и еврейский ребенок не нужен был этой семье.

«А вот, кто, кто, кто?» — этот вопрос очень рано начал меня взрослеть. Я понимала, что это могли сделать и бабушка, и дедушка, но без ведома матери и ее согласия не могли. Так я поняла, что все, кто меня любил, погибли и что мне надо выживать в нелюбви. И между нами — матерью и мной — начала вырастать шумо- и звуконепроницаемая стена. Так и держали мы статус-кво: мать — всю жизнь и я — половину своей жизни до того, как выросла и научилась прощать, когда поняла, как тяжело живется матери с таким чудовищным комплексом вины...

Ну, а теперь о самом гетто. Конечно, в июле 41-го его никто не строил. Самым приспособленным местом для него оказались склады Заготзерна, папкаузы, как называли их жители Рудни. Контора Заготзерна была по

тем временам очень солидным учреждением: сюда свозили хлеб из нескольких районов, здесь его хранили и потом транспортировали, то есть это была большая перевалочная база, которая не прекращала свою работу всю войну и в послевоенное время. На 1200 евреев хватило двух пакгаузов, а контора продолжала работать: зерно свозили на другие склады. Мать всю войну проработала бухгалтером в этой конторе, о чем я уже писала. А я девочкой все старалась представить себе, что она чувствовала, приходя и уходя со службы, зная, что ее ребенок, ее свекор и свекровь здесь же, рядом с ней, но под замком...

Эти месяцы под замком я не помню. Главное, не запомнила бабушку и дедушку, а Дорочку, мою 12-летнюю тетушку вспоминаю какими-то акробатическими силуэтами. Сенечка, папин младший брат рассказывал, что Дора была очень одаренным ребенком: она хорошо пела, танцевала и занималась акробатикой. Но об этом Сеня мне расскажет уже после войны. Значит, мои воспоминания об этой девочке верны, и она и в гетто занималась акробатикой, и это мне запомнилось. И еще одно событие периода гетто мне также запомнилось: к нам пришел Адик (Адольф) и принес банку меда.

Мое освобождение из гетто не помню совсем. Скажу только: Царство небесное моим бабушке и дедушке, которые спасли мне жизнь. Незадолго до массового расстрела, когда они поняли, что жизнь подходит к концу, они купили мне жизнь за старинное рубиновое ожерелье бабушки и дедовские карманные золотые часы Буре у полицая Александра Чайковского. Тот не только вынес меня в плетеной корзинке, но и отвез меня в деревню Девино, в десяти километрах от Рудни.

Никогда не забуду эту деревню и этот дом. Название Девино, наверно, произошло от слова «дивное». Деревня стояла на высоком холме, с двух сторон внизу было озеро, а с третьей стороны — выбитая ногами крутая лестница к кринице — «поительнице» всей деревни. Какого же мастерства добивались крестьянки, чтобы подняться с полными ведрами на коромысле по такой крутизне!

С этой деревней у меня связано много воспоминаний. Но сначала о доме, о доме тётки Таисы Корнеевой, младшей сестры моей бабушки Анны Григорьевны, которая одна из семьи стала колхозницей, а во время войны и председателем колхоза. Потом на этом посту ее сменил муж, пришедший с фронта после нескольких ранений. До сих пор я держу в себе запах этого дома, запах теплой пыли, хорошего дерева и сушеных цветов и трав.

Первые мои воспоминания. Я вхожу в очень-очень темный дом, хотя

Мои дочери Эмилия и Регина в 1975 году. Ленинград.

Meine Töchter Emilia und Regina im 1975. Leningrad.

по правой стороне его и напротив двери есть окна. В длинной-длинной горнице слева стоит огромная русская печь, а в самой комнате — тоже очень длинный темный стол и длинные скамейки. В красном углу — образа, а стол стоит не вдоль стены, а придвинут к иконам, где горит лампадка. На столе стоит маленький гробик, и тетка Таиса объясняет мне, как я должна лежать и умирать, если кто-то постучится в дверь. На двери висело объявление, что в доме умирает заразный ребенок из беженцев. Я еще не разглядела, что за печкой дом разделен ровно на две части, и вторая часть дома — жилая, там живет сама тетка Таиса и ее две дочери — Тамара и Раиса. Не знаю, как долго я «умирала» в гробике, но однажды пришла за мной мать и отвела меня в обоз партизанского отряда. Там уже обжились бабушка с дедушкой и их дети — Адик и Надюша.

А мои любимые бабушка с дедушкой, родители отца, и Дорочка к тому времени уже погибли вместе со всеми евреями Рудни во рву Каспьянского леса. После войны родственники погибших обратились в Верховный Совет СССР за разрешением перезахоронить узников фашизма. Местная власть выделила место для еврейского кладбища и для братской могилы — МЕМОРИАЛА рядом с русским православным кладбищем. У основания этого захоронения высится сейчас огромная скульптура скорбящей матери работы нашего земляка, скульптора Кербеля. По периметру этого траурного захоронения выбиты фамилии 1200 человек. Четверо из них мои Поверенные. Невероятно, но четвертым числится Сенечка, папин младший брат, который спасся от расстрела и который приехал на похороны отца с матерью, любимой сестрички и, как оказалось, и на свои собственные тоже.

Сеня, Сенечка, Момочка, дорогой мой дядюшка, заменивший мне отца в студенчестве, он выжил, убежав от расстрела вместе со своей кухней. Сорок метров отделяли смерть от жизни, сорок метров земли от вырытого рва для убийства ни в чем неповинных людей до глубокого густого леса...

Такого побега на глазах у фашистов никто не ожидал. Они растерялись, поэтому не сразу сработали затворы их автоматов. Сеня и Сима спасли себя сами. «Бежали долго, — рассказывал Сенечка после войны уже в Москве, — потом поняли, что надо разойтись, так как вдвоем мы вызывали подозрение». Разошлись, и каждый пошел своей дорогой, но обоих дороги привели к партизанам. Эта была их последняя встреча. Сеня сразу же был направлен в действующую армию, стал танкистом. Дважды был ранен, дважды горел в танке, но судьба его пощадила и Гвардии старшим сержантом дошел до Берлина. Сима, а для меня уже тетя Сима,

прошла пешком всю Европу, в Италии попала на год в тюрьму, так как не имела документов, и после освобождения оказалась в Иерусалиме. Тетя моя строила новое государство, стала саброй и получила много правительственных наград.

В мой первый приезд в Израиль встречали меня целых четыре поколения семьи Бергрин: сама тетя Сима, ее два сына с невестками, шесть внуков и много правнуков. По-русски говорили только сама тетушка и жена младшего сына. С молодежью можно было общаться только на английском. Мне было очень жаль, что Сенечка не смог полететь со мной на эту встречу.

Рассказывая о нем, не могу не рассказать об одной фронтовой встрече дядюшки с его кузеном Шлемой Золотовицким. Произошла эта неожиданная и негаданная встреча летом 44-го года в братской Польше. Об этом мне расскажет Симочка, жена дяди Шлемы и верная боевая подруга — капитан и военврач. Она стала свидетельницей и этой радости, и этих слез, слез, которых было не стыдно. Оказалось, что уже полгода кузены шли одним боевым маршрутом, только танкист впереди, а доктор с госпиталем позади.

После войны братья старались часто встречаться. Сеня прижился в Москве, Шлема после войны был направлен в Нижний Новгород служить в госпитале. Со временем стал почетным гражданином этого города и почетным гражданином Израиля за долгую работу в еврейской общине... Ушел из жизни совсем недавно, не дожив всего два месяца до 100-летнего юбилея.

А внуки и правнуки дяди Шлемы и дяди Фимы, тети Симы и тети Цили разбрелись, разлетелись по всему миру. Одни живут в Израиле, другие — в Португалии, третьи — в Америке и Германии и так далее, далее. Попробуй, собери нашу родословную сегодня... Все, как в песне: «Все люди — братья. Обниму любого».

Мне же хорошо помнятся годы, когда мы все были еще молоды — и Золотовицкие, и я. Например, я с удовольствием штудировала марксизм-ленинизм и верила в коммунизм. В эти студенческие годы даже мечта о дальних странах в душе моей не пропала, а как-то «притихла» — видимо, ждала моей зрелости. Поездками в дальние страны, и то не дальше соц-стран, из всех нас пользовался только дядя Фима. Его нередко приглашали в поездки по линии культпросвета. Однажды он рассказал мне забавную историю, как их, российских посланников узнавали за границей. Не потому, что они не говорили на иностранных языках, не по их шляпам и

широким штанинам, а по их неумению держаться и ходить. Им, людям, представляющим свободную страну, страну старшего брата, не удавалось свободно двигаться и передвигаться — все время сбивались в кучу. Так что НКВДешникам, а потом КГБистам не сложно было с ними работать.

Зато как дороги были тогда наши встречи — всех со всеми. Их центром были старшие Золотовицкие, о которых я уже писала, хотя я их практически не знала — послевоенная Москва все изменила. Отца всех взрослых Золотовицких, теперь уже дедушку Нохема — Наума, я застала уже тяжело больным и лежачим. Это был красивый старец с роскошной длинной бородой. Жили они с бабушкой Геней где-то недалеко от центра в огромной коммунальной квартире. Чтобы попасть в их комнату, нужно было пройти через очень длинную кухню, в которой по правой и левой сторонам строем стояло, как мне тогда казалось, бесчисленное количество примусов. Проходя через такой строй этих машин-тружеников, мне всегда хотелось отдать им честь — так впечатляюще они стояли.

Один летний праздник, кажется он назывался шавуот, мне запомнился огромной белой кастрюлей со сливами, фаршированными заботливой бабушкой орехами с медом — главным угощением этого праздника. Как веселы, как радостны мы все тогда были, сколько остроумных и смешных еврейских анекдотов было рассказано...

Мне в ту пору, так как я только приехала, жизнь в Москве казалась праздником. Я уже успела познакомиться со всеми моими двоюродными тетями и дядями: тетей Целей, которая работала провизором в районе Измайловского парка, и ее мужем, авиаинженером, и их сынишкой Борей, с тетей Галей, которая работала в Управлении гостиницами Москвы, и ее мужем, а также с дядей Абрашей, конструктором, который неожиданно нелепо и страшно погиб: у подъезда их дома его сбила насмерть машина, которая въехала, не сбавляя скорости, на тротуар. Его жена Татьяна, врач, с которой мы однажды вместе работали в подмосковном летнем пионерском лагере, жива и здорова, и я мысленно сегодня ей посылаю привет.

Полюбила я их всех по-родственному, но сильнее всего была привязана, как и Сенечка когда-то, к семье дяди Фимы, его жене Верочке и их детям Мише и Гале, которые стали моими друзьями на долгие годы.

С семьей дяди Шлемы я подружусь позже, когда буду жить и работать в славном городе Муроме. Это было совсем недалеко, и я проводила много выходных в этой семье. Тетя Сима была не только военврачом, работая всегда вместе с мужем, но была и прекрасной матерью и очень веселой.

*Последние дни в Ленинграде перед эмиграцией: муж Эдуард,
я и дочери Миля и Регина. Весна 1979 год.*

*Leningrad. Die letzten Tage vor der Emigration: Mein Ehemann Eduard,
ich und meine Töchter Emilia und Regina im Frühjahr 1979.*

Мы с ней были очень дружны. Помню Рому — впоследствии он стал бизнесменом — который в детстве мечтал стать музыкантом и, казалось, не выпускал из рук трубу. Как же мы все от нее уставали! И еще мне запомнился странный, мягко говоря, поступок всегда послушного мальчика.

Родители этого прелестного мальчугана и после окончания войны долгое время оставались в Германии в Группе войск. Из командировки они привезли с собой только одну, небольшого размера картину замечательного мастера, на которой была изображена головка девушки под черной вуалью. Удивителен был взгляд этой девушки — она смотрела на тебя, где бы ты в комнате не находился. Рома устал находиться под ее наблюдением и однажды штопором проколол ей глаза. Картину реставрировали, но ценность свою она потеряла.

Леночка, их младшая дочь, не изменила своему призванию, стала пиан-

нистой и всю жизнь преподавала в Нижегородской консерватории. Дети их, как я уже писала, разлетелись по миру, а Рома и Лена так и остались жить в Нижнем Новгороде. Живут они там и сегодня.

С младшей дочерью Золотовицких, тетей Симой я познакомилась в самом конце шестидесятых, когда вышла замуж и переехала в Ленинград — тогда казалось, что навсегда, до самой смерти... У тети Симы был удивительный муж, Василий Иванович, мастер-краснодеревщик, реставратор мебели Эрмитажа и домика Петра в Летнем саду. Особое наше уважение вызывала его огромная любовь к поэзии. Ни одна наша встреча не проходила без его выступлений: он знал наизусть «Евгения Онегина», много из Лермонтова и поэтов военного времени. Ему, недавнему фронтовику, вернувшемуся с контузией с фронта, военная тематика была близка и дорога. У них с Симой тоже было двое детей. Старший сын Миша стал инженером, а в предпенсионном возрасте стал успешным компьютерщиком и IT-ишником. Младшая дочь Ольга, тоже инженер, пару десятков лет назад покинула родной дом и живет с дочкой в Германии.

Меня же, не знавшей любви и ласки в детстве, отношения родственности и заботы друг о друге у Золотовицких трогали до слез, и я мечтала, чтобы и моя семейная жизнь сложилась только так и не иначе.

Только один пример их общей любви друг к другу — 50-летие дяди Фимы. Отмечали в «Национале». Нельзя было даже представить себе отсутствие кого-то на этом торжестве — были все родственники, были и близкие друзья юбиляра. Было сказано много теплых слов, но мне понравился тост тети Гали: «Фима, дорогой, посмотри на нас, какие мы все красивые. Мы не только сшили себе новые платья, но и все наши мужчины пришли в новых костюмах. Это тебе наш подарок, чтобы ты знал, как долго мы готовились к этому дню». Подготовилась и я, сшив себе темно-вишневый костюм с белым пушистым воротничком из песка. Носила, сносила и забыла о нем, а через десятилетия мне о нем напомнили. Трогательная история. В очередной раз была в Москве, остановилась у друзей рядом с Даниловским рынком. Со студенческих лет помню, как красочны и вкусны московские рынки в сентябре. Решила прогуляться. Иду вдоль прилавков, и взгляд останавливается на горке из брусники такой красоты, которая как бы ждала кисти художника или руки кинооператора. Не удержалась и спрашиваю продавщицу: «Откуда такая роскошь?» Женщина, позевывая, неохотно отвечает: «Да из муромских лесов». Я восторгалась и только хотела сказать, что я знаю эти леса, как продавщица не дала мне и рта раскрыть и, ткнув в меня пальцем, сказала:

«Так ты ж, так ты ж была у нас директоршей и ходила в темно-вишневом костюме с белым меховым воротником!»

Мало сказать, что я была взволнована. Я просто подошла к этой женщине и обняла ее, а потом мы с ней разговорились. Да, в двадцать четыре года я была самым молодым директором во Владимирской области. Горком партии Муром направил меня на работу директором Дома культуры имени Ленина. Я сделала капитальный ремонт на полвека вперед: плитка вместо асфальта и фонтан на фасаде, а здании — витражи и мозаичные панно, а также заново был оформлен огромный танцевальный зал. Это было все очень необычно, модерно, но мне хотелось, чтобы Дом культуры был признан повышенной категории, но для этого нужно было иметь второй зал. За ночь до приема комиссией открытия Дома культуры я собрала весь коллектив и объяснила, что нам нужно за ночь сломать две стены и из трех комнат сделать помещение на 150–200 человек для партийно-хозяйственных встреч и проведения различных занятий. Тогда мы сможем перейти на самоокупаемость и использовать главный зал на 750 мест по прямому назначению. Повышенная категория — это повышение зарплаты всем сотрудникам и увеличение штата Дома культуры. Ночь была трудная, но мы справились. Я даже успела съездить домой, принять душ и переодеться. На сердце было тяжело — знала, что впереди меня ждет партийный душ.

Так и случилось. Когда к десяти часам я подходила к своему Дому культуры, кто-то из членов комиссии сказал: «Ну вот вам и партизанка явилась!» Голоса членов комиссии разделились: одни требовали исключить меня из партии за самоуправство, другие помакивали. Спасли меня два человека — главный архитектор Муром и директор прославленного в стране Паровозо-вагоностроительного завода имени Дзержинского. При чем последний сказал, что Дом культуры будет нашим тринадцатым цехом, цехом Культуры и не нужно мешать ему работать.

Вот какие мысли из прошлого прошумели в одно мгновение в моей голове в объятиях муромлянки у прилавка с лесной ягодой. «Ты приезжай, — сказала она — тебя еще помнят у нас. А Дом культуры все у нас любят. Два моих сына там всю юность провели, а теперь уже и две внучки. Ты приезжай!» И мне действительно очень захотелось тут же поехать в юность мою, но у меня уже был куплен билет на поезд в родной Смоленск...

Какое счастье, что мы дожили до тех времен, когда можно заказать визу, купить билет на самолет и оказаться Дома, на Родине. Мне же часто вспоминаются первые тринадцать лет эмиграции, когда казалось, что

мы уехали навсегда... Ностальгия была непроходящая. Ночами вспоминалось лучшее, что оставили Дома — театры, консерватории и любимые музеи Москвы и Ленинграда, концерты с церковными колоколами на откосе Волги в Нижнем Новгороде, моего любимого хорового дирижера Александра Юрлова, а также наши теплые встречи-праздники в окружении близких и дорогих мне Золотовицких.

Не забыть мне и моего первого приезда в Москву, уже иностранкой, с чужим гражданством, но с прежним теплом общения. И снова все собрались в «Национале» — более шестидесяти человек, включая уже незнакомое мне новое выросшее поколение, которое с пониманием отнеслось к нашей старой традиции празднования: заканчивать праздник последним тостом молча за тех, наших дорогих и навсегда ушедших...

Не было на этой встрече уже ни тети Веры, ни дяди Фимы!

Вся жизнь дяди Фимы была связана с Реутовской школой. До войны он, будучи еще молодым учителем физики, старался выстроить программное обучение на высочайшем уровне. Когда началась война, ему поручили эвакуировать все ценное, что было наработано в школе. Война разбросала семью Золотовицких по стране: жена Вера с маленьким Мишкой и со своей матерью уехали в одну сторону, братья и сестры с родителями — в другую, а Фима — в третью, потому что из-за очень плохого зрения на фронт его не взяли. В эвакуации он стал хранителем ценностей своей школы. Война еще не закончилась, когда Ефиму Золотовицкому была дана команда вернуться в столицу и заняться восстановлением школы. И только когда он оказался дома, все эвакуированные Золотовицкие стали возвращаться домой. Школа стала домом и для дяди Фимы, и для тети Веры, учительницы русского языка и литературы. Она была учителем от Бога с очень мягким, хотя и шумным характером. Ее называли Вера Махонькая из-за ее маленького роста, потому что рядом с ней со студенческих лет была ее верная подруга Вера Большая, или Вера Сергеевна Новоселова, учительница двух Героев Советского Союза — Зои и Шуры Космодемьянских.

Для меня встречи двух Верочек были просто подарком судьбы и школой литературного образования. Старалась понимать и запоминать и их единое сердце, и их взгляды на жизнь и события и, конечно же, на их разногласия. Вера большая была намного тверже по жизни и в решении многих проблем. Ее заметили и в Министерстве образования, и в Министерстве культуры не только из-за ее героев-учеников, но и за просветительскую работу и методику преподавания. Частенько ей приходилось сидеть в

различных президиумах и выступать на всяческих конференциях и патриотических мероприятиях. Но она всегда оставалась скромной и была верна себе.

Помню ее рассказы о том, как ее зазывали в партию, но она в нее так и не вступила. Помню, как она в прессе, а это было в пятидесятые годы, не побоялась вступить в полемику с известным и обласканным властью режиссером Московского театра имени Маяковского Охлопковым Николаем Павловичем, профессионально доказывая, что режиссер неверно трактует в своих постановках пьесы выдающегося русского драматурга Александра Николаевича Островского. Свой страх она могла доверить только Вере Махонькой. При ней она могла и всплакнуть, и пожаловаться на страх, что ее могут посадить. Но не посадили — власть никогда не делала того, что ей было невыгодно.

Вот в какую замечательную семью попал после демобилизации старший сержант Семен Поверенный, мой дорогой дядюшка Сеня. О Рудне даже думать не хотелось, и Сеня приехал в Москву к своим двоюродным братьям и сестрам. После Победы он оказался в Москве 22-летним молодым человеком без жилья и образования, что очень осложняло его новую жизнь. Остановился он в семье дяди Фимы как бы переночевать, а стал гостем-приживалой чуть ли не на целых два года. И таких гостей у Золотовицких в послевоенное время было немало. А ведь Фима с Верочкой только недавно встретились после тяжелых лет разлуки и им бы жить семейно и радоваться, что остались живы и наконец-то встретились, но они впускали и в свой быт, и в свою личную жизнь людей, нуждающихся в их помощи и поддержке. Когда не хватало половиц в квартире, чтобы уложить гостей, дядя Фима уводил пришельцев в свой школьный кабинет в Реутово — теперь это один из районов Москвы.

Конечно, Сеня понимал неловкость ситуации, но у него не было выбора. Он не только сердцем прилип к Золотовицким, но и навсегда полюбил Москву. Пусть простят меня дети, для кого я пишу эти воспоминания, пусть простят меня дорогие друзья, которые тоже будут читать эти строчки, за то, что я усложняю их чтение, что не соблюдаю временные дистанции, перебегаю из прошлого в настоящее и обратно — из сегодня во вчера. Я пишу не научный доклад и не занимаюсь математической логикой — если честно, то с логикой у меня было сложновато всю жизнь. Так вот. Я пишу в беспорядочном «порядке», как подсказывает мне моя память. Продолжаю: я, как и Сеня, полюбила Москву. По тому времени я была хорошо начитанной девочкой. По литературе и художественным

альбомам довольно хорошо знала центры Парижа, Петербурга и Москвы. В Париж я попаду очень не скоро, быстро узнаю в этом городе «мой Париж», но в моем представлении город нужно было бы перевернуть, потому что казалось, что все, окружающее меня в этом городе, живет в зеркальном отображении. Смешно, но с Парижем у меня и сейчас такие же отношения. Петербург конца пятидесятых потряс меня и культурой, и менталитетом. Каждый знал свой город как азбуку, поэтому, если ты готовился задать вопрос, ты должен был быть готов и к обстоятельному ответу. А как ленинградцы стояли в очередях и на транспорт, и в магазинах! Я еще не знала, что где-то рядом по соседним улицам ходит мой будущий муж, ленинградец, блокадник. Все это еще было далеко впереди... Москву я тоже знала неплохо и очень любила и люблю Москву «дядюшки Гиляя».

Моя внучка, как мне кажется, очень похожа на меня, но она растет человечком, очень уверенным в себе. В три года она заявляла: «Я тоже человек и мне нужна свобода!» или «А я это знаю точно!» Я тоже старалась быть уверенной, но бывали моменты и всевозможных сомнений, причем с годами их становилось больше. С некоторым страхом я впервые ехала в Москву и встречать меня на перроне Белорусского вокзала должен был дядюшка Сеня. Я боялась, а как мы встретимся, а как мы узнаем друг друга? Но мы встретились и мгновенно узнали друг друга. Не успела я выйти в тамбур вагона, как увидела и узнала в нем родного человека, а он улыбался и махал мне руками. Мы и вправду были похожи. Позже, когда он уже работал в магазине, его сотрудники, которые меня не знали, стучали в его кабинет со словами: «Семен Львович, к Вам сестра приехала».

А впервые дни гуляния по Москве Сенечка все спрашивал, почему я не удивляюсь, ведь я же в Москве. А я ему отвечала, что потому и не удивляюсь, потому что я в Москве! Любовь к Москве нас и объединяла.

А те первые годы после Победы ему было в столице сложно. Галя, младшая дочь дяди Фимы, всю жизнь до пенсии проработавшая за границей в СЭВе, расскажет мне о ее детских воспоминаниях, связанных с жизнью и бытом тех лет.

Материально мы тогда жили очень скромно. Месяцами кормились макаронами и жареной картошкой, которую великолепно готовил Сенечка. Поверьте, я никогда в жизни больше не ела картошки такой вкусноты, какую я ела в детстве. Жили мы тогда очень скученно. Никто не знал, какое новое лицо сегодня появится в нашем доме, а кто с нами распрощается в надежде обустроиться в новых условиях. Но это и было самое не-

забываемое время в моей детской жизни, и жизнь эта проходила шумно, весело и дружно, и все мы становились близкими родственниками навсегда. А как мы рисовали себе наше будущее, как много говорили о нем.

Мечтал о будущем и старший брат Гали — Миша, мой самый любимый кузен и мой ровесник. В ту пору мы были студентами, и я пророчила ему прекрасное будущее. Учился он одновременно и в институте ЦветМетЗолото, и в театральном. Вспоминаю, как он, уставший, с электрички добирался до крыльца дома в Реутово, выносил раскладушку во двор и мгновенно засыпал. Рано женился, родилась необыкновенно красивая девочка Женечка, но слабого здоровья. Она очень хорошо закончила школу, заканчивала МГУ, но на одном из последних экзаменов умерла. Смерть дочери сломала Мишу физически — начались болезни. Я рада, что он смог приехать к нам в Мюнхен незадолго до своей смерти. Только ни я, ни дети не знали, что это была наша последняя встреча...

Не пощадила жизнь и моего младшего кузена Борю Золотовицкого, сына тети Цили, по отцу — Борю Генинсона... У него было безоблачное детство. Держа его за ручку, я с ним часто бегала по музеям. Его любимым был Политехнический. С раннего детства знал и он, и мы все, что он будет математиком — он всегда побеждал на всех олимпиадах. Он привык побеждать, но мы забыли, что Боря еврейский ребенок с пятой графой. По наивности и веря в Оттепель, Боря отнес документы в знаменитый Мехмат, и его «зарубили» на первом же экзамене. Москва буквально загудела. Сколько людей, сколько организаций начиная со школы, в которой Боря учился, было задействовано в эти тяжелые для него дни, я не знаю. Дело дошло до ЦК партии и какая-то комиссия при ЦК вынуждена была пригласить его для повторного экзамена. Дали задачу для второго курса института, но Боря доказал, что задача не решаема, и объяснил, почему. Так он стал студентом. Учился он легко и с интересом. Еще на первом курсе он подружился с Борей Березовским, и эта дружба продолжалась до окончания института. Продолжилась она и потом в совместной работе в НИИ. В итоге Боря стал научным рабом будущего олигарха: он выполнял все его курсовые, писал за него и кандидатскую, и докторскую. По договоренности, в пятницу они встречались, и наш Боря за несколько часов разъяснял Березовскому то, над чем трудился не меньше недели. «Бос» щедро расплачивался и ставил новые задачи. Ученый раб преклонялся перед сверхгением, как он того называл, а работал на него только потому, что понимал — черновая работа сверхгению не интересна, так как во всем видел конечный результат и уже со студенческих лет делал свои первые миллионы.

В начале 90-х Боря с мамой, женой Инной и дочерью Аней оказываются в Израиле. Там говорили, что из Советского Союза в эту страну приезжает каждый второй или музыкант, или математик, и каждый требовал работу по специальности. Борю на работу взяли сразу в какой-то научный центр, так имя у него в этих кругах у него уже было. Но радость новой и свободной жизни была недолгой: на Борю обрушилась трагедия — он заболел очень редкой и плохо изученной болезнью. Название по-английски состоит из трех букв аббревиатуры: сначала у человека пропадает голос, а потом он физически превращается в ребенка.

Инна, дорогая, мы все кланяемся тебе, благодарим тебя за твой подвиг и мужество, за то, что ты с достоинством несешь свой крест и не отдала Борю в чужие руки! Я теперь не езжу в Израиль — боюсь увидеть Борю на руках у Инны... Это зрелище для меня страшнее смерти. В молодости — мы все молоды и такими молодыми и останемся на всю жизнь, думается нам...

Всем после войны было трудно. Не исключением был и Сеня. Первое время он танцевал в каком-то ансамбле песни и пляски, потом недолго играл в футбол за команду «Торпедо», а нашел себя в бизнесе (уже в пятидесятые годы он называл себя бизнесменом) — стал директором гастронома в районе «Сокола». Его магазин был лучшим в районе. Даже в «голодные» девяностые он снабжал жителей своего микрорайона всеми необходимыми продуктами, а когда организовал выпечку горячих пирожков, к нему съезжались люди даже из других районов Москвы. Он был на своем месте. Единственное, что он не выполнил — это обещание мне долго жить... Умер в феврале 2001 года.

А теперь снова возвращаюсь в детство, теперь уже партизанское.

Жизнь в лесу мне понравилась и лес я полюбила навсегда. Я совсем равнодушна к морю: лежать часами и загорать не могу и не люблю, бродить от пирса к пирсу скучно, нюхать запах перегорелого масла всех прибрежных ресторанов неаппетитно. А вот лес, реки, озера, поля и луга — это мое, близкое и понятное. И все это подарила мне только в улучшенном варианте страна Бавария. Я прожила в эмиграции ровно половину моей жизни, но никогда, несмотря на всю комфортность, все-таки не назову Германию своей второй Родиной. Близкие знают: если я говорю «у нас», значит, говорю о России, если говорю «здесь», значит, — о Германии. Радует меня и то, что, живя в центре Мюнхена, я пешком могу дойти до трех парков города. В парках, в лесах, на озерах Баварии я не задаюсь вопросом «мое-чужое», там я живу, как когда-то жила и выжила в смоленских лесах.

Лес для меня хорош во все времена года, хотя поздняя осень — самое неприятное время для лесной жизни. Бабушка с дедушкой оказались очень востребованными. Дед целыми днями работал медбратом (опыт ветеринара очень пригодился) и чинил обувь, бабушка делала множество дел: и стирала, и шила, и готовила, и раны перевязывала легкораненым, которые долго не засиживались в наших окопах и снова уходили на задания. Тяжелобольных увозили в госпитали. Мне не забыть, как ловко и быстро строились землянки, как быстро они обживались; и даже баня по-черному была у нас всегда — переезжала с одной стоянки на другую. Помню, как дивно летом плел шалаш из веток дед. Спать в таком шалаше было бы наслаждением, если бы не война. Адик научил нас ловко лазить по деревьям. Для этого нужно было «спутать» веревкой ноги. Веревку на ногах можно было завязать, учитывая диаметр дерева с тем, чтобы хорошо охватить ствол ногами и перенести нагрузку тела на ноги и на этот узел. С помощью свободных рук легко было подниматься до самых вершин деревьев.

Другой молодой человек, которому оторвало пальцы на ноге и который считался легкораненым, но долго почему-то не мог ходить, научил нас плести корзиночки. Острым ножом он сдирал с ольхи, осины или ивы кожицу, резал ее длинной лапшой и плел разные вещи. В эти плетеные корзиночки взрослые «обували» коров, которые заменили лошадей. Если в начале лесной жизни в обозе были и лошади, и коровы, и даже свиньи и домашняя птица, то со временем пришлось со всем животными расстаться: лошадей откомандировали в действующую армию, свиней и птицу съели. Коровы же оказались удивительными животными не только потому, что они кормили нас молоком, но и потому, что их вместо лошадей впрягали в телеги и повозки и они возили нас от стоянки к стоянке. Удивительным в них было и то, что они психологически воспринимали общую тревожность, им был понятен человеческий страх. Лошади считаются умными животными, но они на скаку могут остановиться, и сдвинуть их с места бывает трудно даже плетью. Наши коровы в «наших» мягких тапочках были очень послушны, шли всегда размеренно и тихо, без мычания и других звуков.

В Мюнхене мало мест, где можно увидеть сразу все небо, но, если это случается, я всегда вспоминаю одну единственную ночь нашей передислокации (а их было много), которая врезалась в мою память. К движению все готово. Коровы обуты и их уже впрягли в телеги. Их много. Во все телеги вставлены боковинки: так когда-то перевозили целые копны сена.

Сейчас на этих телегах весь наш обозный скарб. Первая телега — наша, детская. Мы тоже молчим. Для пущей уверенности взрослые перестраховываются: кладут в наши рты по гусиной шкварке и завязывают нам рты тряпками. Как и мой покойный муж, который никогда не ел мясо кролика или зайца, потому что в их семье во время блокады Ленинграда они съели своего любимого кота Барсика, так и я всю жизнь не ем мясо и паштеты из гуся и утки — у меня их запах вызывает тошноту.

Эта ночь нашего передвижения запомнилась мне на всю жизнь. Ночью в лесу почти никогда не бывает сухо — росы или туманы почти всегда, но эта ночь была или казалась мне совсем сухой, без ночной влажности, она была хороша и торжественно тревожна. Мне было уже почти три года. Не уверена, что я знала слово «волшебница», но в ту ночь я точно была ею. Небо было не синим, а черным, и оно показалось мне огромным одеялом, лежащим на вершинах елей вдоль нашего пути. Над нашей телегой оно вообще спускалось до моих ручонков, и я держала в них звезды, я играла ими, я переставляла их, путая небесную карту. Это видение (не знаю, как назвать по-другому) для меня превратилось в явь, и я потом долго хранила в себе этот секрет. Никогда не верьте и никого не слушайте, если говорят: «Дети врут». Не верьте!

Что-то похожее на эту сказку произойдет и с Региной, моей старшей дочерью. На третий день после окончания университета вместо отпуска она подписала контракт с киностудией Бавария-фильм на работу переводчицей в съемочной группе на российском старинном паруснике «Херсонес». За время плаванья по морям и океанам от Бремена до Лиссабона и обратно они должны были снять художественный фильм о любви. Фильм показался мне слабым, но впечатлений у Регины осталось много. И она мне рассказала о необыкновенной звездной ночи, которую она провела в одиночестве на палубе шхуны. Ей, уже взрослой, тоже казалось, что она дотянулась до звезд. Счастье, когда жизнь дарит нам такие подарки, но мне в 42-м до счастья было еще далеко.

Причина кочевой жизни была проста — фашисты стали пугать нас облавами. Вначале они боялись и леса, и партизан, но потом осмелели и устраивали облавы на нас все чаще и чаще, проникая в глубь леса и наступая нам на пятки. К счастью, им ни разу не удалось нас обнаружить, хотя они подбирались к нам так близко, что мы слышали их голоса. О собащем лае я уже не говорю... Из всего животного мира я больше всего любила бабочек и стрекоз, а больше всех не любила немецких овчарок, не люблю их и сейчас. Мне собачий лай был страшен не только сам по

себе, но еще сильнее — эхом огромного леса, который глубоко впитывал этот звук и долго держал его в себе. У меня тогда еще было мало понятий для сравнения. Дым костров был мне близок, я с ним срослась — это был хороший дым. А эхо я называла плохим дымом. Я всех уверяла, что этот дым влезает в каждую веточку, садится на каждый сучок, а ночью солнышко нагреется, поднимется вверх и прогоняет плохой дым — эхо, которого я очень боялась. Солнце для меня тоже было обычным большим шаром, который днем греет, а ночью опускается за край леса, его там нагревают в большущем чане — я же видела, как бабушка ежедневно в чане кипятит на костре белье и бинты.

И с костром у меня тоже связана незабываемая история. Наверное, это было поздней весной. Теплый ясный вечер. У костра — плотное кольцо обозников, что не часто бывало. Для меня костер — это в первую очередь машина для всяких дел, а не для отдыха. Кто-то сварил большую гильзу мерзлой картошки. С весны до сентября другой пищи у нас не будет. Осенью партизаны добудут для нас картошку нового урожая. Так, по кругу, двумя большими деревянными ложками едим мы эту картошку, и взрослые отдыхают за разговорами. И вдруг к костру подходит чужая женщина, для меня — настоящая Баба-яга. Зрелище было страшное: кудлатые ниже пояса седые волосы, одежда под цвет волос — вся в лентах и лоскутах. Как будто кто-то нарочно порезал одежду на ленты, и по ней от головы до жутко грязных ног бегали тысячи и тысячи здоровенных вшей. Пламя костра высвечивало то одну, то другую сторону одежды, и мне казалось, что вши, дойдя до ее ног, поворачивали и двигались в сторону ее лица. Она ничего не говорила, ничего не просила и даже вшей не смахивала с лица и рук. Мне почему-то было ее совсем не жалко. Я была уверена, что Баба-яга подошла к костру, чтобы мы ее сожгли. Не помню конца этой истории, но, когда выросла, стала понимать, что моя Баба-яга не была старухой: она была худенькой, стройной и прямо держала спину, стоя у костра. Какое же горе заставило ее отдать себя вшам на съедение?

Анна Григорьевна была чистоплотна и очень следила за нами: вся одежда стиралась и кипятилась, а мы мылись в бане под землей. Помню себя лежащей брюхом на чей-то огромной ладони, а по спине гуляет венник. Но с волосами была проблема. До десятого класса я была самая маленькая в классе по росту, но уже в три года у меня была длинная коса. Проще было бы меня остричь, но взрослые мучили меня этой косой и почти каждые три дня натирали мне волосы керосином. Этот керосин на

голове я выдерживала аж до седьмого класса. В начале учебного года я сказала подружкам: «Режем!» Косу отрезали, торжественно опустили ее в местную речушку и она рыбкой уплыла от меня навсегда. К оставшимся волосам привязали темно-вишневый бантик. Дома почему-то была одна мать. Она сидела на корточках с кухонным полотенцем на плече и бросала уголь в грубку — печку-буржуйку. Глядя на мой бантик, мать медленно выпрямилась, свернула полотенце жгутом и начала стегать меня им по голове. Я же уже давно ничего не боялась: не только избавилась от ненавистной косы, но и в собственных глазах поднялась на одну ступеньку вверх по лестнице моей независимости...

Но пока что продолжалась эта страшная война. Моя мать знала дорогу к нашему обозу, но к нам не торопилась. Взрослые выяснили: у нее роман с сослуживцем, неким Потапенко. Его почему-то долго не посылали на фронт, а призвали только к концу весны 1942 года, когда мать была уже беременной. В его семье остались две дочери, как две капли воды похожие на Гаю, мою сводную сестру, рожденную уже в лесу в декабре этого же года. С фронта Потапенко не вернулся...

Потом закончится война, и мы все будем учиться в одной школе, но сестры Потапенко никогда не только не сроднятся с Галей, но даже с ней не подружатся, зная всю эту «всеобщую историю».

Галя же всем до сих пор говорит, что она моя родная сестра, и меня это радует. Значит, не зря она до замужества носила мою фамилию и до сих пор носит отчество моего отца. Не помню маминых родов, не помню и Галиного младенчества, ее первую зиму в обозе, наверное, потому что я всегда была «сама по себе», лишившись материнской ласки. Сдружилась с мыслью, что у меня есть сестра только после несчастного случая. К концу лета 43-го Галя еще не встала на ножки, но уже хорошо ползала. Однажды она подползла к куче растопленного солнцем гудрона. Он был мягкий, теплый и тягучий, и она села в этот расплавленный пласт голой попой. Отмыть ее было большой проблемой. Для меня эта беда стала большим личным событием. Я впервые плакала по поводу не собственной боли, ко мне впервые в моей маленькой жизни пришло чувство огромного сопереживания (и я бы уже никогда не сожгла на костре мою Бабу-ягу). Я впервые поняла, что у меня есть девочка — сестра, которая так же, как и я, не очень любима, и что мне надо о ней заботиться и ей помогать.

С тех пор прошла целая жизнь, и я всю жизнь помогаю сестре, сейчас — пенсионерке с пенсией в 11 тысяч рублей — и подавно. В прошлый приезд, рассматривая ее фотоальбом, я увидела, что с юношеских лет на

всех фото она в моих платьях. «А ты не задумывалась, — говорит она, — что по этим платьям я могу тебе рассказать о географии моих путешествий? Я была только в тех местах, где ты жила и работала. Посмотри, — говорит она, листая альбом, — это Москва, это Муром, потом Великий Новгород, Ленинград, Ленинград, Ленинград, а далее — за граница. Ты даже не представляешь, какую радость ты приносишь своими посылками даже и сейчас. Нам с Галиной (моя племянница) хватит твоих платьев на три жизни, но я приглашаю подружек, весь коллектив Смоленской областной библиотеки (где сестра проработала почти всю жизнь) и мы за чаем и примерками все молодеем и здоровеем. Называем эти встречи «20 килограмм благополучия» (по весу посылок). Радуйся, что твои вещички разлетаются по домам и квартирам и какую-то часть я всегда отношу в церковь. Поклон тебе от твоих землячек!»

От нынешнего благополучия я мысленно возвращаюсь к началу 1943 года. В самом воздухе чувствуется переломный момент в войне. Наш партизанский отряд очень разросся, мы теперь уже воюем вместе с партизанскими отрядами Белоруссии, в отряде много армейских офицеров, многие партизаны ходят в армейской униформе. Я сильно подросла и знаю, что такое подвиг, кто такой герой, я вижу награды, ордена и медали. Снабжение нашего отряда тоже улучшилось, и мы уже не едим только мерзлую картошку, как прошлой весной. Да и немцы снова стали нас бояться, облав стало меньше. Я чувствую, чувствую, как я взрослею, я понимаю слова «все для победы!», и жизнь моя становится все более осмысленной, я стараюсь помогать взрослым и сестренке. Но, если совсем честно, роль воспитательницы мне мало подходила — я была нетерпелива.

Любимое мое занятие — слушать и слышать птиц. Ведь птицы — это первая музыка в моей жизни! И сейчас, сидя в концертном зале и слушая прекрасную музыку в хорошем исполнении, когда дрожь пробирает до макушки, а по коже плывут холодные волны чародейства, в любой музыкальной вещи, у любых авторов я слышу и выделяю пение птиц. Дома у меня кассеты с их пением, и я люблю слушать это очарование в одиночестве.

Музыка войны весной 1943 года все еще оставалась суровой. Нас хорошо охраняли, но главная заслуга в обеспечении нашего спокойствия все-таки принадлежала не охране, а разведчикам. Мы оставались живы только благодаря их умению и знанию, как и где разместить обоз. Прятали наши стоянки не только от фашистов, но и от жителей деревень. Чего

греха таить, в каждом селении, несмотря на общий патриотизм, могли найтись доносчики и предатели. Место обоза еще должно было быть хорошо спрятано от сборщиков грибов и ягод. Кто же мог подумать, что через несколько десятков лет я встречу одного из тех, кто спасал мою жизнь, и скажу ему запоздалое спасибо.

Перед эмиграцией я много лет проработала в должности подполковника лектором-консультантом Ленинградского Военного Округа. В военных городках, в воинских частях и дивизиях приходилось бывать часто. Ездила и одна, и с творческими бригадами артистов, писателей, поэтов. У всех у них была норма бесплатных шефских выступлений. Поэтому у этих занятых людей была задача как можно быстрее отработать шефские выступления и начать зарабатывать. Патриотизм неплохо оплачивался. Я же в то время была человеком семейным и не отказывалась, если замполит части или дивизии заводил меня в закрома военторгов, где можно было купить деликатесы и хорошие книги. Однажды я купила маленькую книжицу стихов незнакомого мне поэта Петра Кобракова. Прошло какое-то время, и однажды мой шеф, генерал в отставке Чигалейчик Леонид Михайлович входит ко мне в кабинете каким-то человеком и говорит: «Познакомьтесь, поэт Кобраков. Вы едете с ним в следующую командировку». Я выхожу из-за стола, протягиваю руку и говорю: «Здравствуйте, Петр!»

«Мы знакомы?» — спрашивает он. «Нет, — отвечаю я, но недавно я познакомилась с вашими стихами».

Идем обедать в ресторан Дома офицеров, где находилось наше лекторское бюро и где я работала. Это замечательное здание построили при Николае II для высшего офицерского корпуса в начале 20-го века и в мою бытность оно еще сохраняло торжественную царственность. Все столы в ресторане были покрыты хрустящими накрахмаленными скатертями, а по углам стояли самовары. Наш обед перешел в ужин, когда узнали, что мы из одного партизанского отряда. Просто Петр был старше меня на 14 лет. Он шел впереди отряда, в разведке. Так что встретились мы почти как два однополчанина...

Кто-то из поэтов-шестидесятников сказал: «По главной сути жизнь проста...» Мне же по сути она кажется сложной и трудной, если не превратить ее в тихую заводь, а все время, как в бурю, рвать паруса. Она интересна делами, друзьями, а еще — непредсказуемостью и невероятностью. Как часто мы говорим: «Такого быть не может!» Как часто нам говорят то же самое: «Не может...», а цветовая красота гармонии жизни

вдруг преподносит сюрпризы... Я только что рассказала о Петре Кобракове, партизане-разведчике, который помогал нам, обозникам, выжить, но я и представить себе не могла, что жизнь столкнет меня с тем, кто меня убивал в те страшные месяцы и годы.

С середины 80-х от West-Ost Forum я часто выступала с публичными лекциями. Это были времена всеобщего экстаза немцев от Горби и перестройки. Однажды моими слушателями стали монахи мужского монастыря в Weltenburg, что на Дунае. После лекции разговорились с настоятелем, которого звали Pater Odilo. Дошли и до воспоминаний о войне. Когда я ему объяснила, что между Москвой и Ленинградом есть старинный город Смоленск, а в его области есть Каспьянский лес, у этого человека задержались щеки, он низко-низко согнулся и ладонями стал мять полы своей рясы. Потом медленно встал, лицо его было залито слезами, и сказал: «Идемте!» Мы Вошли в его кабинет, из стола он достал маленькую записную книжку в темном переплете. «Читайте», — сказал он. Я открыла запись от 24 августа 1941 года, день моего рождения, мне два года. «Сегодня партизаны убили Отто, моего лучшего друга. Траур. Касия...»(вместо Каспля). Плакали оба. Потом Pater показал мне два фотоальбома, в которых с немецкой аккуратностью были сфотографированы и подписаны улицы и дома близлежащих деревень: Красный Двор, Понизовье, Демидово, Микулино. Цинизм, ничего не поделаешь: сначала все аккуратноенько сфотографировали, потом так же аккуратноенько все уничтожили...

Наши же отношения с Pater Odilo стали очень дружественными. Я несколько раз приезжала к нему, и мы чудесно проводили с ним время на Дунае. Единственно, в чем я себя виню, что при жизни священника я не попросила в подарок эти фотоальбомы и записную книжку, а куда все это подевалось после его кончины, объяснить мне никто уже не смог. Какой это был бы документ для Смоленского исторического музея... Сколько же лет жизни ушло, пока я не поняла разницу между словами: немец и фашист. Мой новый друг, католический священник и настоятель монастыря Pater Odilo не был фашистом, он был немцем, солдатом, который выполнял приказы командиров. Но в то военное время, в долгие месяцы, два года моего недетского детства я этого, конечно, не понимала. Я была заражена общим патриотизмом, и дым лагерных костров перерастал для меня в дым Отечества...

Именно кострами, особенно одним — последним, огромным и праздничным — закончилась для меня эта страшная война. В последних числах сентября 1943 года нам объявили, что Смоленщина освобождена от врага

и мы можем покинуть лес и нашу последнюю стоянку. Еще не родилась замечательная песня со словами «Это праздник со слезами на глазах...», но мы все и пели, и плакали, и обнимались, и радовались, радовались, радовались. Нам разрешили лазить по деревьям прямо у главной дороги. Устроившись поудобнее на наших «наблюдательных пунктах», мы наблюдали многочасовой проход нашей пехоты: рядами во всю ширину дороги военным строем и с автоматами наперевес шли и шли солдаты. Зеленые каски на их головах отливали серебром, и, если долго смотреть на это движение, появлялось чувство нереальности. Эти одновременно качающиеся шлемы казались мне мягким ковром, и мое детское воображение рисовало на этом ковре сказочные картины. Взрослой я прочту письмо Федора Тютчева в Петербург, к родителям. Он описывает, как с высоты второго этажа наблюдал встречу мюнхенцами прусской принцессы и невесты Людвига I. Он пишет, что никогда в жизни не видел так много одновременно движущихся голов. А для меня этими качающимися головами в касках закончилась война. Настоящий День Победы — 9 мая 1945-го — я почему-то не запомнила, хотя была уже большой девочкой, почти шести лет. И последний праздничный огромный костер показался мне особенным торжеством, праздником. Может быть, это событие так четко запомнилось, потому что в новой, освобожденной жизни у меня долго не было ни чувства праздника, ни самого праздника.

Взрослым была дана команда покинуть лес всем сразу. Предупредили, что на выходе нас ждут трупы, которые еще не успели убрать после боев. Ни страха, ни жалости, ни других эмоций эти трупы у меня не вызвали, наверное, потому, что детская психика совсем не воспринимает смерть.

Кто-то из женщин крестился, кто-то читал молитвы, кто-то вел разговоры, что мы все разуты и полуодеты, а мертвецы лежали в добротных шинелях и крепких сапогах. Но, слава Богу, никто из обозников не рискнул снять вещи с убитых — ни со своих, ни с чужих...

Всех интересовал самый важный вопрос: «А куда теперь ехать и идти?» Рудня была полностью уничтожена. Кто-то из стариков сказал: «Давайте здесь постоим и дождемся проходящего через станцию Рудня поезда. По гудку поезда каждый ориентируется, в какую сторону кому ехать». Когда мы подъезжали к станции, увидели чудо, невероятную сказку по тем временам: дом тети Баси, маминой довоенной подруги. Все разбито, кругом пустыри, а этот дом, выкрашенный белым и с голубыми наличниками без единого выбитого стекла в окнах, с прекрасной огромной березой перед фасадом жил своей жизнью. Этот удивительным дом стал для меня

позже символом непобедимости и стойкости. Приезжая на студенческие каникулы, а потом в отпуски, я прямо с вокзала бежала на встречу с ним.

Два года назад мы были в Рудне с Региной и моей дорогой внучкой Эмишкой. На месте дома тети Баси вырос новый большой каменный дом. Хозяева убрали старую березу и на ее месте посадили новую и еще более прекрасную. Спасибо им. Они, наверное, знали историю счастливого места, на котором они строились. А после войны Вокзальная улица начиналась именно с этого места...

Вид нашего пепелища был мне совершенно не интересен. Над всеми руинами и пожарищем каким-то подбитым белым аистом торчала печь. Помню, как я теребила бабушкину юбку и говорила: «Мне совсем не нравится эта грязная земля. Давай вернемся домой, в лес». И бабушка, крепко стиснув мои плечи, сказала: «Привыкай, это и есть наш дом». Дед и Адик сразу же стали обследовать печь, бросали в дымоход камешки, чтобы проверить, не заминирована ли она. Потом дед сказал: «Печь, кормилица наша, она изранена по краям, но абсолютно здорова изнутри, и дымоход не поврежден». Так что это наследство сразу же привели в действие: печь затопили и приготовили какой-то горячий ужин.

Первую ночь спали все, сидя на телеге. Утром пошли на разведку. У переезда, где раньше была большая больница, здание морга было не совсем разбито, и мы смогли в нем пожить недолгое время. Потом появилась городская управа, начали очищать пустыри, ремонтировать все то, что раньше считалось домами, а из морга сделали первую послевоенную амбулаторию. Мы же снова на две зимы ушли под землю: дед смастерил добротную землянку. Мама с Адиком притащили из конторы Заготзерно (где она снова работала) огромный презент, и дед построил большой шалаш, в котором мы жили летом. Откуда ни возьмись появились соседи на своих пепелищах, все рыли землянки и задумывались о собственном жилье. Я, прожившая все военное детство в землянках, другого дома и представить себе не могла, но сейчас я точно знаю, что после моего ухода снова под землю я не хочу: пусть песчинкой, пусть былинкой, но останусь на этой грешной и прекрасной земле...

В России говорят: «плясать от печки». Мы же в те далекие годы не плясали, а обживались вокруг печки. Убрали мусор, до заморозков успели перекопать огород, подготовили его к будущей весне. Дед с Адиком определили фундамент и выкопали подполье будущего дома. Главной задачей взрослых было достать стройматериалы на этот самый дом. Искали

бревна, ограбили все блиндажи, все бункеры и дзоты, все заброшенные узкоколейки. Шпалы тоже пошли на строительство. Так что домом в прямом смысле наш вновь построенный дом назвать было трудно. Это была мазанка, хибарка, хатка по украинскому образцу, но, когда к концу апреля 1945 года ее достроили, оштукатурили, навесили голубые наличники на окна, счастливы были все. Наверное, это переселение, это новоселье и было причиной отключения моей памяти от настоящего Дня Победы.

От весны 1944 до лета 1945 года выросла и обустроилась наша улица Киреева, центральная улица Рудни, названная именем героя Советского Союза, совершившего свой подвиг на нашей земле. Весной 44-го мы уже не только засеяли свой огород, но и посадили фруктовые деревья и кустарники и кусты любимой мною сирени. Фруктовый сад был заложен, и уже летом следующего года зацвела сирень и поспели первые ягоды: черная и красная смородина и крыжовник. Вместо забора мы, детвора, сажали черенки тополя по всему периметру нашего «поместья». Быстро растущий живой забор очень украсил наше новое жилище. Прошло с десяток лет, и по распоряжению бабушки эту красоту начали пилить под корень: у тополя очень мощная корневая система, и бабушка утверждала, что наш «забор» забирает все соки из земли и вредит и саду, и огороду. Началось строительство нашей первой школы — домишка на четыре комнаты. В одной жила учительница Сима Наумовна, а в трех остальных были наши классы. Открывали школу мы, первоклассники, в 46-м. Я еще не умела писать, но читала уже очень бойко на удивление моей первой учительницы Марьи Петровны Корбанковой.

Школа, книги, сцена и дорогие, дорогие мои учителя начали лепить из меня человека. Марья Петровна будет первой, кто заглянет в мою детскую душу, душу израненного зверька, не злобного, не озлобленного, а раненого недоверием и грубостью бытия. Я тяжело переживала несправедливость во всех ее проявлениях, но психология педагога меня растила. Два примера. Урок чистописания. У нас — вторая смена, в классе темно, а единственная лампа — у четвертого класса. Мы пишем по «трем косым» — тетрадям, начерченным для нас взрослыми, трудную букву К. Я не вижу строчек и пишу, как Бог на душу положит. Жизнь прошла, но порой рука моя на мгновение замирает на этой букве...

Получаю от любимой Марьи Петровны огромную, на полстраницы единицу, точнее — кол, красным карандашом со шляпой и точкой с горох. Рыдаю и говорю о несправедливости. Убеждала она всегда на военных

примерах: представь, бойцы в блиндаже. Командир дает приказ «Вперед!» и бойцы со знаменем в руках бегут и захватывают нужный рубеж. А ты не успел — разболтались обмотки на ногах, ты упал и поздно догнал товарищей, уже после их победы. Героев награждают — для тебя это тоже несправедливость???

Другой пример моего патриотизма. Учительница раздает нам контурные карты, которые сама нарисовала и красным карандашом обозначила территорию Советского Союза. «Дети, — говорит она, — домашнее задание сегодня простое: закрасьте нашу страну красным цветом победителей».

Прихожу домой и всю карту закрашиваю красным и голубым. Реки и озера тоже попадают в красный, а моря и океаны я «пощадила». «Ты зачем всю карту зарисовала, не поняла задание?» — спросила учительница. Я ответила: «Марья Петровна, ты же лгунья! Мы врагов победили, и теперь весь мир красный!» По-моему, я уже тогда созрела для партбилета.

«Школьные годы чудесные...» — не было в 46-м, в моем первом классе еще этой песни, но школьная жизнь уже началась и для меня, и для моих одноклассников. Кто из них запомнился? Конечно же в первую очередь Левка Леин, хилый мальчик, который с первого по четвертый класс приносил ежедневно с собой четвертинку молока, закрытую соской. Сначала мы над ним смеялись, а потом появилось у нас даже чувство какого-то уважения: мы молоко видели только по праздникам, а он ежедневно! И все потому (мы были уверены), что у Левки был отец. Отец был и у Инки Кукушкиной. Он был директором Заготзерно и начальником моей матери. Для всех остальных слово «отец» отсутствовало. И вдруг ошеломляющая новость: Гальке Гурьяновой отец прислал письмо. Он был жив! Каждое его письмо заканчивалось словами: «Твой Вася». Со временем эти письма становились короче и приходили все реже... Конечно, мы все потихоньку ей завидовали.

Но когда их переписка закончилась, Галку мы не пощадили. Практически каждое утро встречали ее словами «Твой Вася», а потом пели противную частушку «Милый Вася, я снялася в темной кофте голубой...»

Сложными детьми мы были, но и чувство боли тоже было непростым.

Никогда не забуду первый цирк в моей жизни. Иллюзионист ставит на сцену два стула на небольшом расстоянии друг от друга спинками, повернутыми во внутрь. На эти спинки он кладет лилипута, берет в руки

пиду и начинает пилить этого маленького человечка. Со мной случилась истерика и я закричала: «Опять фашисты пришли!» — и потеряла сознание. С тех пор я цирк так и не полюбила.

Первый школьный Новый год классом мы еще не праздновали, а 47-й начался с бурных событий у нас дома. Наш дом стоял примерно в 100 метрах от шоссе. Однажды, идя домой, я увидела машину, стоящую на нашей дороге. В то время машины очень редко проезжали по шоссе, и я не могла американский студебеккер отличить от нашей полуторки. А тут такое событие: машина у нашего дома, из кузова которой трое военных что-то носили в дом. В открытую настежь дверь я увидела, что в чулане прямо на полу расстелен брезент и на него чужие для меня дяди бросают в огромном количестве копченую рыбу. Вот это был улов! Рыба называлась голец.

Я еще не доросла до сознания, что это за военные и почему остановились у нас и что делают в нашем городе да еще и с машиной.

Трое — лейтенант, старшина и сержант — не были дезертирами, и это было главное. К тому же к нам каждый день приходила молодая работница почты с запиской, в которой сообщалось, когда лейтенант должен быть на почте для телефонного разговора с начальством своей воинской части.

Невозможно себе представить, но в то уже далекое время в Рудне был один единственный телефон — только на почте.

Даже я, ребенок войны, знала, что солдатский паек — это хлеб, консервы и сахар, а за пребывание наших постояльцев оплатили почему-то соленой рыбой. Рыбы без хлеба или картошки съесть много нельзя, и на бабушку свалилась дополнительная забота прокормить еще и трех здоровых молодых людей.

Я была маленькой, но очень наблюдательной и сразу поняла, что лейтенант «другого» воспитания и образования, хотя держался и с нами, и с подчиненными по-дружески.

Все домашне-хозяйственные дела он переложил на старшину, а сам много гулял, много читал и писал письма, на которые ответы не приходили. Старшина и сержант быстро перезнакомились с маминими сотрудниками и начались, говоря нынешним языком, бартерные сделки: голец меняли на хлеб, муку и крупу. Вечерами они часто возвращались с полной канистрой браги (они ее называли бражкой или сивухой), то есть не совсем готовым самогоном белесого цвета, который на вкус был даже сладкий. До ночи ели и пили приготовленное бабушкой, потом стол пере-

носили в спальню и ставили на бабушкину кровать и начинались танцы до утра с приглашенными девушками.

Прожили у нас товарищи военные почти три месяца. Перед отъездом устроили мамин 27-й день рождения и прощальный ужин одновременно.

В тот вечер 15 марта 47-го я как бы впервые увидела мать и запомнила ее лицо. Она сделала прическу горячей плойкой — волнами, волосок к волоску, очень яркий макияж и накрасила губы по тогдашней моде ядовито-красной помадой. Не знаю, откуда у нее появились и длинное вечернее платье из темно-зеленого шелка, и бледно-розовая шаль, но она была хороша!

Я же спрашивала ее лучшую подругу и удивительную красавицу тетю Раю Зельдину, почему мама празднует день рождения, ведь она уже очень старая. Мне, тогда почти семилетней, все люди старше двадцати казались старыми. А «старые» влюблялись и даже женились. К счастью, наш старшина оказался честным человеком. Как и пообещал маминой сотруднице Анне Бабурченковой после демобилизации вернуться в Рудню и жениться на ней, так и сделал. И через год моя мать была на их свадьбе.

Но вернемся к прощальному ужину, который запомнился тем, что гости напоили самогоном бедного Адика. После войны нельзя было жить с именем Гитлера, и он официально стал Адиком Лисовским. В то время он уже жил в Витебске и учился в ФЗО (фабрично-заводское обучение) на слесаря, а на выходные приезжал домой. В тот злополучный вечер ему было очень плохо из-за выпитого самогона, и я подумала, что ему не захочется повторения. Но я ошиблась: с этого вечера и началось его пристрастие к выпивке, которое продолжалось всю его недолгую жизнь. Сначала это было нечасто и незаметно для окружающих.

После окончания училища и службы в армии он женился. На свадьбу вместо обручального кольца (золотые кольца тогда еще не дарили, так как их просто не было у бедных людей) подарил невесте крепдешиновый кремовый носовой платочек с великолепной французской вышивкой.

Много лет назад на мюнхенской мессе проходили дни Эстонии и там в отделе рукоделия я нашла почти такой же платочек, как и тот, который был на невесте в день свадьбы Адика. Я его, конечно, купила и ношу в течение многих лет на жакетах и пиджаках как оберег и память о детстве.

А жизнь Адика не пощадила. Ни жена, ни дочери-близнецы не смогли его уберечь от стакана. Его нельзя было назвать зlostным пьяницей — просто он всегда был немного выпившим, немного робким и трогательно

смешным. А умер так и не дожив до пятидесятилетия — погиб, упав вместе с трактором в кювет, погиб по русской традиции от «зеленого змея», от горько-русской слабости души. Сколько их таких погибает ежедневно «по пьяни», как говорят в народе.

А неделей раньше горожане Рудни везли в Смоленск, к Кремлевской стене гроб с телом своего знаменитого земляка, Героя Советского Союза Михаила Егорова, который вместе с грузином Катарашвили в мае 1945-го года водрузил Знамя Победы над Рейхстагом. Тоже, как и наш Адик, разбился в машине и тоже «по пьяни».

Я мало знала этого человека, но мне его было жалко. Недолгое время, пока город строил для него и его семьи дом, он жил у двоюродного брата Павла, соседа моей матери, и она делила с ними свой колодец. Его слава не оправдала в мирное время надежд местной и высокой власти. Он мог бы, наверное, быть хорошим колхозником или хорошим рабочим, но власти пытались сделать из него партийца и номенклатурщика. На какие курсы, в какие только партийные школы они не посылали Героя, а он, кроме русского алфавита, не способен был что-нибудь выучить или запомнить.

Так власть превратила этого несчастного человека в живую и немую мумию, у которого было постоянное место на высоких трибунах, съездах партии и парадах. Повышали его с годами и в воинских званиях: с Победы вернулся рядовым, а умер уже в чине майора. Какая чудовищно бесславная жизнь и какие пышные похороны — могила у кремлевской смоленской стены у «вечного огня» и бронзовый бюст, а для потомков — улица Михаила Егорова в Рудне.

Я же в то время была уже далеко и от мест моего детства, и от этих событий.

Ну а если вернуться к тем танцевальным вечерам, то все то время вспоминается, как одно тягучее длинное событие, в котором нам, детям, не было места. Уставшие мы забивались по углам и тихо засыпали под громкую музыку вальса.

Насколько я себя помню, жизнь вокруг, жизнь повседневная меня мало интересовала — я была сама в себе. Нет, я никогда не была замкнутой, просто очень рано я чувствовала какое-то внутреннее одиночество и поэтому проходящую перед глазами ежедневную жизнь воспринимала довольно равнодушно. Теперь часто задумываюсь о детстве моей внучки. На первый взгляд у нее есть все, что она хотела бы иметь. До десяти лет моя дочь возила ее отдыхать на море в комфортабельные Робинзон-клубы, но

базирующиеся на крохотных участках земли. Мы желаем ей хорошего будущего и ежедневно увеличиваем ее «надо» — сначала один иностранный язык, потом второй, третий, четвертый, сейчас уже пятый плюс басейн, теннис и т.д. Мы, сами того не понимая, отняли у нее главное — пространство, пространство внешнее и внутреннее, от которого черпаются внутренние силы развития личности. Я вижу, как она преобразуется на природе, помню, как она отчаянно хохотала, вступив впервые на безбрежный берег Балтийского моря в Юрмале. Так что с материальным пространством справиться мы можем, а с внутренним стержнем кажется переусердствовали, и пора ослабить эти вожжи любви к ней.

Я же, в отличие от внучки, росла в тесном родстве с природой, она питала меня, и я, несмотря на голод и полуголод, на недоедания в детстве, несмотря на хрупкость телосложения и маленький рост, до десятого класса никогда не болела. Мое внутреннее пространство было бесконечно свободно, надо мной не довлело слово «надо» — я была счастливой точкой на собственной орбите, вступающей в жизнь. Долго казалось, что у меня недостаточно сильный характер, и я совершала поступки, не свойственные моему характеру.

Так, в конце четвертого класса я забралась на чердак нашей маленькой школы, наносила в консервных банках воды и устроила в классе дождь при отличной погоде. Марья Петровна даже не спросила, кто это сделал. Она нас всех хорошо знала, как и почерк поступков каждого из нас.

Просто после уроков, как всегда в таких случаях со мной, сказала: «Пойдем на крылечко, там и поболтаем». Жаль, что ей поздно дали звание Заслуженной учительницы. Для меня она была перезаслуженной, она была мне старшей подругой. На крылечке она ни разу не упомянула о дожде в классе, но поверила в мое искреннее раскаяние. Только дождем мои «подвиги» все-таки не закончились. В пятом классе на спор я разобью школьную Доску Почета, в шестом уведу два класса во время занятий в кино на «Сильву» и «Каменный цветок». Стало стыдно, когда в кинозал вбежали наши классные руководительницы и стали кричать: «Шестой Б и шестой В — на выход». Но в зале было темно, и, как скажут мне когда-то мои дочери, в совесть мою им было невозможно посмотреть. После этого случая мои проказы закончились и я научилась критично оценивать свое поведение, быстро взрослеть, готовить себя к вступлению в комсомол и ощущать себя ответственным человеком.

В школе продолжалась своя жизнь, наполненная событиями. Я подружилась с нашей англичанкой. Пришла она в школу в наш седьмой класс

не первого сентября, а только к концу месяца. Учили мы английский с пятого класса, но она пришла в ужас от наших знаний, вернее от незнания предмета. Однажды она пришла в школу в пальто и красивой шляпке, но, как нам девчонкам показалось, с голыми ногами. Спросить было неудобно, но мы стали гадать, в чулках она или нет — и, конечно, нам было не до урока. Она или догадалась, или услышала наши переговоры, но подошла к первой парте и просто сказала: «Потрогайте, я в чулках и называются они капроновые. Сейчас их еще мало у нас, но скоро, девочки, вы все их будете носить».

В классе поднялся веселый шум, даже мальчишкам стало интересно. Кто-то из девчонок сказал: «Зоя Федоровна, а Вы знаете, что нам все нельзя: нельзя даже на праздничный вечер прийти в школу в фильдеперсовых чулках без разрешения классного руководителя, а Вы говорите такое».

Через год с ней произошла, как мне казалось, трагедия — она вышла замуж. Слово чиновник в те времена существовало только в литературе — в народе их называли начальниками, а чаще — казенными людьми. Мне в четырнадцать лет было непонятно, как вообще можно было выйти замуж за такого — не летчик, не моряк, а какой-то человек, который и любить-то не умеет, ему же не положено. Как же она могла полюбить такого?

А у него случилась трагедия: умерла молодая жена, оставив троих дошколят. Я же все размышляла и говорила себе, что дети — это ерунда, а как же она, самая красивая, самая нарядная, всегда с маникюром и в модных чулках будет жить даже не в городе, а в Шаровичах (деревня рядом с Рудней).

В народе говорили, что ему давали новую квартиру в городе, но он ее отдал другой семье, а для себя снял деревенский дом. Так как же Зоя Федоровна будет жить в деревенском доме и топить русскую печь, если ей мама Мишки Волчкова стирала и гладила вещи???

Мне казалось, что в чем-то мне самой непонятном любимая учительница меня предала. В том возрасте любовь казалась чем-то неземным и уж никак не в деревенской хате.

Но школьная жизнь продолжалась. Зоя Федоровна осталась работать в школе и после замужества, а нашему 7Б дали нового классного руководителя — учителя математики, только что получившего диплом педагога, Виталия Витальевича Синявского. Мы очень гордились, что у нас самый молодой учитель в школе. К слову сказать, он был в школе единственный

молодой учитель. А школа наша была послевоенная, поэтому учеников-переростков было много. Со мной в классе училась Юля Писарева, а ее сестра Валя — в девятом. Так по возрасту она была ровесницей нашего математика. Все мы девчонки конечно же хотели понравиться Синявскому, а Валя полюбила его по-настоящему, первой женской любовью. К концу учебного года о ее чувствах знала вся школа. Учитель вел себя с ней очень деликатно, даже перестал вызывать к доске, однако после летних каникул, в самом начале учебного года Валя вскрыла себе вены. Врачи ее спасли, но в школу она уже не вернулась. Не знаю, окончила ли она школу, потому что после этой беды семейство Писаревых переехало в Калининград. Вот вам и «школьные годы чудесные»...

А школьные чудеса продолжались до самых выпускных экзаменов. Я уже писала, что я и мои товарищи росли здоровыми детьми и занятия в школе почти никто и никогда не пропускал. А тут событие в нашем уже девятом классе — три дня на занятиях отсутствовала Инка Олехнович. Была она не из первых учениц, но училась всегда ровно и была очень симпатичной девчонкой.

Вдруг однажды в класс входит директор школы Илья Федорович и говорит: «Товарищи, вы все уже взрослые люди и я пришел вам сообщить, что ваша Инна в школу больше не вернется — она выходит замуж». Мы повскакали со своих мест и, хлопая крышками парт, обступили директора. Он нам рассказал, что ее избранник на четыре года старше её, только что закончил военное училище погранвойск, получил направление на погранзаставу. Молодому офицеру предложили приехать на заставу с женой. Так как они были знакомы со времен эвакуации, родители списались и сосватали молодых. Инна была старше меня на два года, но семнадцати ей еще не было — это я знала точно, но их все равно расписали.

Не успел директор уйти, как кто-то прибежал в класс со словами: «Что вы тут сидите? Инка с лейтенантом в промтоварном магазине ватное одеяло покупают. Бежим». Конечно же, нам было не до уроков — даже мальчишки побежали за нами. Гуртом вбегаем в магазин, а там уже продавщица связывает бечевкой огромное двuspальное тяжелое ватное китайское одеяло темно-вишневого цвета — других в Рудне еще не было.

Радостно и очень смущенно смотрит она на нас, а мы ее не узнаем: одета она как все элитные дамы города — на ней теплое габардиновое пальто в талию и в клеш, на плечах чернобурка, на голове маленькая изящная шляпка, на ногах суконные ботинки со вставными деревянными

каблуками. Но я ей не завидовала — да, она едет далеко, но только на какую-то заставу, а не в дальние страны. Так что я еще подожду.

А наш математик довел нас до выпускного, вернулся в родной Смоленск и до самой пенсии преподавал математику в пединституте. В последний мой приезд домой мы встретились — оказалось, что он живет в одном подъезде с моей сестрой. Когда мы случайно столкнулись в подъезде, я от неожиданности вскрикнула, а он сказал: «Здравствуй, Тася!». А я в ответ: «Как же Вы меня узнали и как не забыли мое имя через такую долгую жизнь?» Он ответил: «Ты забыла, девочка, что вы были моим первым выпускным классом и поэтому я вас помню и по именам, и по фамилиям». Какие же дорогие бывают в жизни встречи!

Но до этой встречи с любимым учителем пройдут долгие десятилетия моей взрослой жизни, а сейчас я снова возвращаюсь в далекое детство 44-го, детство, начатое для меня уже «после» войны. Свой День Победы я отметила, уже покинув лес и обоз партизанского отряда.

Но пока до школы было пару лет непривычной жизни без войны и без леса. Я не согласна со словами Чехова: «В детстве у меня не было детства». Неправда, оно было, другого я просто не знала, и даже в нем были праздники: первый — переселение из окопа и шалаша в настоящий дом, второй — на улице, недалеко от нашего дома установили столб с громкоговорителем, черной тарелкой-репродуктором, с которого началась для меня совершенно новая жизнь. Не сосчитать, сколько часов я провела у этого столба, и эта черная тарелочка стала моей новой школой и первой путевкой в жизнь. Слушала все подряд: и сообщения с фронтов, и «красноармейский радиочас», и памфлеты-монологи Дыховичного и Ленча, и военную музыку, и военные песни. С конца 44-го по мере застройки нашей улицы громкоговорители стали устанавливать и в домах. Непередаваемая радость: теперь можно было залезть на печь, спрятаться за «дежкой» (так бабушка называла кадушку с опарой для выпечки хлеба), свернуться клубочком и слушать, слушать — только бы не мешали домочадцы. А они мешали, они мало интересовались этим новшеством.

Неожиданно для меня бабушка пришла мне на помощь. Она заинтересовалась передачей «Театр у микрофона». Моя нелюбимая бабушка вдруг стала единомышленницей. Особенно хороши стали долгие зимние вечера. Она подбрасывала уголь в грубку, давала команду всем умолкнуть, а сама садилась к прялке — сучить (прясть) «куделю»; без работы эта полукрестьянка-полумещанка существовать не могла. Так, под равномерное жужжание прялки дом замирал, утихал и каждый из нас, в силу собст-

венного понимания, воспринимал ту непонятную, но волнующую далекую жизнь, текущую из черной тарелки.

Еще больше я стала увлекаться стихами, и поэзия со временем стала моей страстью на всю жизнь. Вначале это была фронтовая тема и фронтовая поэзия. Я быстро запоминала и стихи, и их авторов: Симонова, Твардовского, Кедрина и многих, многих других, но с особым волнением ждала выступлений мастеров художественного чтения: великих артистов Качалова и Смирнова-Сокольского. С их подачи я увлеклась мелодекламацией. Мы с Толей Прокопкиным стали самой известной детской парой на всех городских праздниках и торжественных концертах. Толе отец привез из Германии аккордеон, и он очень быстро переучился с баяна на этот распрекрасный инструмент. Советовались с учителями, подбирали музыку, подходящую для моего чтения со сцены. Из Горького полюбила: «...гражданка и мать, она думала о сыне и Родине: во главе людей, разрушавших город, стоял ее сын — веселый и безжалостный красавец...» Из «Овода»: «...отец и сын забыли о времени и месте, забыли даже, что были врагами...» Военная тема была все-таки самой важной в наших выступлениях: «Русский характер» Алексея Толстого, стихи наших земляков — Твардовского, Исаковского и, конечно же, стихи К. Симонова: «Сын артиллериста», «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины». А как мои зрители, моя публика любили «Соловяху» Бориса Корнилова: «...золотая счастнет песня соловья... он прощается у крайнего окна, и намок пиджак его измятый довоенного и тонкого сукна». Для меня это были просто стихи, для моих слушателей — ушедшая жизнь и воспоминания. Как они радовались сказанному слову, как замирали в полуосвещенном зале и как счастливо плакали, мне не забыть никогда.

Я еще не задумывалась, что эта моя артистическая и публичная жизнь мне когда-нибудь пригодится. Забегая вперед, скажу, что мои первые контакты с публикойгодились мне и в лекторской, и в преподавательской работе уже во взрослой жизни. Работая лектором, я побывала во многих воинских частях и дивизиях, принимала участие в окружных сборах пропагандистов, встречалась со многими штатными и внештатными лекторами Ленинграда, а их было около шести тысяч: преподаватели всех военных кафедр ленинградских институтов, государственного университета, всех военных академий и училищ, и т.д. По долгу службы я не только должна была слушать лекции моих товарищей, но и писать рецензии на их выступления. Пишу об этом, наверное, слишком подробно, но только с одной важной для меня мыслью: никогда, ни в своих лекциях,

ни в лекциях моих соратников, никогда в жизни потом я не чувствовала того единения выступающего с аудиторией, какое было у меня, у школьницы, с моим залом. И дело было не во мне, а в аудитории...

Люди, выжившие и пережившие войну, были другими. Они были щедрыми, но они и были жадными до этой новой жизни, и жить с ними было уютно. Того, что я не получила в семье, я получила в моем окружении, и благодарность моя безмерна. И мне хочется в связи с этим рассказать еще об одном событии доброты, окутывавшей меня.

Кому из нас не знакомо чувство малой Родины? Оно меня и сейчас не покидает. Не было ничего удивительного в том, что, хотя война еще не была закончена, евреи, услышавшие об освобождении Рудни, стали слетаться на родные пепелища, в свой местечковый городок. Вернулись Черноброды, Скобло, Леины, Ниссинберги, Мейцины. Вернулась долгожданная тетя Бася в свой шикарный дом, вернулась и легенда довоенной роскошной жизни — портниха мадам Левинсон. Правда, моя бабушка Анна Григорьевна талант этой мастерицы не признавала, называла ее «портниха-яниха» и считала, что сама шьет не хуже.

Так вот, нашлись энтузиастки, которые решили шить мне концертное платье. Заставили начальника матери выписать ей какую-то премию — неслыханное по тем временам решение. Получив деньги, отправились уже со мной в недавно открывшийся промтоварный магазин за тканью. Счастлива я была до небес и конечно же хотела платье в цветочек и с рюшами. Дамы объяснили мне, что цветочки для сцены не годятся и платье должно быть торжественным. Выбрали темно-синюю ткань с натуральной шелковой сверкающей нитью. Платье удалось.

Мадам, понимающая, что платье шьется на несколько лет вперед, не пожалела зашивов и складок. Хороши были и многослойные белые манжеты, и такой же воротник, украшенный блестящими бусинками. Бабушке пришлось шить под платье подходящие тапочки — не выходить же на сцену в кирзовых сапогах с чужой ноги, в которых я ходила.

Я еще не знала, кто такая Шепкина-Куперник, не знала ее слов о том, что можно найти человека, который будет плакать слезами твоего горя, но редко можно встретить человека, который будет плакать слезами твоего счастья. А эти слезы были — мне их не забыть до конца моих дней. Когда я нарядная вышла на сцену, зал меня встретил стоя: одни устроили овацию, другие плакали и рукавами вытирали слезы. Общее волнение передалось и мне, и я заплакала. Но где же мне было понять, что эти овации и слезы — не мне, а платью, в котором я стою. Платье

стало гимном общей победы, гимном надежд, гимном будущего и лучшей светлой жизни. А для меня — это был личный праздник в их, горожан, исполнении. Кто-то мог после этого назвать меня несчастным ребенком?

И с тех пор я не говорю портнихе: сшить, пошить, а говорю так, как тогда говорилось, по-старорусски: «справить». По Ожегову, справиться — это и купить, и приобрести, но главное значение — отпраздновать. Вот так всю жизнь я праздную мои маленькие праздники и пошива, и приобретения чего-то и уверена, что таких праздников нет у моих дочерей и внучки. Буднично и обыденно совершаются ими все приобретения, и я не знаю, радоваться этому или огорчаться.

А единственное праздничное платье продолжало жить своей жизнью. По мере моего вырастания оно уменьшалось по складкам и зацепам, пока не превратилось стараниями мадам сначала в сарафан, а в последние школьные годы — в юбку. «У меня есть память сохранять остатки вашего материала, — говорила мадам тетя Соня, он пойдет на клинья, и мы с Вами (она всех называла на Вы) еще поносим роскошную юбочку».

Она все-таки разрешила ее называть тетей, хотя «мадам» ей нравилось больше. Тетя Наташа Рогожинская, подруга матери, сшила к этой юбке белую батистовую блузку и с хорошим вкусом чуть-чуть украсила ее вышивкой гладью. В этом наряде я была не только на концертах, но и на школьных вечерах. Хоть и запоздалое, но спасибо Вам, мадам Левинсон, спасибо Вам, тетя Соня, спасибо за теплое участие в моем детстве.

Но если у «мадам» было собственное имя Соня, то у меня имен было множество — Анастасия в те времена было именем забытым и не модным. Как же меня только не называли: Ана, Ася, Тася, Стася, Тая, а подлинным именем меня называли только в трех организациях: в школе, в библиотеке и на сцене. Со временем в семье укрепилось имя Тася, а у подружек — Тая. Но одно мое имя оставалось до самой смерти матери: меня называли «дача Жени Лисовской». Не дочка, а дачка — на белорусский лад. Женя потом выходила замуж и разводилась, стала Малашенковой, но старожилы ее новую фамилию не признали, и Лисовской она оставалась до кончины.

Не знаю, с чем это связано, но мы все были чьи-то дочери и сыновья. Может быть, это шло от старины: мы все Ивановы и Петровы дети — то ли это было влияние Белоруссии, граница ведь всего в двадцати километрах от Рудни, то ли еврейская местечковость сказывалась, то ли это все вместе сохраняло ушедшие традиции, которых давно нет в больших городах. Вот смешной казус с «дачкаОй». Приехала однажды я домой в

конце сентября. Время мною нелюбимое: сыро и пасмурно. Хорошо, что дочери посоветовали ехать в легкой и теплой шубке без рукавов, но длинной до пят и мехом во внутрь. В этой шубке я собралась пройтись по родной улице. Дома сохранились прежние, а люди, их населявшие, уже были мне незнакомы: то ли новое поколение выросло, то ли дома заселились новыми жильцами. Пришло время полного краха колхозов, люди бросали свои жилища и перебирались в города. Решила я пойти не в центр, а сначала в противоположную сторону, к моей первой школе — домику из четырех комнат. В прошлый приезд я увидела на крыше телевизионную антенну, значит там кто-то живет.

Во дворе меня ждет мать с красными самосшитыми строчеными бурками с калошами, далеко не новыми и уж совсем не чистыми.

«Сними-ка ты, — говорит она, — свои городские туфельки и надень мои бурки, я в них копаюсь в саду и в огороде». Обидеть мать я не могла, переобулась и пошла — побежала школьной дорожкой — не по шоссе, а понизу, по стежке. У одного из домов весело и очень громко переговаривались три женщины. Вдруг одна из них и говорит:

Гляньте-ка, у нас цыганка объявилась, да еще в такой шубе! Бабы, разве на такую заработаешь? Краденая, это точно!

Ой, мамочки, — говорит другая, — а я хату не заперла. Надо бежать! Третья подводит итоги страхам:

Бабоньки, — говорит она, — посмотрите: она же в красных бурках Жени Лисовской! Она же ее дачка из Германии, приехала значит. Я все слышу, прохожу мимо, здороваюсь. Самая смелая из них заводит со мной разговор:

И как вам там, в ваших Германиях живется?

Спасибо, — отвечаю, — вы же знаете, что наши Германии объединились, и все мы живем нормально.

А мы еще лучше. А гостинцы привезла?

Конечно. Приходите, пожалуйста, к нам: и к чаю, и к кофе я все привезла.

Неее... Неее... — тянет долго и протяжно самая говорливая из женщин, — мы ваших кофеев не любим, привыкли к кофейному напитку с цикорием. От него пользы больше, чем от ваших кофеев.

И опять это нескончаемое:

— Неее... Мы к Жене потом придем, когда ты уедешь.

И это ее «неее» сразу же перенесло меня в альпийский городок Гармиш-Партенкирхен, который находится в 110 километрах от

Мюнхена на юг по железной дороге. Несколько лет я преподавала там русский язык в американской школе военных переводчиков. Помню, как трудно было понять иностранцу наши отрицания: «не» и «нет», понять разницу между «надо» и «нужно», «почему» и «зачем». В начале курса они мне могли еще сказать: «Сегодня я себя чувствую не кое-как». Или они никак не могли понять, почему русские говорят, что чувствуют себя неважно. «Почему? — удивлялись они, — ведь здоровье — это очень важно!» Им, привыкшим к удобному «to go», очень трудно давались и наши глаголы движения: пришел, ушел, вошел, вышел, зашел, отошел, обошел... Но мы справлялись, и к концу курсов такие вопросы уже не возникали. Уверена, если бы мои вчерашние студенты встретились бы с соседками моей мамы, они бы показали нашим россиянкам высокий «мастер-класс» по русскому языку.

А вот поколение моей матери на родной Смоленщине с литературным русским языком осталось на «Вы». В своем русском обиходном языке они и сейчас недалеко ушли от того послевоенного времени. Я очень рано научилась отличать «русский от русского». Помогли мне в этом книги, моя мелодекламация, когда приходилось многие куски учить наизусть, и, конечно же, школа и чудесные учителя. Но если местный говор меня раньше раздражал, то теперь умиляет. Прилетая

домой в Москву, приезжаю на Белорусский вокзал и беру билет до Смоленска не на скорый комфортабельный поезд Москва — Берлин, а на пассажирский Москва — Смоленск, неспешный, мало уютный поезд, заполненный моими земляками.

Знаю, что нехорошо, но я буду подслушивать, буду слушать их неспешные разговоры. Меня интересуют и темы, и, конечно же, их русский язык. Молодежь стала намного лучше старшего поколения говорить на чистом русском, но выговор, произношение слов с белорусским акцентом сохранилось. Они уже не говорят: «ти да, ти не?», а произносят правильно: «так ли это?», но в их речи проскальзывает белорусское «дзя», «я» вместо «е», «а» вместо «я» и т. д.: бярозка, трапка, рабенок. И в памяти моей вдруг всплыло белорусское стихотворение:

Кукавала зязюля (кукушка) У зялёном лесе.
Гадавала (растила) матуля Дачушку Алесю.
Кукавала зязюля У зялёным лесе,
Не згадала матуля, Што выйдзе з Алеси.

Да, не догадывалась мать, что выйдет из ее детей. Будущее могло и не наступить: по чудовищному закону, принятому вскоре после войны, увольняли всех граждан, бывших в оккупации и работающих на врага. Мы с Галиной и Надюшка не имели ни пенсий за погибших отцов, ни пособий. Бабушка получала маленькую пенсию за сына Дмитрия, летчика-лейтенанта, погибшего 9-го мая 45-го в День Победы в Берлине. «Вылетел задание, — сообщили родителям, — и не вернулся». Жили на мамину зарплату, а когда ее лишились, к нашему полуголодному детству пришел настоящий голод. Ненавижу слова пролетарского писателя «Человек выше сытости». Их мог написать человек, не познавший этого чувства...

Горе и чудо в детстве моем ходили неразлучной парой. Чудо свершилось: к нам в дом пришел однажды незнакомый дядя (помню только, что на нем была бескозырка без лент) и принес он маме новенькую не заполненную трудовую книжку! С этой книжицей маму снова взяли на работу в Заготзерно.

Для меня будущее могло и не наступить и опять же по чудовищному случаю: за два месяца до моей школьной жизни мать чуть меня не убила. Она не била, она убивала меня.

И снова чудо: я выжила и даже не стала калекой. Знаю, что была виновата.

Мы дружили улицами. На улице Киреева нас было уже много: от младшей моей сестренки до 14-летних братьев Солдатенковых. С мальчиками мы играли в лапту. Кстати, по уровню развития мальчишки от нас ушли недалеко.

Гена, — спрашиваю одного из братьев, — ты слышал, что когда-то будут телевизоры. Ты знаешь, что это такое?

Конечно, — отвечает он — залезешь на столб с громкоговорителем, вывернешь винтик, который посередине тарелки, и увидишь живую прыгающую балерину.

Так вот — с мальчиками мы гоняли дотемна мяч, с Галей Седневой, которая умела ходить на руках и делать «мостики», мы выстраивались в физкультурные пирамиды, очень модные в те времена. Я же лучше всех читала и пыталась всех увлечь чтением. Не получилось. В сказки дети нашей улицы не верили — только во фронтовые очерки, а позже и в «Четвертую высоту» Елены Ильиной и «Это было под Ровно».

Но мне захотелось порадовать хоты бы девочек. Дарить было нечего и я решила разрезать на ленты мамину единственную выходную блузку. Ленты были красивые, и наш маленький праздник, как мне казалось,

удался. Никогда не забуду этот материал: белый парашютный шелк, а на нем выпуклые белые квадратики и в них крошечные букетики желтых, красных и синих цветов. Мне же достались все ягодки...

Била меня мать чересседельником (внучке моей Эмишке, которая этим летом в свое 12-летие сдала свой первый экзамен «В-1» по русскому языку при Петербургском университете объясняю, что чересседельник — это ремень в упряжке, который соединяет одну оглоблю с другой). Била меня мать до усталости, пока не исчезли у меня и глаза, и нос, и рот и я превратилась в коричнево-кровавую массу. Точнее била она не меня, просто в силу удара она вкладывала всю свою горечь от неудавшейся жизни, от потерь, от несбывшегося счастья, которое она так и не познала, потеряв моего отца и став вдовой в двадцать лет в самом начале счастливой жизни.

Спасать меня пришлось нелюбимой бабушке. У нее появилась забота не только «выходить», но и надежно спрятать меня от соседей. Жили мы тогда почти деревенской жизнью. Дом никогда не закрывался — входил кто и когда хочет. Особенно Анна Григорьевна боялась тети Нины Козловой, фронтовой медсестры. Позже бабушка говорила: «Если бы Нинка тебя такую увидела, она тут же пристрелила бы мою Женьку». Страх был велик. Она принесла большую охапку сена в дальнюю комнату и целую копну сена в сад, подальше от соседских глаз. Лечила она меня профессионально. Сначала поила меня из пипетки. Когда губы немного расслабили, делала жгутики из бинтов и поила меня, смачивая их водой — есть и пить я стала не сразу.

Опять пригодилась немецкая мешковина. Бабушка ее растилала, засыпала листьями лопуха, подорожника, мяты, ошпаренной крапивы и пеленала меня, а лицо приводила в порядок распаренными полотенцами и какими-то ею приготовленными мазями. Говорить я тоже долго не могла, только скулила по-щенячьи. По утрам она выносила меня в сад. Зброшенным скулящим щенком увидела меня в саду распрекрасная желтокрылая иволга, которая облюбовала наш сад на все лето. Целыми днями она пела мне свои колыбельные песни и, как мне казалось, спасала мне жизнь.

Возвращение к жизни было долгим. Если бы не бабушкины руки и ее травяные кисели, я бы не выжила. Так, почти в семь лет закончилось мое детство. Из веселого и беззаботного зверька я превращалась в абсолютно свободного и независимого человека. Мать ближе чем на метр ко мне больше не подходила уже никогда. Правда, бывали моменты, когда она

еще пыталась помахать кухонным полотенцем над моей головой, но это меня уже веселило. Я могла подойти к ней, завернуть ее руку за спину и прошептать: «Не смей!» И она не смела... Отношение к бабушке, как и отношения с ней, внутренне изменились. Я, конечно, же понимала, что она кудахчет надо мной, потому что боится за свою старшую дочь — кормилицу в доме: законы того времени были суровы. А во-вторых, я как-то почувствовала, что у бабушки дрогнуло сердце за эти тяжелые недели и месяцы и что она уже никогда не скажет: «Зачем нам этот еврейский ребенок в семье?»

Как бы то ни было, но бабушка из нелюбимой за это время стала мне самым близким человеком в доме, у нас у обеих исчезла внутренняя отчужденность, хотя мы обе об этом конечно же не говорили, и я научилась говорить слово «спасибо!» Время и бабушка меня подлечили, я пошла в школу, но мой первый класс был как в «Ясной Поляне» у Льва Толстого для крестьянских детей. Не было ни книг, ни тетрадей, ни школьных пособий, ни даже нормальной бумаги.

В одной комнате приютилось два класса — наш первый и четвертый, одна учительница Марья Петровна Корбанкова и одна керосиновая лампа. Эта лампа с десятилетним стеклом стала символом моего детства и самой дорогой вещью в школе и в доме. В классе я с кулачками пробивалась поближе к месту, где стояла лампа, дома ежевечерне воевала с бабушкой за право читать сколько хочу, а у нее было свое «хочу» — экономить керосин. Второй причиной моего «раскола» с семьей было мое неучастие (по словам бабушки), «отлынивание» от общесемейной работы. Это было правдой. Не любила я сеять, пахать землю и убирать урожай, не интересны мне были и семейные дела и разговоры. Жила я сама по себе и мечтала побыстрее вырасти и уехать, уехать в дальние страны. Как же я о них мечтала! Но пока радостью было встречать и провожать два пассажирских поезда с 15-минутными остановками на нашем вокзале. Это были поезда «Москва – Минск» и «Рига – Орел». Люди моего поколения помнят, что в то время была странная мода: мужчины выходили на перрон в пижамах, а дамы в халатах. А пока было все по Пастернаку: «Станции, каменными мотыльками пролетающие в хвост поезда». Щемящая радость окутывала меня на железнодорожной станции, увеличивая и увеличивая желание уехать: «Я вырасту, я сошью необыкновенной красоты халат и уеду, уеду в эти самые дальние страны».

Пройдет ровно половина моей жизни, и я буду пить кофе на террасе Марбургского университета, буду гулять по Маркус Платц и буду ста-

раться увидеть этот дивный своеобразный городок глазами автора «Охранной грамоты», который писал эту повесть в 1912 году будучи студентом этого университета. Наш прыжок с мужем, прыжок через железный занавес, прыжок как в космос оказался совсем не праздничным, как казалось в детстве, а сложным и тревожным.

За наши с ним должности, за заработанную нами пенсию, которую, уезжая, мы дарили государству, за оставленную нами, наконец, трехкомнатную кооперативную квартиру в Ленинграде, родимое государство с нами лихо рассчиталось: нам позволили взять с собой багаж с 120 кг детских трусов и колготок, маленькую кастрюльку и маленькую сковородку и разрешение обменять нам с мужем по 170 долларов. Так начались наши с ним дальние страны...

Но до этих событий было еще целое сорокалетие, которое мне нужно было прожить дома до окончания школы в семье. Чтобы совсем не «отлынивать» от семейных проблем, я стала добытчиком хлеба насущного — по 8-10 часов простаивала в очередях. Приходила, на ладошке химическим карандашом записывала номер и много часов проводила за чтением, а иногда можно было где-то рядом под кустом и немного подремать. Мирная очередь оставалась мирной до времени, пока не привозили хлеб и начиналась его разгрузка. Тогда очередь моментально ломалась и превращалась в разъяренную толпу людей с воплями, драками, побоями и жуткой руганью. Сначала хлеб доставался всем сильным. Раздавить, растоптать ребенка в такой очереди было несложно, а однажды меня кто-то подбросил вверх и я по плечам взрослых дошла до самого прилавка. Самым ужасным было услышать слова сытых теток-продащиц, когда они кричали в толпу: «Расходитесь, хлеба сегодня больше не будет!»

Не помню, кто из диссидентов написал, что он родился в очереди. Я же благодарна судьбе за то, что выжила в очереди. Уже взрослой я прочту, что по китайскому гороскопу я — баловень судьбы. Долго хохотала, а потом поверила в эти слова: моя линия судьбы многократно могла оборваться, могла она оборваться и за буханку хлеба в очереди...

Не только добытчиком хлеба, но вместе с бабушкой, Галиной и Надюшкой мы стали заготовителями даров природы на зиму. За лето мы обходили все наши леса и болота. Собирали грибы, орехи и ягоды. Орехи собирались радостно и весело, собирали мы их в наволочки и тащили на себе как рюкзаки. Однажды, будучи уже взрослой, мне доведется в Сибири пойти с шорцами собирать кедровик. Какая же это трудная и тяжелая работа!

На Смоленщине кедр не растет, и в детстве мы этих лакомств не знали: ни лакомств, ни деликатесов в детстве не было. Помню бабушкины слова: «Ты же у нас барыня, зачем тебе щи — тебе марципаны подавай!» Слово звучало волшебным, и свой первый марципан я съела в ночном кафе города Вильнюса много лет спустя — не понравился. Сейчас могу купить лучший марципан Зальцбурга «Моцарт», но только для подарка, сама не ем.

Волшебным вкусом с детства у меня остается малиновое варенье, особенно, если оно сварено теперь моей младшей сестрой. Раньше кудесницей по вареньям конечно же была бабушка. На наши заготовки всегда не хватало сахара и денег, поэтому собранную клюкву мы рассыпали по чердаку, бруснику замачивали. Эти ягоды я не любила и не любила их собирать — после войны эти болота были полны змей, и нужно было научиться отслеживать каждый свой шаг.

— Не бойтесь их, лежащих свернувшись в клубочек у пеньков, — говорила бабушка, — они греются на солнышке и на вас не нападут.

Но у меня «лыточки» (коленки по-белорусски) трясутся, когда я их вижу.

— Учись не бояться, — отвечала мудрая Анна Григорьевна.

После болота малинник казался божьей благодатью. Он растет всегда на холмистых склонах, там всегда сухо и всегда душно пахнет летом. Ягоду собирали по «Онегенски». Бабушка говорила: «Как всегда собираем большое ведро малины. Никто не кладет в рот ни ягоды. Потом едим, что принесли с собой, отдыхаем, а потом собираем ягоду в рот до отвала».

Домой возвращались всегда уставшими, но если клюкву и бруснику можно было оставить до завтра в чулане, то малину приходилось варить в тот же вечер.

На следующий день, если оставался сахар, варили немного брусничного варенья с тыквой, тоже было вкусно, но я мечтала только о малиновом. Зимой очень хотелось заболеть. Я даже на колодец за водой бегала босиком — не помогало. Уговаривала бабушку время от времени уходить из дома, но она не уходила.

Мысленно я вела с ней разговор: «Не буду я воровать твоё варенье. Я только открою банку, обмакну ложку и тут же банку закрою». Но моим надеждам не суждено было сбыться. Повторяю, она всегда оставалась дома.

Ловлю себя на мысли, что часто вспоминаю бабушку. Она была личностью. Чего только стоили ее крутые словечки и юмор сквозь слезы и умение радоваться малому, незначительному. Не забуду, как она готовила

из ничего, пекла, обшивала и обстиривала нас. А как она пела! На всю жизнь она привила мне любовь и к русскому романсу, и к народной песне. Пела она за любой работой. Кроме традиционных и известных песен, были у нее и совсем забытые:

Вхожу я в комнату —
держит милый на коленях соперницу мою.
Красотка, не влюбляйся — все это трын-трава.
Тебя же он забудет,
как позабыл меня.

Или
А чья это могилка травую поросла?
В семнадцать лет девчонка с любви умерла...

Ни бедность, ни наши трудные будни не убивали в ней желание жить. Володя Быковский однажды очень точно определил, чем отличается российская бедность от западной. Западный человек кричит прохожему: «Остановись, помоги, я беден». Российская же бедность — заплатанная, накрахмаленная и хорошо выглаженная. Мы с бабушкой все это прошли. Две иконы в серебряном окладе, старинный тульский медный самовар, медный таз для варки варенья и огромная медная кружка — все это богатство было у нас было всегда начищено до блеска. Чистить их научила бабушка мятой клюквой или кирпичной пылью. Думаю, что и сейчас смогу растереть кирпич до пыли, а вот подсинить белье, накрахмалить и, главное, приготовить щелок из древесного угля, в котором бабушка долгие годы стирала и кипятила белье в саду в огромном чане, замурованном в кирпичях, — точно не смогу. Не смогу уже и сварить прекрасный напиток — овсяный кисель, а Анна Григорьевна все умела, все делала легко и быстро.

По воспитанию бабушка была стопроцентной мещанкой и с детства усвоила две вещи: носить красивое нижнее белье и уважать традицию русского чаепития. Жизнь послевоенная началась с нуля, но даже простой ситец, полотно и лен в ее руках превращались в красивые изделия, которые я и сегодня могла бы носить. Она шила и себе, и нам все — от пальто до трусиков и нижних рубашек. Правда, крой у неё не был разнообразным: шила она майки-рубашки себе до пола, нам — по колено. А потом начиналась работа по украшению. Она очень хорошо вышивала и кре-

стиком, и гладью, и очень кропотливым «ришелье». Ткань натягивалась на пяльцы, рисовался узор — чаще всего это были веточки. Вдоль рисунка ставились точки, затем места этих точек вырезались и долго и терпеливо обрабатывались игой. Вышивала Анна Григорьевна и в старинной французской манере Пети Пуэнт точечной вышивкой, требующей чувства цвета и формы. Лет 10 назад на аукционе в Мюнхене я купила замечательную картину Пети Пуэнт 1903 года в подарок внучке. Выглядит эта вышивка совершенно замечательно. Кое-чему бабушка научила маму, а я у нее научилась вышивать «рококо». Все детство мои дочки, а теперь и моя внучка носили вещи, вышитые мной.

Но заниматься рукоделием бабушка с мамой могли только долгими зимними вечерами. Я была счастлива, что в эти часы они напрочь забывали об экономии керосина в лампе, а, значит, я могла читать...

Культура русского чаепития у бабушки-мещанки тоже была заложена с детства. Это был для нее еженедельный праздник: отдых, полное расслабление, уход от всех забот — словом законно заработанный выходной по пятницам.

В палисаднике был вбит в землю стол, а по краям — две скамейки. Бабушка наливала воду в тульский пузатый самовар, разукрашенный по всей поверхности вдавленными в него орденами и медалями завода-изготовителя. Заранее были заготовлены щепки и шишки, а также старый сапог для раздувания огня. Потом бабушка шла в дом накрывать стол для чая. Когда мы были совсем бедными и голодными, чай после бани по пятницам пили с солью. Чтобы она как можно дольше оставалась во рту, ее нужно было заложить за щеку высоко. Соль на время утоляла голод. Вторым и постоянным спасением от голода был жмых — спрессованная шелуха от подсолнечных семечек. По виду он был похож на уголь антрацит. Отщипнуть или откусить от него было невозможно, поэтому его часами мусолили во рту: и дома, и в школе, и во время игр, и даже в постели перед сном.

И вдруг в магазинах появился необычный продукт, отдаленно похожий на жидкий мед — патока. Это теперь я знаю, что патока — натуральный продукт, продукт неполного кислотного или ферментативного гидролиза крахмала. Знаю, что и сейчас патока применяется в кондитерской и хлебоуточной промышленности, а также при производстве пива и т.д. Моему организму этот продукт не очень подходил, так как я чувствовала его запах и вкус. Но патока была сладкой, и это меняло дело.

По мере повышения нашего благосостояния «разнообразился» и наш пятничный стол. После патоки у нас в доме появился кусковой сахар, который мы называли колотым. Бабушка, держа в левой руке кусок сахара, а в правой тыльной стороной большой нож, очень ловко разбивала его на кусочки. Мы только следили, чтобы дележка была по-честному и всем досталось поровну.

Невозможно забыть и первые появившиеся после войны конфеты. Шоколада мы еще не знали, а карамель была дешевой и продавалась на развес. Мы эти конфеты называли подушечки. Они и правда по форме напоминали подушки, но чаще всего они были так склеены, что продавались кусками, но менее сладкими от этого они не становились.

Вкуснее и обильнее наш стол становился к осени, когда уже было сварено варенье нового урожая и бабушка приносила из чулана прошлогоднее, хотя и засахаренное, но для меня вожделенное.

Прибавьте еще и появившиеся сушки, баранки, бублики и даже французские булки. Уходить от такого стола совсем уж не хотелось, но приходилось соблюдать обязательный ритуал: сначала всей гурьбой шли в баню, куда я ходила неохотно из-за моих длинных волос, которые очень трудно было промыть в банной шайке. А бабушка шутила: «Дети, — говорила она, — мы идем на легкую работу. Единственно, что легко делать в жизни — это писать в бане. Все остальное требует труда. Старайтесь».

Мы долго мылись, долго парились, но думали только о том, как бы поскорее вернуться домой, где нас ждет царское угощение. Дома, поставив самовар на стол, главная наша хозяйка и распорядительница снимала с себя все кофты, оставаясь в майке-рубашке и в длинной юбке, набрасывала на плечи полотенце и усаживалась на несколько часов за трапезу. А нас учила за столом не спешить, уметь растягивать удовольствие и не есть жадно.

Настоящего черного чая и кофе мы еще не покупали, это была непозволительная роскошь для нашего бюджета, а пользовались бабушкиными заготовками. У нас был «лесной» чай, «полевой» и «садовый». И этих чаев бабушка за вечер выпивала по шесть-восемь стаканов. Это было зрелище! Столько лет прошло, а те мои детские и подростковые воспоминания и ощущения сохранились до сих пор. Приезжая домой, я всегда первым делом пыталась представить себе тот счастливый стол чаепития. Давно нет и бабушки, и мамы, как нет их дома и сада. Все в прошлом, все пошло бурьяном...

Остались от детства только два праздника: Новый год и Первомай. Перед Новым годом мы ездили в лес, сами рубили елку и дома ее украшали. Школа готовила нам подарки, каждый год с одним и тем же набором, но как мы его ждали! В маленьком холщовом мешочке мы получались две штучки пастилы, две мармеладинки, два мандарина, яблоко и несколько лесных и грецких орехов. Мармелад и пастилу мы мгновенно съедали, а орехи и мандарины обвязывали нитками для вышивания «мулине» и тоже вешали на елку вместе с нашими самодельными игрушками. Какие красивые игрушки делали мы из ваты, смоченной в сахарном сиропе! А впереди были каникулы, коньки, привязанные веревкой к валенкам, и катания до глубокой ночи на «козе» — скрученном металлическом тросе в виде санок. Это было время непреходящего счастья.

Вторым, не менее долгожданным для нас, был праздник Первомай. Задолго, примерно за полтора-два месяца мы срезали ветки тополя, помещали их в бутылки с водой, которые ставили на подоконники, и с нетерпением ждали, когда появятся первые листочки. Из гофрированной бумаги делали разноцветные пушистые цветы, привязывали их к распустившимся веточкам тополя и радовались, что украшаем праздничную колонну.

В то время были настоящими патриотами. Сейчас это слово взяли на вооружение националисты всех мастей, и оно потеряло свой смысл... Сейчас я не хотела бы себя называть патриоткой, это звучит как-то не очень презентабельно.

А раньше мы собирались у школы, строились в колонны и проходили по всему центру города и в продолжение праздника бежали к тете, торгующей мороженым. Только раз в году нам давали дома карманные деньги на мороженое. И только один раз в году мы его ели, и Первомай для нас имел лакомый подтекст.

Когда-то моя внучка прочтет эти строки и не сможет в них поверить. Она очень любит мороженое и ест его ежедневно, а летом по три-четыре раза бегает за ним к дяде-итальянцу. Она у него покупательница постоянная, поэтому у нее и скидка постоянная: вместо трех евро за шарик он берет с нее только два, а вот дорогое мороженое за восемь или десять евро она пока покупает за полную цену. Пусть и жизнь ее будет такой же сладкой и успешной, как и её любимое лакомство.

Интересно мне было и бабушкино взаимоотношение с Господом Богом. Война — полное доверие и просьба защиты. После войны — какое-то двойственное отношение и к Богу, и к церкви. Не простила она Всевыш-

нему, что не спас он троих ее детей и рано забрал мужа. Не согласна она была с ним, что по праздникам работать — это грех. Это ее возмущало и она утверждала, что работать — не грех. Исключением был только «Чистый четверг» перед пасхой. В этот день, когда птица гнезда не вьет, а девица косу не плетет, она старалась работать поменьше. В церковь не ходила, но всегда на пасху пекла куличи, красила яйца и просила соседку эти подарки осветить. Очень любила и «Духов день» — Троицу. Украшала дом зелеными ветками, а нас просила сходить на речку и нарвать аира на пол. С какой радостью и охотой мы это делали! Приносили в дом это чудо охавками. Самые его нижние желто-зеленые части мы съедали, они были вкусными. Аир изменял дом, его атмосферу. Я упивалась этим стойким, щемлящим душу запахом. Тут наши вкусы с бабушкой совпадали абсолютно. А однажды мы — Надюша, Галя и я — в этот день были у тётки Таисы в моей любимой деревне Девино.

Был прекрасный летний день. До обеда все колхозницы работали, потом вернулись домой, переоделись празднично, взяли в руки ведра, обтянутые марлей, и пошли вместе с нами доить коров. Женщины доили, а мы плели венки и вешали их на рога коров. Стоял полуденный зной такой красоты, что словами передать невозможно. Поле было усеяно необыкновенно пахнущими цветами. По ним роями расползались и жуки, и пауки, и пчелы, и шмели. Повсюду летали бабочки и стрекозы. Да и птицы, несмотря на зной, продолжали весело перекликаться. Все вокруг слилось воедино: музыка, звон, шорохи, зной, воздух — все смешалось в каком-то томящем неестестве, в каком-то огромном природном шаре, и я была бесконечно и неизведанно ранее счастлива. Не узнавала я и моих женщин. Я бежала впереди них, бежала спиной и лицом к ним и не узнавала их. Спустя всего пару часов их отдыха на природе праздничного дня они уже освободились от колхозного рабства и у них уже изменилась и стать, и походка. Их белые платочки казались мне головками каких-то экзотических птиц, а марлевые повязки на ведрах — их крыльями. Как часто я вспоминаю этот день абсолютного счастья...

А была ли счастлива моя бабушка? В отличие от моей матери, смею думать, что была. Жила, как она сама выражалась, не чувствуя земли под ногами, хотя доля досталась не праздничная...

Ей было 16 лет, когда умерли родители и оставили на ее руках двух несовершеннолетних детей — будущую советскую колхозницу тетку Таису, о которой я уже писала, и брата Алексея, которого я почему-то не помню.

Чудо по тем временам, но наша бесприданница счастливо вышла замуж. Суженого своего она впервые увидела в зеркале на гадании в колядки. «Сижу ни жива, ни мертва», — рассказывала нам бабушка, — сижу долго. Вижу зеркало начало запотевать и как бы покрываться пылью и вдруг слышу цокот быстро бегущей лошади и силуэт всадника на ней».

В ужасе и страхе она перевернула зеркало, а через 13 месяцев точно так они и встретились.

Дед мой поляк, католик, принявший православие при венчании, пан Василь Лисовский, был «заблудшим» поляком, воевавшим в Первую Мировую на нашей стороне. Был он ветеринаром кавалерийского полка. Из того прошлого непонятно, каким образом мне достались две фотографии.

На одной — молодой и потрясающе красивый дед в униформе своего полка: кругленькая маленькая шапочка с кокардой и френч в тугих португепях. Не влюбиться в него было невозможно, но и бабка наша была ему под стать. На втором снимке на нас смотрит молодая особа, мешанка с красиво уложенной копной темных волос в красивом платье и по той моде — бант галстуком на груди. В ее сидящей позе, в согнутом локте и сжатом кулаке, подпирающим щеку, чувствуется личность гордая, сильная и независимая. Если бы не ее очень курносый нос, тоже была бы красавицей.

Они поженились, родили семеро детей и в глубоком уважении друг к другу прожили до смерти деда Василя. Это случилось 20-го мая 45-го. В моем детстве май всегда был весенним месяцем, а в этот день солнце грело совсем по-летнему. Тополя вдоль забора почти все распустились, и на землю падали отработанные почки с необычайно смоляным запахом, что придавало торжественность и природе, и этому дню.

«Григорьевна, — обратился дед к бабушке (он всегда называл ее только по отчеству), — нагрей сейчас много воды. Я сам помоюсь и переоденусь: сегодня я умру!»

Невероятно, но после туалета он лег на кровать и через пару часов умер. Таким оригинальным способом пан Лисовский простился с жизнью. На кладбище хоронить его нас, детей, не взяли. Помню, как мы выстроились у окон и смотрели, как на телегу грузили гроб с его телом и как потом по шоссе медленно двигалась похоронная толпа — деда хоронила вся улица.

Бабушка пережила супруга более чем на тридцать лет, умерла незадолго до нашей эмиграции. Я приехала, чтобы побыть с ней несколько дней и поблагодарить и попросить прощения. Она была в полной памяти, но отказали ноги, не могла вставать. Я мыла ее, передевала, стелила постель.

Однажды она взяла мою руку и сказала: «Прости меня за Надюшку, прости за обиды. Я просто ее очень любила. А теперь, — продолжала она, утирая слезы, — а теперь она стала хуже Гитлера. Ты знаешь, я ее попросила привезти теплую вязаную кофту, а она приехала опять со своими тюками для себя. Сестре своей, которая бережет все это, привезла один лимон, а мне застиранную фланелевую рубашку зятя. Ну чем она лучше Гитлера? А ты забери мои подушки. Я же их сама собирала из тончайшего гусиного пуха — забери на память, дочка». Я дочка!? Теперь мы уже плакали обе. Не могла я ей сказать, что приехала проститься, что скоро свои подушки начну раздавать... Я понимала ее боль: любимая доченька уже много лет жила в ГДР, в военном городке с мужем, летчиком, майором и была ее Надюшка директором офицерской столовой. Люди они были не бедные. Приезжали ежегодно с одним и тем же набором узлов: везли для будущей жизни ковры, цигейковые шубы, хрусталь и фарфор — в этом барахле был смысл их жизни. У бабушки в финале жизни, перед вечным покоем, смыслом прозвучало раскаяние и покаяние. Вечная ей память.

С матерью отношения так и оставались невыясненными. Знала она и понимала, что я ее давно простила, но не могла простить самую себя: свой груз, свой грех, страшнее чужого непросщения. Конечно же она старалась жить, Из заготзерно перешла на службу главбухом в городское автотеххозяйство. Много работала, вступила в партию, стала заниматься общественной работой, была уважаема, но счастья не знала...

Не поняла или не захотела понять и мое желание эмигрировать и тем самым осложнила наши и без того непростые отношения.

«Какого рожна (с русского на русский — что еще нужно?) тебе надо? Такую карьеру сделала, такую квартиру да еще в Ленинграде построила. Хороший кусок хлеба всегда на столе и с крыши не капает. Не понимаю, зачем же тебе чужая сторона? — и, переведя дух, в сердцах сказала, — да лучше бы я тебя ТОГДА похоронила, нежели ты меня позоришь на весь белый свет».

За мой трехлетний период отсидки, пока ждала разрешения на выезд, я смирилась со всем меня окружавшим: и то, что из номенклатурщицы официально стала врагом народа и предателем родины, и с тем, что меня (нарушая партийный устав) многократно исключали из партии, и с тем, что я должна была бороться за своих детей, когда меня пытались лишить материнства. Я понимала, что не Родина виновата во всех моих нынешних бедах, а власть, которой я так долго и верно служила...

Мать моя оказалась на стороне власти. Детские грезы о дальних странах сменились суровыми буднями реальности: в одночасьи лишились мы и родственников, и друзей.

Уезжая, мы прощались со всем и со всеми — навсегда, даже не мечтая когда-нибудь быть Дома хотя бы гостями. И это «навсегда» и ностальгия очень мешали в первые годы адаптации в новых условиях. Тяжелым ударом стала и смерть мужа-блокадника в апреле 83-го. Пришлось утроить свои силы, много работать, чтобы достойно жить и растить детей, не продаваясь за лишнюю пайку материального благополучия ни спецслужбам, ни сведущим организациям....

Первый свой билет до Москвы я купила в день, когда увидела Ельцина на танке. Летела домой, казалось, впереди самолета, надеясь, очень надеясь, что этот приезд навсегда помирит нас с матерью. У нас с ней наконец завязалась переписка, помогала ей как могла материально (в те годы это было очень сложно), и она от помощи никогда не отказывалась. Ошиблась я очень горько...

Сестра никогда не бывает со мной резка, но она в день моей первой встречи с матерью сказала все то, чего я не хотела услышать.

Так, — сказала Галина, — возвращаемся в Смоленск. Здесь ночевать не будем. Дай ей жить — отпусти мать навсегда от себя. Ты видишь, что она стесняется и тяготится этой встречей. Уверена, — продолжала она, — уверена, что мы с тобой не успеем дойти до вокзала, как наша матушка не пойдет, а побежит с твоими долларами к своему любимому сыночку (Мишка, сводный брат, родился уже после войны в короткое время замужества матери). Там у них и жизнь и радость. Ты заметила, что в доме нет ни одной тряпки, присланной тобой для украшения нашего бывшего общего дома? Не хотела говорить, но видела весной, как по твоему шикарному голубому покрывалу в мишкином доме бегали цыплята. Про деньги и говорить нечего: все, что ты присылаешь, оседает в карманах нашего братца. Не мать, а он с женушкой обогащаются за твой счет.

Я знала, что братец — не любящий, но глубоко любимый, обирающий нашу мать всю жизнь до копейки, недостойный человек, но и ему была благодарна за то, что с ним к ней пришло чувство материнства. Спасибо ему хотя бы за это.

А умирала моя бедная, моя грешная мать, как праведница — на второй день великого праздника — католического Рождества Христова и во сне. Этот праздник (как и потом праздник светлой Пасхи) я начала праздновать в семье моего мужа, поляка и католика с Рождества 69-го года,

празднуем эти дни и поныне с дочерьми теперь уже в память об отце.

Смерть во сне, считаю я, это смерть для избранных. Я не воцерковлена и мне, неверующей, легко думать, что Господь послал матери легкую смерть и простил ее за тяжкие страдания, с которыми она прожила всю жизнь. Поэтому мы с сестрой решили хоронить ее по православному обычаю: Галина хоронила мать на семейном кладбище в Рудне, а я отслужила панихиду в Мюнхене в Русской Зарубежной церкви вместе с отцом Николаем.

На этом скорбном событии я обрываю нашу семейную хронику — любви, не любви, страдания, всепрощения и понимания. Хочу, чтобы дочери мои, внучка моя и близкие друзья и все те, кто будет читать эти строчки длиною в мою жизнь, поняли, что эта моя гражданская исповедь написана не для Суда, а для Любви и Памяти.

Часть II. ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

СОЙДЯ С ТРИБУНЫ

...Шла по слякоти, не разбирая дороги. В ушах стучало: «...Мало её из партии исключить, судить её надо как врага народа!»

Я — враг народа? Кто же это кричал? Ах, да, тот морской капитан в отставке, с которым мы когда-то сажали клены у нашего дома... За что же он так? Разве он не знает новой конституции? Теперь нельзя так...

Но мне кажется, что эти же слова кричат мне вслед все прохожие... И уличные фонари тоже... или вместо них теперь громкоговорители? Троллейбусы и автобусы рычат то же самое: «Враг, враг, враг! Судить, судить, судить!»

Ни обиды, ни злобы нет — только тяжелая боль барабанит в голове... Куда же это я иду? Мне совсем не надо было выходить из двора — ведь это двор нашего дома, ведь все это было в нашем домоуправлении. Надо повернуть обратно, надо идти домой, но сил нет... А муж, конечно, ждет, волнуется. Встретить меня он не смог: собрание затянулось до позднего вечера, и ему пришлось кормить детей ужином и укладывать их спать...

Враг народа... Почему это слово никогда раньше не звучало для меня так весомо, проходило где-то по касательной моего сознания? Может быть, потому, что слишком часто повторялось?

Для семьи моего мужа оно давно уже прозвучало в полную силу...

В 1926 году разрядили обойму пистолета над головой его дяди. «Отрекись! — сказали ему. — Нам нужны грамотные люди. Отрекись, и сделаем тебя красным командиром!» Но не смог ксендз отречься от веры и отсидел с небольшим перерывом 27 лет — долгий путь: Соловки, Магадан, Уссурийский край... «Отрекись!» — сказали в 1932 году сестре ксендза, которая была одним из организаторов Католического клуба в Ленинграде — единственного в Союзе. Не отреклась и она, и дети так и не знают, где ее могила...

А в 1937 году пришла очередь и моего свекра — врача-ветеринара, профессора Сельскохозяйственной академии. От него не отречения требовали, ему говорили: «Сознайся!» Но сознаваться было не в чем — и его тоже смолота та же мясорубка. Его жена, моя свекровь, женщина с высшим образованием, осталась с двумя маленькими детьми, жить было не на что, на работу не брали. Она продала все, что могла, и, наконец, в отчаянии написала в обком партии: «Не могу больше так жить. Если не дадите возможности работать — отравлю детей и повешусь сама!» После этого ее взяли ночным кассиром в банк, где она проработала всю блокаду.

А меня вот уже два года не допускают к работе. С тех пор, как подала на выезд и уволилась... Нет для меня больше места среди этих людей, которые еще недавно были так доброжелательны ко мне — одни с оттенком почтительности, другие со скрытой завистью — из молодых да ранняя, вон как высоко взлетела!

Как за это время все переменилось! Те, кто ел и пил в моем доме, при встрече отворачиваются и прячут глаза, и наоборот: те, кого я раньше не замечала, теперь тихо здороваются и стараются незаметно пожать руку...

А сколько было за эти два года «приглашений», вернее вызовов: на бюро обкома, горкома, райкома, на несколько парткомиссий, устроили даже заседания выездного бюро у меня на квартире, хотя никто их не приглашал...

И бесконечные вопросы-допросы: «Отдаете ли вы себе отчет в том, что, если вы покинете СССР, путь назад для вас будет закрыт навсегда? Почему вы так легко покидаете Родину?» Или еще: «А вы не подумали о других лекторах-евреях? — строго спрашивает меня Вера Георгиевна — председатель парткомиссии и моя бывшая почти приятельница. — Ведь мы теперь всех их можем подозревать в измене Родине и постараемся не предоставлять им кафедры!»

Да за такие слова, Вера Георгиевна, вас тоже нужно с работы уволить, ведь вы выдаете тот факт, что антисемитизм в Союзе начинается с руководящих партийных органов!

Теперь, навсегда сойдя с трибуны пропагандиста и расставшись со всем, что напоминало мою жизнь прежде, я начинаю задумываться, что, собственно, обусловило мое быстрое продвижение по партийной лестнице? Характер мой не назовешь напористым, он скорее слабый; я не тщеславна, не карьеристка...

Разве только то, что я всегда была достаточно дисциплинирована и целеустремленна. Видимо, именно эти качества помогли мне не только окончить два высших учебных заведения, но еще дважды окончить вечерний Институт марксизма-ленинизма по двум факультетам: философии и международных отношений; потом я уже сама там преподавала, окончив школу лекторов при Ленинградском обкоме партии, единственной в Советском Союзе.

Собственно говоря, я всю жизнь училась и учила... Но, может быть, именно моя настойчивость в приобретении знаний и постоянное желание приобрести их всё больше и больше и привели меня к духовному кризису. В какой-то момент до меня дошёл, наконец, чудовищный смысл механизма социалистической системы и ее партийной власти. Я поняла, до какого совершенства доведена у нас машина идеологической пропаганды, как искусно обманывают наш народ и что я этому обману многие годы преданно содействовала. И не стоит мне теперь особенно обижаться на моих недавних доброжелательниц — старых коммунисток-пенсionерок, которым я всегда помогала: одной жалобу состряпаешь, другую протащишь в кабинет высокого начальства — какого-нибудь горкомовского или исполкомовского чиновника, третью устроишь в привилегированную клинику и т.п. А они на сегодняшнем судилище выступили с предложением — от имени партсобрания обратиться в Народный суд с ходатайством отнять у меня детей: «Лишить её материнства! Не позволим наших советских детей увозить в Израиль!»

...Снова и снова вижу я перед собой эти злобные лица, слышу оскорбления..

«Да что вы! — возмущается старичок, персональный пенсионер. — Кого мы здесь уже несколько часов уговариваем? Она не дура: ни в какой Израиль она не поедет. Ей давно уже приготовлено место на Би-Би-Си, иначе она так не рвалась бы!»

А я действительно рвусь, рвусь спастись бегством, спасти своих детей. Не вижу для себя другого выхода. На какой основе я буду их воспитывать, если останемся здесь? На принципах «морального кодекса коммунизма» или на десяти заповедях закона Божия? Они уже начинают задавать во-

просы: «Мама, скажи честно, есть Бог или нет? Няня говорит, что есть. У папы в столе лежит книга про Бога и молитвенник — только по-польски, а не по-русски».

Что им ответить? Ведь они готовятся вступить в пионеры... «Конечно, — говорю я, — для тех, кто в Него верит, Он есть, а для неверующих — Его нет...»

«Мы хотим верить в Бога! — говорят мои девочки. — Но мы хотим тоже, чтобы нас приняли в пионеры, когда мы подрастём и пойдём в школу. И чтобы принимали обязательно на Красной площади... Или на крейсере «Аврора»... Ты поедешь с нами на торжественную линейку?»

Я поеду, я, конечно, поеду. Мне кажется теперь, это всё, что я умею: ездить, летать, быть в постоянном движении. Началось это очень рано. Мне было четырнадцать лет, когда я уехала из дому — учиться. А вышло навсегда.

Мама меня не удержала. Она, как и мои школьные учителя и все вообще в нашем местечке недалеко от Москвы, были убеждены, что большая жизнь начинается с больших городов. А отца я не помню. Он был расстрелян немцами при попытке бегства из плена. Так что я рано стала самостоятельной.

Но прошло много лет, прежде чем я поняла, что подлинному знанию жизни народа учат не большие города, не Москва и Ленинград, не Минск или Киев, а сотни маленьких городков, посёлков, деревень, разбросанных по стране, начиная с Центральной России до Урала и Сибири, от Алтая и Средней Азии до берегов Чёрного моря и Крайнего Севера. Исколесив всё это пространство, останавливаясь и живя по несколько дней во многих из населенных пунктов, куда я приезжала с лекциями, лежащих далеко в стороне от туристских маршрутов, наблюдая то, что могут видеть лишь немногие, поскольку очень мало, кто сюда приезжает, я старалась понять, что дала советская власть этим людям и что отняла у них? Почему и сейчас так тяжела и беспросветна их жизнь? Почему такая бедность, почти голод и ниоткуда нет помощи? Почему они так цепляются за религию, бьют лбы в церкви, непременно стараются окрестить младенцев, обвенчать молодые пары, хоронить покойников по-церковному? Воспитанная на атеизме, я не понимала, что религия — это не дурман, как нас учили, а единственный вид духовной жизни, доступный абсолютно всем людям, независимо от их социального и интеллектуального уровня, и что религия даёт человеку не только утешительные мифы, но и незыблемые правила морали, нравственности, формулирующие в человеке челове-

ское. И поэтому я не только не препятствую мужу водить наших девочек в костёл, но и очень рада этому. Я лишена этого блага, так пусть у них оно будет...

Но вернусь к своей работе. Когда я только начинала, мне по молодости лет всё казалось увлекательным — новые места, новые люди, интересные встречи... Время и опыт показали, что места и люди могут быть новыми, но проблемы везде одни и те же...

Выступая у себя в городе Ленинграде, я могла выбирать аудиторию по своему желанию — научно-исследовательский институт, любой Дом культуры или учебное заведение. Но если посылали в провинцию, выбора не было. Лекторы ехали «в глубинку», как правило, по приглашению какого-нибудь обкома и выступали с лекцией, тоже, как правило, на очередном совещании партийного или партхозяйственного актива — это входило в обязательное обучение для высших партийных чиновников. Выступление называлось «шефским» и не оплачивалось. Но нам компенсировали тем, что по негласной договоренности местных партийных организаций с обществом «Знание», где мы все состояли, нас старались «максимально загрузить», т.е. устраивали нам еще несколько лекций на предприятиях города и области, уже платных. Нередко случалось прочесть до 30 лекций в неделю, и мы недурно зарабатывали. Без этого ни один лектор в командировку не поехал бы, и даже моральный кодекс коммуниста тут не срабатывал.

Я особенно любила ездить на Север — в Петрозаводск, Мурманск, Кандалакшу, когда там устанавливался полярный день. Но больше всего мне памятна поездка в Архангельск...

Прибыв на место, сразу шла в обком, получала нужные материалы и начинала вживаться в роль «человека из центра», который всё знает, в том числе жизнь Архангельска и области, их успехи в последней пятилетке, их перспективы на будущее, их «узкие места» в настоящем... Читала отчёты предприятий, зазубривала названия как передовых заводов и предприятий, фамилии их руководителей и передовиков производства, так и тех, кто срывает план и подлежит суровой критике. Работа эта — немалая и нелегкая. Но так серьёзно мы готовились только к первой лекции, для начальства. А после нее меня уже не слишком интересовало, куда меня везут, перед кем я буду выступать. Пока ехала (а ехать приходилось, кажется, на всех существующих видах транспорта, от самолета и до похоронного автобуса!), я успевала узнать у своего провожатого всё, что нужно, и договориться о теме лекции. Но к первой лекции — «шеф-

ской» — готовились основательно. Наконец, я готова, заучила все, что мне нужно.

Вся эта мура будет на другой же день после лекции выброшена из головы, но для выступления это необходимо. Такова установка идеологического отдела ЦК: где бы и с какой бы темой мы ни выступали, будь то «Международное положение», или «Экономические успехи СССР в эпоху развитого социализма», или «Проблемы нравственного коммунистического воспитания», — любое наше выступление должно быть «увязано» с жизнью коллектива, который предоставил нам трибуну. И я видела постоянно, какой эффект это производило, как легко поддавались наши слушатели этому гипнозу лекторского искусства!

Они благожелательно воспринимали любую критику, они были счастливы, что о них говорит «человек из центра», что бы он ни говорил, — значит, там, «наверху», о них знают и помнят! Так достигался контакт лектора с аудиторией, укреплялось доверие масс к родной советской власти!

Кажется, великий педагог Ушинский сказал: «Кто умеет — делает сам; кто не умеет — тот учит других: кто не умеет ни того, ни другого — тот учит, как надо учить». Все наши выступления: и мои, и моих товарищей — как раз, к сожалению, подходят под этот афоризм. Мы учили грамотных, знающих свое дело людей, как им надо учить своих товарищей и подчиненных «выполнять и перевыполнять», «догнать и перегнать»...

Итак, я в Архангельске. Мне предоставляется номер в самой лучшей гостинице города; там же в ресторане я завтракаю и обедаю (на всё это мне даны немалые деньги «под отчет»). И вот я на трибуне и начинаю свою лекцию. Говорю, а сама краем глаза наблюдаю за председателем (поскольку лекция — это составная часть совещания, президиум остаётся на своих местах). Сразу вижу, что председатель — человек опытный, я им довольна: он умело сортирует поступающие в президиум записки слушателей с вопросами лектору. Он раскладывает их на три кучки: первую, я знаю, он передаст мне; вторую он поделит между секретарём горкома и председателем облисполкома — это вопросы местного значения, так сказать, частные проблемы. А третью кучку он постарается незаметно уничтожить, как только я закончу выступление. Это — вопросы недозволенные, на которые я отвечать не должна. Нашу работу там, «наверху», оценивают также и по вопросам, которые нам задают слушатели.

Мы отчитываемся перед своим начальством также и о политической атмосфере нашей аудитории — сдаём не только отзыв парторганизации

учреждения, где выступали, о прочитанной лекции, но и прилагаем к нему список вопросов слушателей (из первой кучки, конечно).

Но меня сейчас интересует больше всего третья кучка, и, усевшись после лекции рядом с председателем, я бесцеремонно подвигаю ее к себе. Бегло просматриваю. Первый вопрос: «Ответьте честно: летчик Беленко предатель? В «Правде» про него написана туфта». Второй вопрос: «Кто придумал телепередачу для Северных областей «После полуночи»? Для каких целей? По статистическим отчётам нашей и соседних областей от этого сильно повысилось количество аварий и несчастных случаев на производстве. Хотите, чтобы не слушали западные радиостанции? Так это дорогой способ борьбы с буржуазной пропагандой». Третий: «В госбюжете вот уже который год объединяют тяжёлую промышленность с лёгкой и пищевой. Всем известно, что в тяжёлую входят также расходы по военной промышленности. Зачем же их маскировать? Ведь ясно, что на сумму в 17,4 млрд. рублей, указанную по статье «Оборонная мощь», едва можно только одеть и прокормить армию. А вооружение?» Или вот ещё вопрос: «Известно ли вам, что в нашей тундре пасется огромное личное стадо президента Финляндии Урхо Кекконена, причисленное к одному из колхозов, и что его отберут советские власти, если финны не будут возвращать назад перебежчиков?»

Нет, мне, конечно, это не было известно, как и многое другое. Теперь стало известно. И это, и многое другое...

Совещание окончилось. По привычке сразу прикидываю процент каверзных вопросов по отношению к количеству присутствующих: 7 вопросов на 800 с лишком человек — это меньше одного процента, а всё, что меньше процента, не стоит внимания. Так нас учили. Цифровые показатели важнее всего... Ну, что ж, присоединю и эти семь записок к моей, годами собираемой картотеке. Начала я её составлять из самых благих побуждений — понять, разобраться, оценить реакцию своих слушателей... И вот к чему это привело! Я — враг народа... Неужели и мои товарищи по работе поверили этому?

Все мои коллеги, право, были отличнейшими людьми — добрыми, отзывчивыми, прекрасными товарищами. Коллектив наш пополнялся чрезвычайно редко, и все мы сжились и были как одна дружная семья. Шеф собирал нас ежедневно в 10 утра на короткое совещание («пятиминутку» или «планёрку»), но мы приходили обычно к 9-ти, и этот час, когда мы чувствовали себя совершенно свободно и непринужденно, как бы ещё без официальных мундиров, болтали, шутили, сыпали политическими

анекдотами, — этот час, мне кажется, сближал нас больше, чем даже наши дружеские попойки (кстати, довольно частые). Помню больше всего изоцрялись и прохаживались насчет нашего вождя и Главного Агронома, о котором ходила поговорка, что он сумел собрать большой урожай с «Малой земли». Эти минуты были тем клапаном, который давал нам возможность подышать легко перед тем, как затянуть на себе официальный мундир, в котором было хотя и привычно, но всё-таки тесно — ох, как тесно! Впрочем, тогда вряд ли кто из нас сознавал это. Что мы знали о свободе и какая она бывает!

Казалось, чешский август 68-го года что-то сдвинул в наших твердокаменных позициях. Помню, в эти дни у нас даже весёлости поубавилось. Но довольно скоро, вооружённые до зубов советским патриотизмом и принципом интернациональной дружбы, мы справились со своим узко личным, мягко выражаясь, недоумением. По несколько часов в день не покидали мы трибуны, организовывали бесконечные митинги на заводах, предприятиях и в научных институтах, проводили встречи и семинары. Ведь тогда многие недоумевали, недопонимали и даже возмущались; мы должны были помочь им правильно оценить события, т.е. принять официальную точку зрения. С трибун защищали мы советское понимание термина «интернациональной дружбы» не хуже, чем это делали наши танки на улицах Праги...

Я — не диссидентка, не правозащитница, никогда до эмиграции не читала ничего из запретной литературы — это был совершенно иной мир, о котором мы знали только то, что нам положено было знать. Подвиг этих людей мне не по плечу, даже если бы я считала, что они правы. Вместе со всеми представителями нашего круга, так называемой «партийной элиты», вначале я осуждала их, потом просто не понимала, считала, что они «играют в народников». Когда именно произошёл во мне перелом, точно сказать трудно; он зрел исподволь, где-то в подсознании. Некоторую роль тут сыграли и «недозволенные» вопросы слушателей; частые поездки «в глубинку» тоже имели большое значение — там я видела советскую действительность без прикрас...

Мне особенно запомнилась моя поездка в Архангельск... Именно там я со всей остротой ощутила ненужность своей работы и, встречаясь со слушателями, поняла, что мы находимся на разных полюсах и никогда не поймём друг друга. Расскажу всё по порядку...

Сразу после выступления в архангельском горкоме меня повезли в какой-то леспромхоз. Здесь меня встретил секретарь парткома и сказал,

что о моей лекции он сообщил рабочим еще вчера и что она будет проходить на стыке между второй и третьей сменами и по дороге в Красный уголок объясняет:

— Уж они все собрались, ждут... Сейчас приходится работать в три смены и в выходные дни — гоним план, пользуемся летней погодой. У нас отставание, вот и жмём...

Лесной тропинкой подходим к новенькому деревянному клубу; он отпирает дверь: довольно просторный зал с подмостками, на которых стол, покрытый кумачом, новенькая кафедра... и ни души! Окна широко распахнуты...

Парторг, сам красный как кумач, разводит руками:

— Что ты с ними будешь делать? Дверь-то я запер, так они в окна выпрыгивали! Вот народ! Вы уж простите, пожалуйста, не сердчайте... Трудно нашим рабочим сейчас — весна, у всех огороды; если их вовремя не засеять, осенью есть будет нечего. Зря, конечно, я их заранее предупредил... Но мы их накажем — тринадцатой зарплаты лишим. А вам за лекцию заплатим, только вы не докладывайте об этом случае никому...

Я возмущена, расстроена, но стараюсь не показывать виду. Сажусь в машину и еду на следующий «объект» — в швейную артель «Труд», где шьют рабочие комбинезоны.

После леспромхоза, с его новыми светлыми постройками и чудным ароматом леса вокруг здесь всё хмуро и неуютно — ни деревца, ни цветочной клумбы, кругом лужи, грязь... Меня ведут прямо в цех. Работницы прекратили шить, обступили меня — на тёмных лицах откровенное любопытство.

Молоденькая заведующая производством представляет меня и называет тему лекции. Все усаживаются снова за свои машины — их длинные два ряда; лиц не видно, только цветные косынки. Обстановка непривычная — когда я не вижу лиц, говорить очень трудно. Все же я начинаю, но не успела произнести несколько слов — слышу стук машинки. Сразу замолкаю, а работница, начавшая шить, добродушно произносит: «Ничего, девонька, ты рассказывай, а я буду тебя слушать и план выполнять!»

Остальные возмущены, начался шум: «Ну, заголосили! — говорит она, но всё же останавливает свою машину и достаёт авоську с какой-то едой. — работать нельзя, ну ладно, я хоть поем, с утра не евши...»

Я отлично знаю, что лекторы, состоящие в обществе «Знание», ежедневно, по всей стране выступают перед рабочими в обеденный перерыв,

и этот порядок всегда меня возмущал. Как можно мешать рабочим отдохнуть? Ведь они всё равно за эти сорок минут ни поесть как следует, ни воспринять лекцию не смогут! Сейчас это у меня первый случай, и настроение совершенно испорчено. Я продолжаю, смотрю — они повстали все со своих мест, окружили меня тесным кольцом... «Ну, думаю, — заинтересовались!...» Рассказываю им о советском образе жизни, о проблемах свободного времени, о психологическом микроклимате советского коллектива.

Сравниваю всё это с капиталистическим миром, доказываю цифрами и фактом наше превосходство, и вдруг кто-то меня за рукав дергает: «Хорошо рассказываешь, а вот ты нас послушай! Да и посмотри! Зинаида! — обращается она к заведующей, — ты её в раскройку сведи, покажи, из какого материала кроят для нашей бригады и из какого для Ленкиной... Для них материал тоньше, и не рваный, и нитки им лучшего качества идут... Это что, справедливо? Мы еле-еле план вытягиваем, а она уж перевыполнила и знамя областное получила. И премию дали... Директору жаловались, а он говорит, что это для всех нас честь! И премия артельная пойдет на ремонт детского садика. А садик у нас уж больше полгода закрыт — одна власть закрыла, потому что аварийное, говорит, положение, а другая говорит, что денег на ремонт нет. Так и бегаем по очереди в рабочее время за детьми присмотреть да накормить их... Нечего нас уговаривать! Он детский садик и так обязан предоставить, без всякого знамя... что мы дуры, что ли, не понимаем! Ему бы только самому премию получить!»

А я им толкую про то, как лучше использовать досуг!.. Знают ли они, что это такое? И не все ли им равно, как живут рабочие в капиталистическом мире, когда своя жизнь у них так тяжела? Но всё-таки мой приезд вселил в них какие-то надежды... По простоте душевной провожали они меня тепло. Совершенно не разбираясь в партийной субординации, видели во мне большого начальника, и я еле успевала записывать их жалобы — не могла же я им объяснить, что все равно ничем не смогу помочь, что нет у меня на это никакой власти. У меня нет власти даже над своими собственными убеждениями... А они с каждой подобной встречей всё больше и больше расшатываются. И каждый новый день для меня начинается теперь вопросом: «Как быть?»

Примерно такой же вопрос мучил ещё одного человека, с которым я повстречалась здесь. Вчерашний студент, а сегодня главный инженер маслосырдельного завода в Архангельской области, он показался мне

здесь не совсем ко двору. Мы беседовали с ним в его кабинете, пока я ожидала машины, чтобы ехать выступать в какой-то дивизии.

— Работают у меня только женщины, — рассказывает он. — Вы их видели: все в резиновых сапогах, в побуревших от грязи когда-то белых халатах, с вечным матом на языке...

— Как же вы живете здесь? — спрашиваю.

— Да вот работаю, хочу реконструировать этот заводик — получил новое венгерское оборудование, ну и увлекся возможностью как-то облегчить ручной труд работниц. Ведь до сих пор только 30% механизации, остальные 70 — женские руки; мужчин на заводе только трое: директор, конюх и я... Работа тяжелая, но всех их надо бы под суд отдать: воруют безбожно — сами знаете, можно ли масло и сыр купить в магазине. Первые дни осторожничали, приглядывались ко мне, теперь поняли, что не выдам, и всё пошло по-прежнему. Я каждые десять дней ревизию провожу по бригадам — сколько молока поступило и сколько из него продукции выработано; так без всякого стеснения подходят и спрашивают: «Григорьич, сколько у меня в этой декаде недостачи?» — Порядочно, 80 килограммов масла не хватает... — «Ты не волнуйся, Григорьич, в следующей декаде дам тебе сто кило излишку...» И так и делают...

— Как же это делается? — недоумеваю я.

— А мы сырами все недостачи покрываем. Вы видели наши подвалы для сыра? Они не выдерживают критики. Головка сыра, которая здесь хранится, должна к концу года усохнуть на 11%, но влажность в подвале такая, что сыр фактически усыхает едва на 7–8%. К тому же, в сыре при нашей технике невозможно точно определить процент жира, а по нормам он допускается в количестве +/-2%. Так вот, мои мастерицы научились экономить на каждом килограмме сыра 2% жира. Так что в целом по заводу у меня даже большие излишки...

Он продолжает:

— Вот я слушал вас... Говорите вы хорошо, но вам бы пожить здесь — поняли бы вы, чего в ваших лекциях не хватает. А когда поняли бы, вряд ли согласились бы читать их... Меня эти два года здесь сделали старше лет на двадцать и поставили передо мной вопрос: «Как быть дальше?» Думаю вернуться в столицу и пойти в науку... Хочу уйти от всего этого...

Вот он уже в 20 с лишним лет понял... И уже решил, куда ему уйти. А мне куда уйти? Пока что мне опять предстоит ехать на лекцию. Еще до моего выступления на масло-сыродельном заводе звонили из горкома, что меня просят выступить в одной дивизии: туда приехало какое-то вы-

сокое начальство — то ли из Главного политуправления, то ли из Политуправления Военного округа: они собирают офицерско-пропагандистский состав и просят прочесть им лекцию на тему «О проблемах нравственного воспитания в материалах XXV съезда партии».

И вот я снова на месте, в своей собственной роли, а в зале — только командный состав. Это хорошо! Убеждать убежденных — гораздо проще и легче. Слова льются легко и свободно, я опять «в своей тарелке». Объясняю им (а заодно кажется и себе), что именно нравственно с точки зрения партийных норм жизни и что безнравственно. Привычно сыплю готовыми словами, привожу цитаты из Ленина... Все довольны, аплодируют — тоже привычная реакция, но всегда приятная...

После лекции командир дивизии приглашает меня и высоких гостей пообедать. Сервировка богатейшая: старинный фарфор, серебро; блюда уже все поданы и стоят на спиртовках, чтобы не остыли. Уселись, начинаем. Рыба — самых дорогих сортов, салат из всежих помидоров, огурцов, зеленого лука... В Москве на Даниловском рынке килограмм огурцов стоит сейчас 8 рублей, помидор — 12.

— Откуда эта роскошь? Не удерживаюсь от вопроса.

— Рыбу, отвечает командир, — конфискуем у браконьеров, а овощи выращиваем сами в парниках...

— И что же, вы круглый год весь личный состав свежими овощами кормите? — это спрашивает уже кто-то из прибывшего начальства. — Ну не весь год, а уж в день Победы и на Октябрьский праздник — обязательно.

Присматриваюсь к нему более внимательно. В чине полковника, лет ему не больше сорока... Заведующий клубом говорил, что он из Москвы и без семьи... Приехал, видно, за генеральскими погонами — в Москве и Ленинграде их теперь получить невозможно. По тому, как он уверенно держится и по-барски с размахом обживается видно, что рекомендация у него ГлавПУРовская...

Водки на столе почему-то нет... Значит, напьются вечером, уже без меня.

Во дворе около столовой меня ожидает майор с петлицами стройбата.

— Прощу вас, — говорит он, — поедemте сейчас к нам в часть — здесь недалеко! Прочтите для личного состава лекцию — они у нас только что присягу приняли. А потом отвезем вас в город, в гостиницу...

Мне бы уже сейчас в гостиницу, устала, но отказываться неудобно, да и ещё заработать хочется. У военных ведь порядок во всём — не успеешь

лекцию дочитать, а тебе уже несут конвертик с заветной десяткой. Расчёт всегда на месте, не в пример обществу «Знание»!

По дороге уславливаемся о теме лекции.

— Наверное, им надо рассказать о международном положении? — предлагаю я.

— Что вы! — возражает майор, — для наших стройбатовских ребят это тема слишком сложная. — Я ведь знаю их уровень, сколько их через мои руки прошло! Из прошлого призыва одного спросил: откуда родом? — «Из Тамбова», — говорит. — А родственники за границей есть? — Есть.

— Где? — спрашиваю. — В Шуе!

— Так что вы им о чём-нибудь попроще расскажите!

Что ж, попроще, так попроще, вот хорошая тема: «Задачи союза молодежи в речи В. И. Ленина на III съезда комсомола».

Приехали, входим в клуб — зал забит до отказа. Начинаю рассказ о трудностях первых лет советской власти, об участии комсомольцев и молодежи в строительстве советского государства. Но едва произнесла вступительные фразы, чувствую — нет контакта со слушателями. В чём дело? Иду дальше, привожу краткую историческую справку о том, что они должны знать ещё со школы. И чувствую, что говорить мне становится все труднее.

Почему они меня не понимают? Ведь я говорю совершенно ясно, и микрофон работает хорошо. Сидят они очень тихо, не шевелясь; весь зал — как одно лицо, все под машинку острижены, форма на них сидит одинаково мешковато, глаза у всех темные и какие-то узкие... и в них — или это мне кажется? — немой вопрос...

Начинаю нервничать. Где же мой многолетний опыт лекторского искусства? Почему он не помогает мне? Разве непонятны ленинские слова, что «... задача состоит в том, чтобы учиться, учиться и учиться»? Ведь это каждый пионер знает! Или я не доходчиво объясняю им, какой ущерб развитию советской культуры нанесла теория и практика объединения «Пролеткульт»?

С мольбой смотрю на замполита, ища у него поддержки, и бросаю, бросаю слова в эту тихую аудиторию, которая слушает, но, кажется, ничего не слышит.

Оживляются они только тогда, когда я закончила, и замполит, поднявшись с места, начал аплодировать и благодарить меня за «хорошо, на высоком идейно-политическом уровне прочитанную лекцию». Тогда они тоже поднялись и дружно присоединились к его аплодисментам...

Подхожу к замполиту и спрашиваю:

— Почему они не слушали меня?

— Нет, что вы, они внимательно слушали, я наблюдал за ними. Но дело в том, что эта часть вся сформирована из киргизов и они по-русски еще не понимают... только общие команды...

Я буквально не нахожу слов, слезы досады подкатывают к горлу.

— Как же вы посмели!... — еле выдавливаю из себя и больше ничего уже не могу сказать... Но майор очень доволен.

— Не огорчайтесь! — говорит он, — в нашем с вами деле тоже бывают издержки. Вреда от этой лекции для них нет, а польза — польза такая, что все-таки начало положено. Политическое воспитание для них началось!

...Пишу эти строчки, прожив в эмиграции первые два года. Жизнь моя совершенно изменилась... А я сама? И да, и нет. В какой-то степени прошлое все еще держит меня в своих тисках — глубокие корни вырвать нелегко. Получив свободу, я все еще не свободна. Но одно несомненно — сойдя с трибуны советского пропагандиста, я больше не участвую во лжи...

НЕ ПО ПРОГРАММЕ

Историю о том, как я решила оставить Советский Союз и выехать на Запад, может быть, не стоило бы рассказывать, если бы она не отражала устройство и работу громадной всепроникающей машины идеологической пропаганды — одного из столпов, на которых держится советская власть. Как непосредственный, активный и, добавлю, искренно убежденный работник в этой области, я достаточно изучила дело, которому посвятила большую часть своей жизни, и у меня есть, что рассказать об этом. Естественно, этот рассказ тесно связан с моей личной судьбой и отделить их невозможно.

Ведя пропагандистскую работу в течение многих лет, я имела возможность наблюдать четыре поколения партийцев. Я встречала стариков — уже немногочисленных, глубоко убеждённых в правильности содеянного в октябре семнадцатого года. Это были представители первого поколения; на закате своей партийной карьеры и жизни они оставались верными ленинцами-сталинцами, так и не сумевшими приспособиться к новой хрущёвско-брежневской линии. С почётом выдворенные из партаппарата и переведённые в так называемый партийный актив они становились пропагандистами-общественниками; однако возможность читать лекции им предоставляли всё реже и реже. Второе поколение — это те, кто когда-то с песнями и маршами Дунаевского ехали на далёкие стройки — Магнитку, Комсомольск-на-Амуре, Норильск... Многих из них впоследствии постигли жестокие разочарования — одни стали узниками ГУЛАГа, другие сделали переоценку ценностей в результате итогов Второй мировой войны и послевоенных событий в Берлине, Будапеште и Праге, и, наконец, хрущёвских разоблачений. Среди многих коллег было много представителей этого поколения, но тех, кого я знала лично, эти испытания не коснулись; для них не вставал вопрос, продолжать ли работать на бесчеловечную систему или бороться с ней. И не потому, что эти люди были особенно стойкими, а потому, что они ничего не поняли, вернее, не хотели понимать...

И вот пришло третье поколение партийцев, к которому принадлежу и я. Марксистско-ленинское мировоззрение закалялось в нас с детских лет холодом и голодом блокадного Ленинграда, бомбёжками и пожарами, ночёвками у партизанских костров, известиями о доблестных победах Красной армии на западном фронте...

Первая встреча с европейской бюрократией. У чиновника.

Май 1979 года. Вена, Австрия.

Das erste Treffen mit der europäischen Bürokratie. Ein Gespräch mit einem

Beamten. Mai 1979. Wien, Österreich.

Потом война кончилась и «жить стало лучше, жить стало веселее...» Мы были счастливыми жителями социалистического отечества, будущими строителями коммунистического общества, из нас надлежало создать прочную основу этого общества. Создали на хорошо подготовленной почве; самостоятельно думать и давать оценки было не нужно — всё уже заранее было известно. Бога нет, греха нет, религия вообще была для нас синонимом темноты и невежества; хорошо и нравственно только то, что идёт на пользу строительства коммунизма и т. п. Все мы, в том числе и те, родители которых отбывали сроки, обожали родного Сталина и благодарили его за «счастливое детство».

Помню, как я подростком в мартовские дни пятьдесят третьего сказала на траурном митинге в школе: «Лучше бы я умерла, чем товарищ Сталин!»

Могла ли я тогда представить себе, что через четверть века, прочтя вот такую эпитафию любимому вождю: «Сталин умер. Осиновый кол в его могилу!» — всей душой соглашусь с ней!

Были, конечно, некоторые обстоятельства нашего детства, которые вызывали у меня вопросы и сомнения. Я уже знала, что мой отец погиб не в сражении, а при попытке бегства из плена. Его убили немцы, но почему же тогда я не получила обычного пособия от государства? Какая разница? Или то, что моя мать побывала в оккупации — разве она в этом виновата? Почему же тогда у неё отобрали после войны трудовую книжку и уволили с работы? В результате наша семья долго голодала. Правда, голодали не мы одни.

Летом 54-го я впервые попала в деревню. Помню, был яркий солнечный день, а в хатах темно и пусто... Пусто кругом — и на лавках, и на столе, и в печи. Помню, как меня поразили портреты Маленкова в красном углу каждой избы, вставленные в оклады вместо икон. И хотя я была комсомолкой и атеисткой, но всё-таки как-то неприятно, нехорошо — мятый лист газеты вместо икон... Я сказала об этом хозяйке. «Что ты понимаешь! — ответила она. — Мы ему, голубчику, и утром и вечером молимся, ведь он нам все недоимки скостил!»

Так я узнала, что даже летом 1954 года колхозники всё ещё не могли расплатиться по налогам за 1951 год.

Но «милости» нового правителя мало помогли крестьянству. Не хватало хлеба и после, при Хрущёве, который придумал осваивать целину. Результат этой затеи общеизвестен. Мы, первые целинники, не могли не видеть, что целые горы зерна первого урожая остались не вывезенными

под дождём и снегом и так и сопрели там, на месте. Я помню, как торжественно нас встречали в Москве на вокзале, помню высокопарные речи на пленуме московского обкома комсомола и моё неуместное выступление, в котором я рассказала об этих буртах гниющего хлеба... Секретарь обкома Топтыгин (и фамилия-то какая!) выразил мне своё неудовольствие и предложил зайти к нему в кабинет. Главная мысль сделанного мне внушения была та, что комсомол — не ревизор, а помощник партии, и что при неудачах надо стиснуть зубы, сжать правый кулак и «не пищать»!

Сейчас я задаю себе вопрос, умела ли я тогда видеть, сжимая кулак? Оказывается, да, умела, но, чтобы понять до конца то, что видела, проникнуть в суть происходящего и понять себя, как составной элемент этой сути, мне понадобились годы и годы. И, как это ни парадоксально, основную роль в моём прозрении сыграла именно моя партийная работа. Никто из моих близких не пострадал от режима, не подвергся преследованиям; моя работа доставляла мне все материальные блага, какие только можно пожелать: в качестве номенклатурного работника я получала хорошую зарплату — словом, по выражению Амальрика, я принадлежала не к «сидевшим», а к «заседавшим». Я отнюдь не считала советскую власть неприемлемой для себя.

Когда-то, сидя за партами в школах, а затем в институтских аудиториях мы восторженно мечтали о том, что после войны сделаем всю планету Земля коммунистической. С простодушием Иванушки-дурачка вступали мы в партию, ревностно занимались общественной и партийной работой, многие из нас предпочли эту работу своей основной специальностью, полученной в ВУЗе, и снова шли учиться — в Высшую партийную школу, в Академию общественных наук или во Всесоюзную школу профдвижения и т.п. Мы готовились стать надёжной опорой советской власти, посвятить свою жизнь строительству светлого будущего — коммунизма. Никто из нас и представить себе не мог, что в это «светлое будущее» не суждено войти ни нашим детям, ни внукам, ни даже правнуками...

В чём же конкретно заключался наш вклад в строительство коммунизма? Что представляла собой работа партийного лектора-пропагандиста и как она строится?

Прежде всего необходимо сказать, что эту работу характеризуют два признака, свойственные советскому стилю работы вообще: постоянная спешка, штурмовщина и непомерно высокая нагрузка работников. Мы вечно срочно готовились то к сессии Верховного Совета, то к очередному пленуму партии, то к какой-нибудь юбилейной дате. При этом, кроме

чтения собственных одноразовых лекций, в наши обязанности входило ещё и участие в общей широкой системе партийного просвещения на всех уровнях — от низших начальных школ экономических знаний до школ лекторов при обкомах, где обучались пропагандисты высшего звена, солидные люди с кандидатскими и даже докторскими степенями, занимавшие соответственно высокие посты. Мы одновременно учились в одной из этих школ, а в других преподавали, участвовали в разработке учебных программ, проводили консультации и т. п. Нагрузка была солидная. Особое внимание уделялось идейно-политическому воспитанию армии и флота, которое велось по специальным программам соответствующего Главного Политического Управления. Но это особая тема, которая не входит в рамки данной статьи.

Если учесть, что вся эта система неоднократно дублируется — в комсомольской и профсоюзной политучёбе, не говоря уже о печати и радио, то можно себе представить всю массу, буквально глыбу пропаганды, которая обрушивается на головы советских людей, давит на их ум, поглощает их досуг.

Вот цифры:

Чтобы выполнить положенную годовую норму, внештатный лектор-пропагандист, кроме 75 оплачиваемых лекций должен прочесть ещё 150 так называемых «шефских», т. е. бесплатных лекций. Нетрудно подсчитать, что в таких городах, как Москва и Ленинград, при четырёх-пяти тысячах активно читающих лекторов в каждом городе ежегодно прочитывается более миллиона лекций. При таком колоссальном объёме «информации» слушатель не только не успевает оценить или проанализировать представленный ему материал, но даже просто передохнуть, опомниться. Закон диалектики о переходе количества в качество здесь, если и появляется, то с обратным знаком.

Поясню термины «штатный» и «внештатный» лекторы. Первых не так много — это привилегия избранных — например, при обкомах их не более 8-10 человек, при райкомах и горкомах — не больше 6-8 человек.

Основную массу внештатных пропагандистов составляют так называемые лекторы-общественники. Это контингент очень разнообразный — от профессоров и преподавателей ВУЗов и академий до передовиков производства, рационализаторов и изобретателей. Твёрдую зарплату они получают на своей основной работе; за лекции им тоже платят. Но не за каждую, как штатным лекторам, а лишь за каждую третью.

Все они являются членами Всесоюзного общества «Знание», но далеко

*Читаю лекции в сахаровском летнем университете, рядом с Аахеном.
Лето 1981 год.*

*Vorlesungen haltend an der Sacharow-Sommeruniversität nahe Aachen.
Sommer 1981.*

не все, состоящие в списках, действительно читают; большинство только числится в списках. Списки эти огромны — это повышает престиж общества и служит лишним козырем в' пропаганде...

Тематика лекций обычно строится на материале очередных съездов партии и всяких политических кампаний: количество их в последние годы при Брежневе возросло. Стали особенно широко отмечать такие даты, как 50-летие советской власти, 50-летие образования СССР, столетие со дня рождения Ленина; широко проводилось так называемое все-народное обсуждение новой брежневской конституции, которое длилось целый год.

Сразу же по окончании кампании темы и программы соответствующих лекций, заранее изданные миллионными тиражами, направляются в нижестоящие организации. Разрабатываются они идеологическим отделом ЦК, в распоряжении которого находятся коллективы учёных Института марксизма-ленинизма, Института международного коммунистического и рабочего движения и других.

Далеко не всякий член партии может стать пропагандистом, хотя принцип отбора здесь тот же, что и при назначении на любую другую партийную работу: строго индивидуальный подход. Учитывается возраст (по специальному постановлению ЦК, он не должен превышать 35 лет. Идёт постоянный процесс «омоложения» кадров), требуется также высшее образование, а в настоящее время даже кандидатская степень, а также производственная и общественная активность.

партийное руководство делало ставку на молодёжь, т.е. четвёртое поколение партийцев, которым мы, «старые» пропагандисты, дали прозвище: «мальчики с белыми глазами». Это поколение в корне отличается от предыдущих своим холодным цинизмом и полным отсутствием веры в коммунистические идеалы. Партийная работа интересует их исключительно с точки зрения карьеры и материального благополучия. Не обременённые никакими нравственными устоями, они являются наиболее надёжной опорой стареющего руководства.

В своих поездках с лекциями я исколесила почти всю страну — от Кольского полуострова и границ Норвегии до берегов Чёрного моря и от Прибалтики до Хабаровского края. К тому времени я была уже опытным лектором, умела «чувствовать» аудиторию и овладевать ею; знала, когда можно перейти на юмор, подпустить шутку, когда подать материал доверительно, как бы по секрету, а когда проявить «партийный накал и страстную убеждённость». Одним словом, я научилась зарабатывать свой

хлеб, и мои лекции, судя по отзывам, были «политически правильны и убедительны».

В аудиториях передо мной прошло множество советских людей всех возрастов и профессий, и все они, как мне тогда казалось, были одного со мной мнения по кардинальным вопросам политики партии и правительства, все были убеждены, что советский строй — самый передовой и демократический в мире. За свою многолетнюю практику общения с народом я ни разу не встретила ни одного диссидента или автора самиздата, ни разу не имела случая познакомиться с их платформой или прочесть какую-либо из «крамольных» рукописей, хотя и слышала о них. Надо признаться, что я тогда ещё и не дозрела до активных поисков, а случай вряд ли мог представиться — нас тщательно оберегали от этого. Мы должны были критиковать диссидентов, осуждать их и клеймить как изменников Родины, ничего не зная об их взглядах и убеждениях. Это само по себе наводило на размышления. Человек — не компьютер, его нельзя запрограммировать. А раз в душе завёлся червячок сомнения, он уж доведёт свою разрушительную работу до конца...

И вышло так, что самая моя деятельность, которой я себя посвятила и которой занималась с таким увлечением, ради которой провела лучшие годы жизни за партой и в аудиториях и которая, казалось должна была закалить во мне стойкого непробиваемого ортодокса-коммуниста, сделала как раз обратное — привела меня к убеждению в коренной порочности всей системы. Так обернулся для меня основной закон диалектики...

Теперь я стала замечать, что не только рядовые пропагандисты не знают и не должны знать многого, но и мы, лекторский состав на более высоком уровне — на уровне горкомов и обкомов партии и даже ещё более высокие партийные деятели — тоже находимся в полном неведении практической стороны советской жизни — той области, которой обязаны повседневно руководить. Что же говорить обо всей остальной массе рядовых советских граждан! Нашей обязанностью было популярно излагать им лишь теорию научного коммунизма, а практика его осуществления была монополией государственной власти, Политбюро. Разъяснять нашим слушателям некоторые действия властей, вроде вторжения наших войск в Чехословакию мы не могли, (мы не могли и просто ответить на связанные с этим событием вопросы...)

Постепенно я стала себе казаться чем-то вроде клоуна в двухцветной одежде. Выступая перед аудиторией, я была вынуждена обманывать своих слушателей не менее ловко, чем обманывали меня официальные

газетные сообщения и специальный материал, которым я пользовалась...

Всем нам приходилось существовать в двух планах: нравственные и духовные основы, составляющие нашу человеческую суть, так искусно переплетены с набившей оскомину показухой, что советские люди уже отвыкли думать о нравственной стороне своих поступков; моральные критерии утрачены.

Примеров можно привести много. Кому из иностранных журналистов, стоящих на гостевых трибунах Красной площади в дни праздников 1 Мая или во время Октябрьских торжеств могло бы прийти в голову, что он присутствует на хорошо оплачиваемом спектакле? А между тем известно, что вот уже несколько лет в Москве, Ленинграде и других крупных городах принята практика оплаты участников праздничных демонстраций. Если демонстрант несёт ветку зелени или букет цветов, он получает 3 рубля; если знамя, портрет члена Политбюро или одного из вождей мирового пролетариата — 5 рублей; если двое несут транспарант во всю ширину колонны — каждый получает по 5 рублей и т. п. Расчёт производится наличными сразу же по окончании демонстрации. Плюс к этому — каждый председатель заводского или местного комитета, вместо красного знамени, несёт баул со спиртным: коньяк для начальников и водку для передовиков производства — всё это за счёт профсоюзных средств...

Однажды в Париже в газете «Русская Мысль» появилась заметка актрисы Енютиной, которая иллюстрирует так сказать звуковую сторону этой картины: оказывается, что делают предварительную запись по заранее составленному сценарию всех выступлений, речей, здравниц и ликующих криков толпы — всего того, что будет потом во время демонстрации передаваться из радиостудии в ГУМе, якобы непосредственно с Красной площади.

Прочно вошла в советскую общественную жизнь и практика предварительных репетиций и заранее составленных сценариев для партийных, комсомольских и профсоюзных собраний и даже для научных заседаний и конференций. Причём в некоторых партийных организациях, например в моей, выступления планировались заранее, по алфавиту. Приближается партийное собрание, на которое приходится твоя буква. Иди в политбюро, продекламируй там свою речь, её подредактируют, урежут во времени и в назначенный день спокойно выходи на трибуну. А уже задолго до этого дня секретарь парторганизации составил протокол собрания и «подработал» резолюцию... Так что никаких неожиданностей и сюрпризов быть не может — всё по плану, всё заранее решено.

Когда шло «всенародное обсуждение» новой брежневской конституции, был подготовлен и издан типографским способом специальный сценарий проведения этих собраний (слово «сценарий» так прямо и было напечатано на титульном листе!). Секретарю парторганизации оставалось только вписать туда наименование своей организации и фамилии тех, кто выступал на собрании (т. е. зачитывал готовый текст «сценария»).

До какого-то момента всё это казалось нормальным, обычным. Но вот этот момент наступил. Никогда не забуду его. Это было нечто вроде душевного потрясения, повлиявшего на весь дальнейший ход моих мыслей. Шло зональное совещание нашего лекторского актива. Читал лекцию один из моих товарищей на тему «Идеологическая борьба в условиях международной разрядки». Выступление было скучным, и я слушала без особого внимания, когда он закончил и стали задавать вопросы, я вдруг услышала: «Расскажите, что вы знаете об академике Сахарове!»

Ответ лектора последовал немедленно: «Я об этом подонке даже не хочу говорить!»

Я оцепенела, как и весь зал, но лишь на секунду. Негодование слушателей тут же прорвалось возмущёнными репликами и требованиями ответить по существу.

А мне на секунду представилось, что подобный вопрос зададут мне самой завтра, после моей лекции. Что я отвечу? Что я знаю об этом человеке, кроме того, что я должна его ругать?

Я не могла больше оставаться в зале, поднялась и вышла...

Случай этот, конечно, дошёл до ЦК, и лектор был отстранён от дальнейшей работы. Его наказали не за то, что он оскорбил крупного учёного и не за то, что не знал сути вопроса, а за то, что не сумел выпутаться из положения. В арсенале пропагандистов, конечно, уже имелась отработанная версия о Сахарове: это человек науки, но ограниченный, не усвоивший основ марксистско-ленинской философии... Но кого это могло удовлетворить?

Вот тогда я впервые задумалась о том, что собой представляет инакомыслие...

СПОЁМТЕ, ДРУЗЬЯ!

«Не оглядывайтесь назад» — сказано в первой книге Моисеевой «Бытие». О тех, кто начал новую жизнь, не оглядываясь на прошлое, о новых эмигрантах из бывшего «Союза нерушимых...», о них, не уступивших себя обыденности и повседневности, в репортаже Анастасии Поверенной.

Двенадцать красивых мужчин, двенадцать солидных людей и по возрасту и по профессиональным заслугам. Здесь, не Дома, не в России объединились они, поющие мужчины, в хоровой коллектив при еврейской общине города Мюнхена и назвали его «Дружба». В репертуаре — песни на русском и украинском, немецком и английском, на идиш и иврите. И хотя хору порой не хватает профессионализма, страстность и задушевность исполнения мгновенно связывают поющих на сцене с сидящими в зале: кто-то начинает подпевать, кто-то утирает слёзы. После концерта я встретилась с участниками хора и у некоторых из них взяла интервью.

Первый собеседник — Александр Савин, член Санкт-Петербургской инженерной Академии, лауреат Государственной премии и Заслуженный машиностроитель России.

Савин: Здесь, в Германии, я увлёкся бардовской песней. Это прекрасная возможность проявить себя творчески. Я написал более двухсот стихов и песен, две из них исполняет наш хор. Пою сам, пою с женой, пою с хором и в хоре. Рад нашим тёплым отношениям в коллективе и рад петь для своих соотечественников.

Солист хора Айзик Шварцман был более двадцати лет главным конструктором, разработчиком УКВ радиосредств для военной и гражданской авиации, лауреат премии Совета Министров СССР.

Шварцман: В хор я попал случайно, но очень доволен. Когда-то приходилось участвовать в армейской самодеятельности, но последние сорок лет что-то не пелось. Теперь стараюсь наверстать упущенное.

Мюнхенский хор «Дружба» был создан к 55-летию Победы, ведь у каждого участника хора жизнь так или иначе была связана с военными годами.

Доктор Медицинских наук Борис Гехман получил известие о начале войны на выпускном школьном балу 21 июня 1941 г.

Гехман: За одну ночь я стал взрослым. Во второй день войны я был назначен политруком истребительного батальона, а через месяц направлен на учёбу в Военно-медицинскую Академию. По окончании получил золотую медаль. Защитив кандидатскую, а потом докторскую диссертацию, оставался военврачом и служил в Забайкальском, Дальневосточном и Киевском военных округах. За время службы написал три монографии и опубликовал около 150 научных статей по урологии. Жизнью был доволен, но было не до песен, хотя в семье все пели: мама, тётки и дяди. А я запел уже в эмиграции. И не только запел. Здесь написал мемуары «Записки военного врача», несколько глав из которых недавно читал в «Литературной гостиной».

Инженер, кандидат технических наук Соломон Брандобовский проработал последние тридцать лет в институтах РАО Газпрома.

Я спросила Соломона, что привело его в хор.

Брандобовский: Участие в хоре поддерживает мой жизненный тонус. Пение скрашивает моё одиночество.

Участник Парада Победы на Красной площади в июне 1945 г., выпускник Московского Краснознамённого Высшего военно-инженерного училища Геннадий Андреев во время войны был «простым ротным запевалой». Он — волжанин, а там поют все.

Андреев: Со своей ротой дошёл до Варшавы, где после ранения оглох на одно ухо. С тех пор, как говорится, пою одним ухом. Прослужив в коллективе всю жизнь, не могу оставаться в одиночестве, и к ребятам(!), участникам хора, отношусь как к фронтовым друзьям.

Семён Каждан, кадровый офицер, воевавший с первых дней войны на западной границе и встретивший победу в высшей офицерской школе Ленинграда. В 1954г. попал под сокращение. На гражданке оказался без специальности.

Каждан: Начал жизнь сначала: работал и учился — прошёл путь от ученика шлифовщика до заместителя конструкторского бюро. Моим новым друзьям из хора я очень благодарен: они помогли мне пережить здесь смерть жены, одиночество.

Последний вопрос администратору хора, офицеру в отставке, Юрию Глузову.

— Товарищ подполковник, что труднее: командовать воинским подразделением или руководить коллективом друзей-товарищей?

Глузов: В армии мне было привычней, ведь за плечами военное детство, школа ВВС для детей, потерявших родителей во время войны, авиационное училище, дивизия знаменитого Кожедуба и 27 армейских лет. Оказавшись в Мюнхене, я сразу же включился в общественную работу при еврейской общине. У нас дружный коллектив, и не случайно родилось такое название — «Дружба». Мы собираемся петь долго, ведь у нас такой прекрасный музыкальный руководитель — Вячеслав Дорохов, выпускник ашхабадской консерватории, член Союза композиторов Израиля.

ЖИЗНЬ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Ошибается тот, кто считает, что эмиграция для людей творческих равносильна смерти. Чтобы убедиться в этом, достаточно приехать в Мюнхен, столицу Баварии, в город с достаточно заметной концентрацией бывших граждан СССР.

Центром творческой жизни русского Мюнхена, «вторым» домом русскоязычных жителей баварской столицы давно и прочно стала Толстовская библиотека, этот своеобразный спасательный круг для тех, кто в нелёгких условиях эмиграции сумел сохранить русскую культуру и корни, обрубленные было на взлётной полосе Шереметьева-2.

«Свежая» российская и эмигрантская пресса, книги, фильмы, встречи, концерты, ставшие «изюминкой» традиционных «четвергов» — это далеко не полный «послужной» список мюнхенской Толстовской библиотеки.

Когда-то Зинаида Гиппиус, кстати, эмигрантка «первой волны», писала:

«...и чашу русской литературы из России выбросили. Она опрокинулась, и всё, что было в ней, брызгами разлетелось по Европе».

«Толстовская библиотека» и стала тем невидимым «магнитом», который собрал в единое целое ещё совсем недавно — разрозненных, разбросанных по Баварии литераторов, музыкантов, учителей, кинематографистов — всех тех, кто не мыслит своей жизни без самовыражения в творчестве. Именно для нас и был создан «Бюллетень» — издание, знакомящее русских с русскими, рассказывающее о сегодняшнем дне российской словесности, об истории и традициях «русского» Мюнхена. Именно энтузиастами в рамках библиотеки создана школа русского языка, призванная сеять в наших подростках «мудрое, доброе, вечное». Интересно было открытие «Русского клуба современных бальных танцев». Его возглавил известный педагог и «свежий» эмигрант Юрий Пиотровский, чьё имя, между прочим, высечено на мраморе во всемирно известном мюнхенском «Deutsches Theater».

Одним из центров культурной жизни Мюнхена стало благотворительное общество «Мир», которое успешно провело фестиваль искусств, посвящённый 850-летию Москвы. Трёхмесячный фестиваль получил название «Москва на Изаре».

И, наконец, ещё одно неординарное событие в жизни русского Мюнхена. В 1986 году распахнула свои двери «Мюнхенская литературная го-

стиная» — клуб, собравший весь «цвет» творческой интеллигенции баварской столицы.

С первого заседания «гостиной» и ведёт свой репортаж наш специальный корреспондент Анастасия Поверенная, взявшая несколько интервью у организаторов и участников «гостиной».

Исай Шпицер:

«Ведёт меня дорога краем вечности...»

А. П.: — Исай Моисеевич, вы начали дело, о котором мы мечтали вот уже двадцать лет: объединить творческие силы, возродить традиции русского литературного Мюнхена. Вы были одним из организаторов «Литературной гостиной». Как вам удалось это осуществить?

И.Ш.: Я из Санкт-Петербурга. Я являюсь членом Союза литераторов России. Литературное творчество — это «моё». Приехав в Мюнхен, я понял, что нуждаюсь в том, что утратил на родине. В Санкт-Петербургском комитете литераторов мы регулярно собирались, читали друг другу свои произведения, общались, приглашали на наши встречи интересных людей — всё это и составляло большую часть нашей духовной жизни.

Здесь я этого не нашёл, но зато нашёл людей пишущих. Их сюда за последние два года приехало вполне достаточно, чтобы нам регулярно встречаться. Еврейская община Мюнхена предоставила нам прекрасное помещение, где мы создали что-то вроде литературного салона, назвав его «Литературной гостиной». Вы были на очередном нашем заседании, которое вёл Виктор Фишман, и видели, скольким людям это интересно.

А. П.: Это что, организация для узкого круга?

И. Ш.: Совсем нет. На наши «посиделки» приходят не только пишущие люди, но и любители литературы — те, кто хотят послушать. Кроме того, мы провели несколько литературно-музыкальных вечеров, в которых участвовали драматург Борис Рацер, сатирик Михаил Генин, певец Михаил Александрович. Только что состоялась встреча с поэтом Виктором Гином. Многие знакомы с песнями, тексты к которым написал этот поэт: «Поговори со мною мама», «Дарите женщинам цветы», «Зорька алая». Его песни исполняли Валентина Толкунова, Эдита Пьеха, Анна Герман, Иосиф Кобзон.

Сейчас поэт живёт в Израиле и приехал сюда по нашему приглашению. Планируем и другие творческие вечера. Главное, чтобы было интересно слушателю.

А. П.: Я вспоминаю, как на судебном процессе над Иосифом Бродским в тогдашнем Ленинграде судья категорически заявила, что «поэт — это не профессия». Вы ведь тоже поэт. А, по-вашему, поэт это что — ремесло, работа?

И. Ш.: Не простой вопрос, чтобы так сразу на него ответить. Что касается высказывания судьи Бродского, то в нём была чёткая политическая установка — осудить великого поэта за тунеядство. Что власти и удалось сделать.

Конечно же, поэзия — это не профессия и не специальность. Это состояние души и духа. И это ещё и работа души и интеллекта. Если общество ещё и платит поэту деньги, значит, его работа нужна обществу. В Санкт-Петербурге я писал стихи. Но на жизнь зарабатывал куда более прозаическими занятиями. Я — экономист по образованию, пчеловод — по увлечению, тренер групп закалывания — по интересам. А поэзия всегда была для меня той соломинкой, которая держала и держит на поверхности в крутом водовороте нашей жизни, что особенно необходимо здесь, в эмиграции.

А. П.: Как вам работается здесь, в Германии, в стране, давшей миру не одного великого литератора?

И. Ш.: Германия — страна не только Шиллера, Гёте, Гейне, Фейхтвангера и Брехта. Здесь традиционно работали русские литераторы, художники, музыканты. В рамках фестиваля искусств «Москва на Изаре» вышла в свет книга «Русские следы в Баварии», в которой есть очерки о Фёдоре Тютчеве, Василии Кандинском, Игоре Грабаре, Андрее Белом, Сергее Прокофьеве и многих других известных миру творцах, создававших свои шедевры на баварской земле. Надеюсь, что и нас, людей творческих, эта земля будет вдохновлять на новые произведения.

Что касается меня, я написал здесь несколько стихотворений. Но моё творчество не исчерпывается жанром поэзии. В России я много работал в жанре юмора и сатиры, писал для Мос- и Ленконцерта. Продолжаю и здесь сотрудничать с русскоязычными изданиями, где имеется страничка юмора. И ещё в сфере моих интересов — тема здорового образа жизни, здорового тела как вместилища здорового духа.

А. П.: Исай Моисеевич, готовы ли вы перенести «Литературную гостиную» на страницы нашей газеты?

И. Ш.: Ловлю вас на слове и рассматриваю ваш вопрос, как предложение. Если вы не возражаете, я закончу беседу своим четверостишьем:

С годами понимаешь:

Объять всё не сумеешь.

И крепче обнимаешь

То, что имеешь,

Что имеешь...

А. П.: «А без больших надежд надёжней для надежд...»

Следующий литературно-допрашиваемый Виктор Фишман. Виктор Петрович, Вас можно поздравить, не так ли? Я имею в виду избрание руководителем-координатором литературного объединения эмигрантов в Баварии. Как вы себя чувствуете в роли председателя Собрания?

В. Ф.: Роль для меня втрое не новая: я никогда не руководил ни какими творческими литературными объединениями, я никогда не сталкивался с профессиональными литераторами и, наконец, не сталкивался с профессиональными писателями-эмигрантами — это особенно тяжело и сложно.

А. П.: Вы считаете, что у наших литературных знаменитостей изменился на Западе менталитет?

В. Ф.: Моё мнение, что обычно горделивая и свободолюбивая натура каждого литератора здесь помножилась на сложности, которые накладывает чужой язык и новая среда.

А. П.: Почему остановились именно на Вашей кандидатуре?

Ф.: Точно мне неизвестно. Но, как говорит моя жена, нашли такую кандидатуру, которая будет сглаживать все конфликтные углы.

П.: Конфликтные углы? В чём вы их видите?

Ф.: Главные конфликты возможны в том, что в нашей «Литературной гостиной» встречаются профессионалы с непрофессионалами. И эти «шероховатости» отношений чувствуются уже сегодня.

П.: Не успели объединиться и уже конфронтация... Звучит как-то по-старому, по-советски.

Ф.: Да. Я, например, вижу пользу, если поэт-профессионал обсуждает и критикует стихи любителя. Но, к великому сожалению, профессионал часто не считает возможным «снизойти» до такой рутинной работы. Это наш первый конфликт, если хотите.

Конфликт второй. Когда мы готовили наш первый «Труд» — литературное приложение к газете «Русская Германия», мы надеялись привлечь к нему маститых авторов. Но уважаемые господа писатели посмотрели на нас снисходительно и ответили разом одно и то же: «Вот мы посмотрим, как вы сработаете сами, а уж потом мы определим своё отношение к вашей «гостиной». Поверьте, нас такое поведение уважаемых нами людей в уныние не повергло. Мы уверены, что сделаем обещанное приложение на хорошем уровне. И, пользуясь возможностью высказаться через вашу газету, заявляю, что по выходе литературного приложения я не буду действовать по поговорке: «Кто старое помянет...»

П.: Вопрос ребром: «Почему Вы взялись за совершенно новое для Вас дело, да ещё в условиях эмиграции?»

Ф.: В том мире, который для меня остался за рубежами Германии, я руководил большими коллективами высокопрофессиональных инженеров. Но интеллект остаётся интеллектом, а люди — людьми. Кроме того, я там выпустил несколько научно художественных и научно-популярных книг. Очень сожалею, что главная моя книга «Невидимые дороги к сокровищам» вышла под псевдонимом «Виатор Петров».

А. П.: Будущее «Литературной гостиной», как оно Вам видится, какие задачи вы ставите перед собой?

В. Ф.: Скажу честно, что первую и главную задачу могу сформулировать словами Окуджавы «Возьмёмся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке». Ну, а вторая задача — сделать так, чтобы наш голос был услышан.

Фридрих Бондарь:

«Я — как все: надеюсь, жду, люблю»

А. П.: Фридрих Исаевич, Вам первому довелось читать свои стихи на заседании «Литературной гостиной». Понятно, что Вы относитесь к поколению «шестидесятников» — к «физикам и лирикам». Держу в руках удивительную реликвию — «Невскую зарю», газету Всеволожского района Ленинградской области от 12 мая 1979 года (Сюрреализм. Эта дата — мой прощальный день в Ленинграде перед дальней дорогой в эмиграцию), где Вы выступили сразу в двух ипостасях: на одной странице — очерк и фотографии о строительстве крупнейшего в Европе сельскохозяйственного комплекса, где вы были главным инженером, а на другой — Ваша фотография среди ленинградских писателей в президиуме литературного праздника. Как давно Вы себя чувствуете поэтом и что для вас первично: материальное, или духовное?

Ф. Б.: Поэтом я себя никогда не считал. Стихи начал писать где-то в тридцать лет. Писал не для публикации, а для души и читал их друзьям. Рождались стихи спонтанно, как эмоциональная реакция на какие-либо события. Каждое стихотворение — кусочек моей личной жизни. А что для меня первичное, судите сами. Без поэзии в душе я не смог бы тридцать шесть лет моей жизни отдать советскому строительству.

Вы, наверное, забыли, что такое стройка в условиях социализма. Но Вам совершенно не представить строительство в условиях перестройки и нынешней демократизации.

Работая последние годы генеральным директором строительного предприятия, я «сломаюсь». Оказался в Мюнхене, не дотянув всего десять месяцев до законной пенсии: стало невозможно нормально и честно работать — сюда тоже проник криминал и это стало опасно для жизни.

А. П.: Есть ли у вас поэтические идеалы?

Ф. Б.: Два портрета молодых Окуджавы и Высоцкого я вожу с собой по миру, как мои литературные символы и идеалы. А из классиков люблю Пушкина,

Лермонтова, блока и Пастернака.

Лена Верник:

«Мы наших слов без сна поводыри...»

А. П.: Лена, я только однажды была в твоём городе и, уезжая, узнала что: «В Одессе каждый одессит — поэт и каждая одесситка — поэтесса». Слушаю твои стихи и думаю: характер ты унаследовала не от родителей, а от города, в котором родилась, характер без овальных линий — только из острых углов, импульсивный и страстный. Но будь я твоей матерью, я бы очень волновалась за твоё будущее: ты спешишь жить и всюду не успеваешь: хотела побыстрее получить специальность, но не закончила школу. Увлечлась фестивалями авторской песни и работала в объединении молодёжных клубов Одессы, но не закончила педучилища. А те твои стихи, которые мне нравятся, звучат вполне зрелыми и законченными. Как ты думаешь, сможешь ли ты состояться, как настоящая поэтесса?

Л. В.: Меня не удивляет, что Вы меня не «угадали». Я — человек достаточно терпеливый к чужим недостаткам. Часто, чтобы сохранить друзей, приходится закрывать глаза на опечатки друг друга. Вообще, я человек целеустремлённый, хотя перебежать дорогу другим не люблю. Школу и училище действительно не окончила: учителя ушли на «толчок», на всё известный «седьмой километр». Но экзамены за среднюю школу всё-таки сдала экстерном.

Более важным для меня было участие в поэтических конкурсах имени Эдуарда Багрицкого и Семёна Кирсанова, призёром которых и стала. Я довольно строго сужу и свои, и чужие «шедевры», или, как я люблю говорить, «бессмертные произведения». И если кто-то пишет стихи типа «Лёва любит Светочку, а Светочка ест бубличек», или «Кровь, любовь, свекровь» и считает их гениальными, то в общем-то, на сто процентов не прав. Хотя и на эту тему можно писать.

А. П.: А если ближе к творчеству, нужно ли учиться писать стихи?

Л. В.: Без сомнения «Азы» стихосложения знать надо. Хотя гуманитар-

ное образование вовсе не обязательно, нужно просто иметь высокий полёт души, оставаясь при этом реалистом по отношению к своему творчеству.

А. П.: Ты приехала недавно и по сути в Мюнхене ещё «новичок». Тебя не угнетает расстояние между Одессой и Мюнхеном, ведь одесситы больше других привязаны к своему городу?

Л. В.: Иногда, бродя по набережной, я вдруг чувствую себя на берегу Днепра, а некоторые улицы настолько напоминают одесские каштанами, акацией и сиренью, что порой забываешь, где ты: в Мюнхене или за тысячу километров в яркой и пахнущей морем Одессе.

Одесситы по духу всегда останутся одесситами, где бы они ни были.

Одессит не может быть угнетёнными хотя бы потому, что он одессит. И это — уже хроническое, ведь японец и на северном полюсе будет есть палочками.

ОТЦЫ И ДЕТИ

Эмигрантские дети — за «бугром»

Часто слышу от новых эмигрантов: «...всё бы в Германии было ничего, да вот только в Sozialamt ходим, как за милостыней». И мне хочется сказать им милостыня милостыне — рознь.

Вспоминается послевоенный разрушенный Смоленск. На ступенях православного собора стоят пленные немцы. В руках — пустые банки из-под консервов. И мы, такие же голодные, как они, только на свободе, кидаем в эти банки медяки. Много десятилетий спустя, уже в Западном Берлине, я встречу одного из тех пленных и увижу его снимок, сделанный на ступенях смоленского собора. И он, переживший войну и плен и ставший переводчиком, расскажет мне, как звук падающих в банку медяков перевернул его сознание и как он самим сердцем почувствовал всепрощающую русскую душу и всем сердцем полюбил страну под названием Россия.

В один из дней освобождения Смоленщины судьба вновь привела меня в тот самый православный собор. Только на этот раз на его ступенях стояли с дрожащими, уставшими просить руками те, кто в сорок пятом вернулся на родную землю героями-победителями. Глотая слёзы, сгорая от стыда, раздавала я уже не медяки, а сотни рублей. Они благодарили меня, а мне хотелось их всех обнять. И попросить прощения...

Здесь, в Германии, мы — не нищие. И в Sozialamt многие ходят не за подаванием, а за небольшим кредитом, который в скором времени вернут этому государству их дети и внуки.

Сегодня я беру интервью у трёх девушек, родители которых привезли их на Запад в далёкие семидесятые годы.

Маша Кушева, подданная Её Величества Королевы Англии

Маша, ты родилась в Москве, паспорт получила в Англии, училась в гимназии и в Европейской школе в Мюнхене. Потом окончила с отличием одну из привилегированных школ в Шотландии, что открыло тебе дорогу в английское высшее общество.

За эти годы ты объездила множество стран, увидела мир, узнала самых разных людей. Сохранилось ли у тебя чувство родины, кем ты себя считаешь, какую страну любишь больше всего?

Я одинаково хорошо владею несколькими европейскими языками, но

дома, в Гармише, где живёт моя мама, я говорю по-русски. Конечно, и Англия стала моим родным домом. Я там выросла, окончила Оксфордский университет и лондонскую школу экономики — один из лучших экономических факультетов мира. И, если совсем честно, долгое время всем представлялась англичанкой, не хотела признаваться в своём российском происхождении. Но в последние годы вдруг почувствовала, что по своей духовности, по восприятию мира осталась русской. Теперь я от своей «русскости» никогда не откажусь. Более того, и своих будущих детей постараюсь воспитать в лучших традициях старинной русской семьи — в теплоте, заботе и душевной щедрости.

— Спору нет — образование ты получила солидное. Интересно, как складывалась твоя профессиональная карьера? Сбылось ли всё, о чём мечтала в студенческие годы?

— Карьера — это жизненная цель, и её надо добиваться. От цели я не отказалась и потому выбрала Брюссель — город, где расположены штаб-квартира НАТО и Европейского Союза. После получения дипломов я добилась шестимесячной практики в НАТО, где работала в качестве референта — готовила материалы для натовских дипломатов.

Работа, конечно, была интересная...

Это была интересная работа! Хотя и несколько академичная — не хватало общения с людьми, что опять говорит о моём российском происхождении. После некоторых поисков нашла более интересное занятие: начала работать в отделе европейского Союза в Брюсселе, который занимается проблемами России. Так что теперь я ежедневно общаюсь с людьми из бывшего Советского Союза и даже из Монголии.

Маша, я хорошо знаю твоих родителей. Отец твой, Евгений Кушев, много лет проработал на «Свободе» и был моим непосредственным шефом. С твоей мамой, Людмилой Зориной, мы преподавали русский язык американским военным студентам. Твоего отца многие помнят по диссидентской деятельности. Тем не менее, и об этом мало кто знает, он был и очень неплохим поэтом. Скажи, твой британский паспорт, русское происхождение и политическая биография родителей каким-то образом помогли тебе получить новую должность?

— Вы имеете в виду «Security» — служба безопасности? С ней у меня особых проблем нет и, как мне объяснили, вряд ли будут: к России сейчас совершенно иное отношение.

— Как ты, русская, работавшая в стенах НАТО и Евросоюза, относишься к расширению НАТО на Восток?

— Радуюсь, конечно, за те страны, которые будут приняты в НАТО. Очень переживаю за Словению — и из-за своего славянского происхождения, и по глубоко личным причинам: родители моего друга — выходцы из тех мест.

— Как часто ты бываешь в России, какой тебе видится наша общая Родина и чувствуешь ли ты себя в Москве, как дома?

— Москва — великий город, но это уже — не моя родина. Я провела там целый год: посещала Гуманитарный Университет Юрия Афанасьева, лекции в ГИТИСе и заново знакомясь с моими многочисленными родственниками.

Увы, русский язык не объединил нас... И, тем не менее, время от времени я испытываю чувство ностальгии и снова хочу в Москву, в Россию. Но это уже — ностальгия путешественника.

Донна Фрейдкин, корреспондент СНН

Ничто не определяет так чётко лицо государства, как журналистика и дипломатия. Донна, ты не только стала американской журналисткой, но и опекаешь своего младшего брата — студента Флоридского университета в США. Америка и журналистика, Америка и пресса... Какое направление журналистики сегодня самое перспективное — не только в творческом отношении, но и в смысле хорошей оплаты и быстрой карьеры?

В своей профессии я больше всего люблю разнообразие, так что мы-журналисты не имеем возможности скучать. Мне нравится, что работа, которую мы делаем, непосредственно отражается на жизни и настроении миллионов людей.

Это — позитивная сторона журналистской профессии. Ну, а что мне в ней не нравится? Работа в теленовостях — это прежде всего постоянный беспорядок, часто граничащий с хаосом. И ещё. Бывает, что американские новостные телепрограммы, всегда отличавшиеся глубиной анализа и склонностью к расследованию, начали скатываться до уровня мелких, поверхностных коммерческих передач. Самый яркий пример такого падения — программа «МакНьюс», известная быстротой и лёгкостью изготовления и практически исключая индивидуальность репортёра. Честно говоря, я не испытываю от такой работы особого удовлетворения. Новостные теле- и радиостанции, журналисты-«новостники» должны, как мне кажется, выработать оптимальный баланс между ослабевающим спросом на новости и усиливающейся конкуренцией. Иначе новости как жанр очень быстро выйдут «в тираж»...

Донна, ты пока ещё молодой специалист. Как и где ты начала свою трудовую деятельность? Каковы специфика и ритм твоей работы? Пригодилось ли тебе знание немецкого и русского языков?

Я начала свою карьеру после окончания Мэрилендского университета на телекомпании БС, вернее в её вашингтонском филиале. После этого переехала в Атланту, где и стала журналистом-«новостником». За всё время работы я всего один раз использовала своё знание русского. Случилось это во время захвата заложников. Единственным источником оперативной информации был российский телеканал, и я переводила телевизионные репортажи моих российских коллег.

Приходилось ли тебе встречаться с президентом Клинтоном? Какое событие взволновало тебя, как журналистку, больше всего?

С президентом США я не встречалась и, скорее всего, никогда не встречусь. Однажды я была на приёме, устроенном для вашингтонских журналистов Белым Домом. Был на приёме и Клинтон. Но подойти к нему близко я не смогла: помешали телохранители президента, окружившие Билла Клинтона плотным кольцом.

Событием, взволновавшим меня больше всего, были президентские выборы. В ночь выборов мы, журналисты СНН, «покрывавшие» это событие, получили изрядную дозу адреналина!

Знаю, что ты очень любишь Мюнхен. Здесь живут твои родители, здесь прошло твоё детство и школьные годы, сюда ты приезжаешь в отпуск. Но в отличие от моих детей, которых я воспитывала в русском духе, ты с детства росла американкой. Я бывала в Америке, много лет проработала с американскими военными студентами в Гармише и поэтому тебя воспринимаю, как настоящую американку: свободную, корректную, с присущей американцам доброжелательностью. Ты знаешь, что многие «новые русские», деловая и партийная элита России отправляют своих детей на учёбу за «бугор» — кто в Германию, кто в Англию, а кто и в Штаты. Как ты думаешь, захотят ли они вернуться на родину, в Россию, и видишь ли ты себя там, где родилась?

У меня нет контактов с русскими и я не знаю, вернутся ли они в Россию или предпочтут американизироваться и влиться в новое общество. Что касается меня, то Соединённые Штаты — это мой дом, и я не собираюсь никуда отсюда уезжать. Пару лет в Европе — это ещё куда ни шло, но провести здесь всю жизнь... Нет, я предпочитаю Америку!

Ситуация в России меня не волнует и особого энтузиазма не вызывает. Если бы передо мной стоял выбор: увидеть родителей в Германии

или тратить деньги на поездки в Россию, то, конечно же, я бы выбрала первое.

НЕМЕЦКИЙ ЮРИСТ НАТАША ИВАНОВА

Тебе можно позавидовать, ведь диплом юриста — это не только престиж, но и гарантия обеспеченной жизни. Во всяком случае, здесь, в Германии. О сложности учёбы на этом факультете знаю не понаслышке: моя старшая дочь, как и ты, закончила этот факультет. По статистике, на начало XX века в Германии работали не менее девяносто тысяч юристов. Ещё сто пятьдесят тысяч через несколько лет покинут университетские стены с полноценными дипломами. Вот и получается, что в Германии — перепроизводство этих специалистов. Для того чтобы хоть как-то контролировать этот процесс, и введена сложная учебная программа. Настолько сложная, что госэкзамен выдержают, как правило, всего 30-40 процентов студентов. Страшно подумать, что после стольких лет учёбы можно остаться без профессии...

Для меня эти проблемы, к счастью, уже позади. Не стану скрывать: в годы учёбы на юрфаке у меня да и у многих моих друзей не раз возникало желание бросить юриспруденцию.

И, тем не менее, я получила диплом Мюнхенского университета. Учёба на юрфаке требовала полной отдачи, самодисциплины и силы воли, ведь на протяжении пяти лет учёбы мы практически свободны: на юридическом факультете в конце каждого семестра экзамены не проводятся. За все эти годы студент обязан получить семь «Scheine» — положительные оценки за самостоятельно написанные объёмные работы, без которых он не будет допущен к госэкзамену, и пойти в одной из адвокатских контор трёхмесячную практику.

Между прочим, в Баварии — самый сложный в Германии учебный процесс. Ещё в бытность студенткой Мюнхенского университета ты, Наташа, не раз выступала на волнах радио «Свободы» с рассказами об этих самых трудностях. Но при этом упустила, как мне кажется, главное: профессионализм подготовки немецких юристов...

В стенах юрфака мы получили весьма неплохую подготовку и возможность работать в самом широком спектре юридической профессии. Кто-то найдёт своё место в прокуратуре или адвокатуре, кто-то станет судьёй.

Меня же с самого начала интересовало экономическое право. Уже во время практики я получила первый опыт работы в области международного права. Тогда мне повезло: я попала в совместную американо-французско-немецкую фирму в Штутгарте. Там я близко познакомилась с практической стороной налогового законодательства. Этот опыт очень пригодился мне впоследствии в Москве. Работа в Москве не была моей главной мечтой, хотя я и не исключала, что могу очутиться в российской столице. Я москвичка, и у нас не так уж много специалистов, у которых русский язык родной.

И всё-таки, Наташа, как ты оказалась в Москве?

Случилось это так. Один из наших клиентов решил приватизировать стекольный завод. Он захотел перепрофилировать расположенное недалеко от Петербурга предприятие на выпуск изоляционных материалов. При этом невозможно обойтись без сложной юридической работы: проверки документов, оформления договоров, актов купли-продажи и т. д.

Наша адвокатская контора, открывшаяся в марте 1996 года, являлась родственной структурой крупной аудиторской фирмы «Ernst and Young», занимающей сегодня первое место в так называемой «большой шестёрке». Фирма действовала в Москве несколько лет. Она и выделила нам помещение. Работали мы по американской структуре. Моя официальная должность — менеджер этого отдела.

Московский офис фирмы «Ernst and Young» — это 350 сотрудников: аудиторское, налоговое и юридическое отделения. Я руководила отделом из девяти человек. Мой помощник — коллега из Соединённых Штатов, остальные сотрудники — российские юристы, но с хорошим знанием английского и немецкого языков.

Не участвуя непосредственно в производстве, мы, тем не менее, способствуем улучшению социальной сферы, быта и благополучия россиян. Что касается меня лично, то у меня есть большие шансы для успешной карьеры в будущем.

Значит, своё будущее ты всё-таки увязываешь с Москвой, с Россией?

А почему бы нет? В эмиграцию родители увезли меня совсем ещё ребёнком. Могу твёрдо сказать: в Москве — я у себя дома. Мне здесь нравится, несмотря на то, что, в отличие от иностранцев, я чувствую и вижу гораздо глубже всё происходящее в России: и социальное расслоение, и тяжёлый быт, и моё неприятие московской патриархии, резко изменившейся политической роль церкви, и многое другое. Но главное, пожалуй, в том, что я везде чувствую себя русской: и среди новых и старых друзей,

и среди родственников, связь с которыми никогда не прерывалась. Чувство «русскости» не покидает меня даже на службе, когда мои российские сотрудники относятся ко мне, как к иностранке.

Как истинно русская, горжусь Москвой, её обновленным видом. В день празднования 850-летия столицы была очень горда и за Москву, и за москвичей.

Люблю Россию, но я — не россиянка, ведь это подразумевает гражданство. Нет, я — просто русская!

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Много раз происходят в жизни людей неординарные события. Таким событием для Ирины Крюковой был переезд из Москвы в Прагу: пришлось поменять кафедру Московского университета на пражскую. На этом, однако, «одиссея» бывшей москвички не закончилась: после кровавых событий 68-го Ирина вместе с мужем-немцем, в ту пору чешским журналистом оказалась в Мюнхене, где нашла работу на кафедре славистики местного университета, а её муж — Пётр Бём — на фирме «Сименс».

Пришло время супругам Бём стали пенсионерами. Жили, правда, небогато, в лишних деньгах не купались. Но помнили о тех, кто оказался на задворках жизни, у кого судьба отобрала последнее — о московских стариках. И созданное ими общество «Altenhilfe Moskau» («Помощь престарелым Москвы») отпраздновала уже не один юбилей.

Ниже приводим интервью с супругами Бём.

Пётр Бём: В начале 90-х, приехав в Москву, мы с Ириной были поражены разрухой и бедностью. Складывалось впечатление, что Москва 90-х — это старики с протянутыми за милостыней руками: в метро, на тротуарах, в подземных переходах, в магазинах и церквях. Пенсия в то время составляла в среднем 90 рублей. Обменный курс был 18 рублей за марку. Таким образом, дав бедняку десять марок, мы дарили каждому из них двухмесячную пенсию. Ирина Бём: Вернувшись в Мюнхен, мы получили тридцать благодарственных писем от этих людей. Письма мы перевели на немецкий язык и послали нашим друзьям и знакомым. Так постепенно создался круг людей, понявших и принявших нашу цель — помощь обездоленным Москвы.

Вот это и навело нас на мысль создать и официально зарегистрировать общество, участники которого, занимаясь благотворительностью, могли бы в то же время списывать пожертвованные суммы со своих налогов.

Пётр Бём: Нашей главной целью был конечно же сбор денег для московских бедняков. Но мы были далеко не уверены, что собранные средства попадут к тем, кому они предназначались — к московским беднякам, тем более, что контролировать их распределение из Мюнхена было невозможно. Поэтому следующей нашей задачей стало создание такого же благотворительного общества в самой Москве.

Мы нашли двух энтузиасток, преподавателей медучилища Ирину Збарскую и Азу Парастаеву, которые создали и возглавили первое в России нерелигиозное «Московское общество сестёр милосердия».

На первых порах сёстры милосердия занимались распределением нашего фонда по конкретным адресам. Но довольно быстро мы поняли, что одной материальной поддержки пожилым людям недостаточно, нужна ещё и помощь медицинского и психологического плана.

И тогда мы решаемся на невероятное: создаём первый в России Лицей, призванный давать соответствующую профессиональную подготовку заинтересованным в такого рода деятельности молодым людям. Такие школы уже долгое время существуют в Германии и в других странах Запада. Обучение в них, как правило, двухгодичное.

Анастасия Поверенная: Господин Бём, если бы я не знала, что Вы немец, то обязательно назвала бы Вас «великим фантастом». Но немцы — люди трезвые, крепко стоящие на земле...

Пётр Бём: Создавая Лицей мы нашли оптимальный вариант: нашими студентами стали имеющие большую практику квалифицированные медицинские сёстры. Продолжительность учёбы в Лицее — один год. При этом студенты проходят усиленный курс немецкого языка. Кстати, между Германией и Россией заключён договор о том, что ежегодно в наших странах могут работать по обмену до 2000 специалистов.

Вначале в Лицее обучалось тридцать будущих специалистов. Раньше преподавание велось полностью за наш счёт. Мы оплачивали труд преподавателей и всю административную работу. Со временем, однако, мы перешли на самоокупаемость.

Анастасия Поверенная: Если не секрет, что входит в учебную программу курса?

Пётр Бём: При утверждении плана занятий мы исходили из того, что наши студенты — медики, получившие специальное образование. Поэтому главное направление учебного процесса — психология, психиатрия, проведение бесед с пожилыми людьми, трудотерапия, врачебная терапия и, конечно же, немецкий язык.

Каждая медсестра должна в течение учебного года должна пройти практику — 350 часов по уходу за престарелыми людьми. Школа работала в помещении пансионата для ветеранов труда номер 9 в Тушино на Северо-западе Москвы.

Раньше на сорок пять стариков была всего одна медсестра, а непрерываемым административным авторитетом являлась уборщица. Наш лицей стал заботиться о пожилых людях, забывших, что такое на самом деле одинокая неухоженная старость.

После годичного курса обучения и сдачи экзаменов медсестёр ожидала

полтора годичная стажировка в Мюнхене и Штутгарте, где они работали в домах для престарелых и ежемесячно выплачивали Лицею 180 марок за ранее полученную ими небольшую стипендию и бесплатное обучение. Вот вам наглядный пример делового подхода к решению проблемы.

Ирина Бём: Чем больше мы работали, тем лучше понимали, что это только начало. Когда отпала необходимость содержать Лицей, мы создали «МСС» — «Мобильную социальную службу», которая бесплатно ухаживала за одинокими, не выходящими из дому больными стариками-пенсионерами Щукинского района Москвы непосредственно в их квартирах. Этим людей посещали наши медсёстры и помощницы по дому, занимающиеся уборкой, чисткой, стиркой, закупкой продуктов и приготовлением пищи. Не забыли мы и про парикмахеров. Мы мечтали о том, чтобы старость в России была такой же, как и в Германии, — опрятной, чистой, ухоженной. И счастливой.

Пётр Бём: Вначале в службе работали только девятнадцать сотрудников. Их труд полностью был оплачен. Пусть это поначалу и немного, но зато около ста беспомощных людей получали квалифицированную помощь. Спустя некоторое время от одного из наших спонсоров, попросившего не называть его имени, мы получили 200 тысяч марок. На эти деньги в районе Северного Тушина была открыта ещё одна «Мобильная социальная служба». Однажды к нам обратился супрефект вымирающего пригорода Москвы — Куркино. В Куркино практически не осталось ни детей, ни молодёжи. Здесь жили только ютящиеся в хибарках-развалахах старики. Мы нашли для них трёх медсестёр, которые тут же приступили к работе. Конечно, за наш счёт.

Анастасия Поверенная: Господин Бём, Вы, конечно, знаете русскую поговорку: «Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше». Не боитесь ли Вы того, что некоторые Ваши вчерашние студентки, оказавшись в Баварии, захотят здесь остаться навсегда?

Пётр Бём: Мы — люди наивные, идеалисты, поэтому этот фактор не учли. Конечно, бывают случаи, когда девушки выходят замуж и остаются в Баварии. Бывает и так, что они покидают наше общество, вернувшись на родину, в Москву. Тем не менее, основной «костяк» остался и продолжил работу. Но жаль, если девушки и выбирают в своей жизни иной путь, мы на них не в обиде, ведь за год учёбы каждая из них проработала с нашими стариками сотни часов. Это, согласитесь, не так уже и мало.

Анастасия Поверенная: Мне представилась возможность встретиться и поговорить со студентками Лицея. Мы сидим за чашкой русского чая в

гостеприимной квартире Бёмов. Мои собеседницы — девушки из России, обучающиеся в Лицее Бёмов. Практика девушек подходит к концу, и скоро они возвратятся в Москву.

В бывшем Советском Союзе часто нужно было дать разного рода подписки: о неразглашении тайны, о невыезде и т. д. Если бы господин Бём потребовал что-нибудь в этом роде от вас, стали ли бы вы поступать в Лицей?

Оля Иванова: Вы не поверите, но мы были готовы к таким требованиям и даже их ожидали. Нас до сих пор удивляет позиция общества «Altenhilfe Moskau» в этом вопросе. Что касается меня лично, то я уже соскучилась по дому. И хотя неплохо тут зарабатываю, денег, в отличие от некоторых моих подруг, скопить не удалось. Зато объехала всю Европу и этим очень горжусь.

Анастасия Поверенная: И ещё одна моя собеседница — Лена Платонова.

Лена: Впервые о существовании Лицея я услышала в центральной больнице подмосковного города Калининграда. Поступить было весьма непросто: на каждое место претендовало не менее пяти кандидатов. Кроме этого, надо было сдать отдельный экзамен по немецкому языку. Для этого пришлось целых полгода ходить на платные курсы по изучению немецкого.

Полина Аполлонина: Работа у нас трудная, а зарплата... разная — от трёхсот тысяч рублей и до миллиона. Это зависит и от больницы, и от её профиля.

Даша Викторова: В медицинский институт сейчас практически не поступить: нет таких денег. Когда вернёмся домой и станем работать в «МСС» и зарабатывать станем прилично, и призвание своё найдём.

Анастасия Поверенная: Москва — город стареющий. Людей пенсионного возраста там становится всё больше и больше. И поэтому ваша профессия оказалась в современном городе одной из самых важных. Желаю вам, дорогие сёстры милосердия, чтобы ваши души всегда чувствовали чужую беду и смогли на неё откликнуться.

НАШ МИЛЫЙ ДОКТОР

В гостях у «НАД» — известный мюнхенский врач Елизавета Маргулис. Среди пациентов доктора Маргулис и эмигранты, и переселенцы из бывшего СССР. С нашей гостьей беседует корреспондент «Neues Leben Deutschland» Анастасия Поверенная:

— Елизавета Борисовна, Вы получили медицинское образование в Германии. Какое мнение сложилось у Вас о системе медицинского образования в ФРГ и чем она отличается от преподавания на нашей родине — в бывшем СССР?

— Я приехала в Германию 20 лет назад. Самой большой новостью для меня было то, что при поступлении в любое учебное заведение ФРГ никакой роли не играет состав крови абитуриента, то есть пресловутая «пятая графа». Но зато оказалось, что мой аттестат зрелости со сплошными «пятёрками» является недостаточным для поступления в университет — нужна ещё и «абитура», т. е. аттестат об окончании немецкой гимназии. Кроме того, для поступления на медицинский факультет в «абитуре» необходимы только высокие оценки.

— Профессия врача — это моё призвание. Мои бабушка, отец, тётки — все были профессиональными медиками, и поэтому иного пути я для себя не мыслила. И потому надо было приступить к исполнению своей заветной мечты — стать врачом. Сначала было изучение немецкого, затем — «Studiumcollege», окончание которого, как и «абитура», даёт право на поступление в университет, а при высоких оценках — на медицинский факультет. Кстати, требования к нам были очень высокими.

— Какая разница между образованием «Здесь» и «Там»

— Мне очень трудно ответить на этот вопрос: в Советском Союзе я медицину не изучала. Но, как мне кажется, основные различия в том, что немецкие студенты на протяжении всех шести лет учёбы не проходят никакой специализации. На практике это означает, что они должны знать более-менее «всё». После окончания университета выпускники должны два года отработать в качестве так называемого «Arzt in Praxis». И только после этого, причём при обязательном наличии немецкого гражданства, молодой специалист получает «апробацию», т. е. право лечить больных. Для того чтобы стать «узким специалистом», необходимо отработать в клинике не менее шести лет и успешно сдать соответствующий экзамен. Я хотела стать «общим» врачом, и поэтому некоторое время ра-

ботала в пульмонологической практике, занималась лечением внутренних заболеваний, трудилась в клинике бундесвера. Последнее моё место работы — практика немецкого врача, где я работала как равный партнёр. Именно там я поняла, что если хочу работать самостоятельно, то должна иметь собственную практику.

— В таких случаях принято за определённую плату перенимать практику вместе с пациентами. Денег у меня не было, и поэтому я вынуждена была начинать, что называется, на пустом месте. Если честно, то мне было очень трудно и страшно. Я сняла помещение бывшего бюро, а оборудовать его мне помогли друзья. Теперь работаю у себя и на себя. Вот и вся моя карьера.

— Какое направление в медицине привлекает Вас больше всего?

— Позиции и взгляды в современной медицине отличаются в нынешних условиях крайней полярностью. Одни не боятся химических препаратов, а в антибиотиках видят панацею от всех бед. Мой знакомый врач называет гомеопатию «воробьиной слюной», не имеющей серьёзного значения. Другие, наоборот, избегают применения химических препаратов и антибиотиков и лечат своих пациентов только растительными средствами.

— Что касается меня, то я придерживаюсь «золотой середины» и считаю, что к каждому случаю нужно подходить индивидуально. Есть болезни, которые можно победить только с помощью антибиотиков или других химических препаратов. Для большинства людей эти препараты при правильной дозировке не отражаются на здоровье. Но бывают случаи, когда антибиотики вызывают аллергию и иные неприятные последствия. И тогда нужно искать другие лекарства такого же типа, которые больному не повредят.

— В тех случаях, когда можно обойтись растительными средствами, я охотно их выписываю. Кроме того, я не пренебрегаю гомеопатией и отношусь к ней с большим почтением.

— В последнее время в Германию из бывшего Советского Союза приехало немало врачей. Ощущаете ли Вы профессиональное превосходство по сравнению с квалификацией своих российских коллег?

— Безусловно, ведь у меня иная образовательная школа. Тем не менее, я к ним отношусь с огромным уважением и в то же время с жалостью. Недостаточное знание немецкого языка, абсолютное незнание западной фармакологии, методики диагностики и специальной терапевтической техники и многого другого не могут не затруднять их работу в ФРГ. Один

из самых показательных примеров: пресловутое дуоденальное зондирование при исследовании печени. Здесь оно производится с помощью элементарного анализа крови.

Но самое сложное, пожалуй, в том, что немецкие законы применительно к врачам-иностранцам действуют однозначно: если у них нет немецкого гражданства или гражданства стран Европейского сообщества, они не имеют права работать в больницах городах, например в Мюнхене. Для наших земляков-врачей, приехавших в ФРГ, единственный путь к медицинской деятельности, — получить у правительства земли, где они проживают, по параграфу «10» разрешение на работу в местах, отведённых исключительно для них. Речь идёт только о небольших городах.

— Неужели не бывает исключений? Ведь у каждого человека своя судьба и свои способности и квалификация...

— Исключений нет. Только проработав врачом именно в провинции и получив немецкое гражданство, можно получить «апробацию» и вместе с ней право на работу в больших городах. Кроме того, необходим ещё «Zulassung» — специальный допуск. Но это уже проблема иного плана.

Могу только сказать, что лишь теперь, сравнивая своё положение с ситуацией моих безработных коллег, начала ценить то, что, несмотря на все трудности, которые мне пришлось преодолеть, получила медицинское образование именно здесь, в Германии.

— Я слышала, что врачи из России собираются создать свою ассоциацию...

— Впервые об этом слышу. Что касается помощи моим коллегам из бывшего СССР, то помочь им я могу только одним — поделиться своим опытом работы в Германии. И, к сожалению, больше ничем.

Благодарю вас.

КОГДА ОТПУСКАЕТ БОЛЬ. ЧАСТЬ I.

«Счастье — это чувство свободы от боли». — так говорил Артур Шопенгауэр, точнее перефразируя философа-иррационалиста, можно сказать: «Счастье — это когда отпускает боль».

Кто из нас не испытывал и не прошёл через это! И не зря в старину говаривали: «Боль врача ищет».

Именно поэтому мы решили познакомить наших читателей с мюнхенским врачом, ветераном баварской медицины Муратом Кучкаровичем Ахмедовым.

Доктор Ахмедов полушутя-полусерьёзно называет себя «ровесником Октября». Ему, родившемуся в семнадцатом в Ташкенте в семье узбека и татарки, хорошо известно, почём в жизни фунт лиха. Великую Отечественную военврач капитан Ахмедов встретил в Киеве. Осенью сорок первого попал в плен к немцам. В середине сорок второго вместе с другими «остарбайтерами» был привезён в Мюнхен. До самого конца войны доктор Ахмедов был лагерным врачом, излечивая тела и души своих товарищей по плену.

В конце пятидесятых годов Мурат Кучкарович открывает на одной из мюнхенских улиц собственную практику. Именно в ней и побывала наш корреспондент Анастасия Поверенная.

— Мурат Кучкарович, приходя в Вашу практику, я не перестаю удивляться: это не приёмная врача, а международный, многоязычный центр встреч. Это что — часть лечебного процесса?

— Да, пациенту легче всего объясняться с врачом на его родном языке. Между прочим, я говорю на всех славянских, тюркских и европейских языках. Но не в этом суть дела. Главное — это мой более чем полувековой опыт врачевания и доверие пациентов.

— Современная медицина требует широчайшего объёма знаний и огромного опыта. Если не секрет, ограничиваетесь ли Вы в своей деятельности рамками врача-дерматолога? И ещё: на что чаще всего жалуются ваши больные?

— Профессора Самаркандского мединститута, моей «альма-матер» говорили нам: прежде, чем стать врачом-кожником, необходимо быть хорошим терапевтом. Я лечил не только внутренние заболевания, но был и хирургом, то есть получил достаточно полное представление об основных областях современной медицины. При этом специализировался в дерма-

тологии и долгие годы проработал в кожных клиниках. Я — не только врач-кожник. Ко мне, как к интернисту, и сегодня приходят частные пациенты. И, поверьте, не остаются без квалифицированной врачебной помощи.

Я занимаюсь косметической медициной и лечением венерических заболеваний. Косметическую медицину я практикую исключительно в рамках лечения, оплачиваемого больничными кассами. Что касается лечения венерических заболеваний, то их тоже «покрывают» больничные кассы. Однако многие пациенты предпочитают лечиться у меня приватно. Кстати, женщины обращаются с жалобами на венерические заболевания куда реже, чем представители сильного пола. И если раньше чаще всего диагностировались сифилис и гонорея, то сегодня к ним прибавился СПИД. Бактериально-микробиологическую проверку и лечение я провожу в своём кабинете, но для исследования на СПИД и лечения требуются специализированные лаборатории и больницы.

С середины восьмидесятых годов наблюдается заметная тенденция к снижению венерических заболеваний. Но это — только одна сторона медали. Мне, врачу-дерматологу, совершенно ясно, что кожные заболевания стали болезнью нашей цивилизации. Одна из главных причин — общие сауны, купальни, горячие источники, бассейны и т. д.

— Вы имеете в виду современную экологию?

— Разумеется. Кожные заболевания — это в первую очередь профессиональные болезни, бытовые травмы, нервные заболевания и проблемы наследственного характера. Такие заболевания вообще очень трудно поддаются лечению, если добавить к ним аллергию... Ведь наш организм обладает необычайно высокой чувствительностью к любым изменениям окружающей среды: к наличию в воздухе тяжелых металлов, к выбросу отработанных газов и радиоактивных паров.

Ко мне нередко обращаются больные, пережившие Чернобыль. У них, как правило, полностью нарушены деятельность организма, изменились генофонд, структура крови, психика. Особенно это заметно по детям, страдающим так называемым «Чернобыльским синдромом».

— Мурат Кучкарович, а помните незабываемое: «солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья»? Как относится к солнцу врач-дерматолог Ахмедов?

— Все хорошо в меру. Как специалист-дерматолог, я — враг солнца, хотя солнечный свет вместе с водой и воздухом даёт нам жизнь. Однако мы относимся к солнцу, как злоумышленники. Понаблюдайте, скажем,

за немцами на итальянских пляжах, на которых они проводят свой отпуск от восхода и до заката солнца. Это — самоуничтожение организма. Также категорично я отношусь и к соляриям. Признаю же загар в минимальном объёме, когда он способствует витаминному обмену.

— Но давайте спустимся на грешную Землю. Незадолго до нашей с Вами встречи в Германии была проведена реформа системы здравоохранения. Как она отразилась на Вашем материальном положении?

— Стало меньше «кассовых» пациентов, потому что повысилась доплата за лекарства и препараты. Если, к примеру, лекарство стоит в аптеке 14 марок, а пациент по рецепту обязан заплатить за него 9 марок, то он почти наверняка купит его непосредственно в аптеке за полную стоимость для того, чтобы не терять времени на посещение врача.

Результатом новой реформы стало то, что теперь не оплачиваются инъекции, небольшие косметические операции, эпиляция, перевязки. На пациента мы должны затратить не более 40 марок в квартал. В эту сумму включены и лекарства, и многое другое...

Меня иногда так и подмывает сбежать от всего этого прогресса и цивилизации в старые, добрые чеховские времена, в неспешную, спокойную и размеренную жизнь.

Но это, увы, это лишь грёзы.

— Мурат Кучкарович, спасибо за откровенное интервью. Удачи вам!

КОГДА ОПЛУСКАЕТ БОЛЬ. ЧАСТЬ II.

Счастье — это чувство свободы от боли

Артур Шопенгауэр

Фамилию «Motsiou» перевести на русский или немецкий очень трудно. Видимо, по этой прозаической причине пациентки называют своего гинеколога просто: «доктор Роза». А досталась эта трудная фамилия доктору Розе от ее знаменитого деда — Вангелиса Мороса — македонского грека. В Греции он был известен тем, что отдал всё своё состояние на борьбу с фашизмом и был партизанским командиром, свято веря в коммунистическое «завтра» Греции.

После окончания войны он эмигрировал в СССР. В далёкий путь в страну «победившего социализма» его сопровождали многочисленные единомышленники, соратники и огромное семейство.

Сталин определил им место оседлости — город Ташкент, где Вангелис Морос стал одним из ведущих партийных функционеров. Не будем писать о том, как старый партизан расстался с коммунистическими грёзами, но он сделал самое важное: все его дети и внуки получили хорошее образование. Из этой семьи вышли врачи, писатели, художники, инженеры и антрополог с мировым именем. В конце семидесятых семейство в полном составе репатриировало на родину. Так доктор Роза и её русская мама познакомились с их новой родиной, из которой спустя несколько лет они и эмигрировали в Германию.

В Мюнхене доктор Роза не только трудится по своей врачебной специальности, но и занимается большой общественной работой — явление достаточно уникальное для эмигрантов. В 1996 году впервые в истории Германии к выборам в городские советы были допущены иностранцы, представляющие страны ЕС. Греки, проживающие в мюнхенских районах Ау и Хайдхаузен, избрали доктора Розу своим депутатом на шесть лет.

— Роза Васильевна, был ли у вас до приезда в Германию опыт врача-гинеколога?

— Я закончила Первый медицинский институт имени Сеченова в Москве, который сейчас стал академией. Там же закончила ординатуру по специальности гинеколога, как и мои дядя, тётя и брат. Я проработала около шести лет в одной из гинекологических клиник. Это и был мой первый, «домюнхенский» врачебный опыт.

— Чувствуете ли Вы разницу в работе «Там» и «Здесь»?

— Самым главным в бывшем СССР было то, что все врачи были узкими специалистами. Один, например, занимался только ультразвуковым обследованием, другой вёл поликлинический приём, третий занимался проблемами рака и т. д. Врач в больнице, принимающий роды, понятия не имеет, как работают хирург-гинеколог или эндокринолог. Смешно сейчас вспоминать, но даже гинекологи делились на тех, кто лечит «верх» и кто лечит «низ». Здесь же я — и швец, и жнец, и на дуде игрец.

То есть, здесь я настоящий, полноценный врач-гинеколог, занимающийся всеми женскими проблемами одновременно, включая и оперирование. Но, занимаясь сразу всеми женскими проблемами, я могу еще и сделать выбор: по собственным интересам определить профиль моего кабинета.

— Занимаетесь ли вы, скажем, проблемами бесплодия?

— Да, но до определённого момента. Когда дело доходит до «детей в пробирках», то этим занимаются несколько специальных клиник Мюнхена. Здесь специализация начинается только тогда, когда кончается практическая подготовка врача-гинеколога в полном объёме его специальности.

— Роза Васильевна, я попросила Ваших помощниц показать мне список пациенток, которые сегодня придут к вам на приём. Здесь немки, гречанки, польки, украинки и, конечно, много русских. Если сравнить, например, лечащихся у Вас немки и русских, какая женская половина нации здоровее?

— Ответ естественный — немки. Общеизвестно, последние десять лет в бывшем СССР не существует того здравоохранения, которое действовало до «перестройки» и новой демократической системы. О каком нормальном здравоохранении можно говорить, когда женщина должна приходиться на приём со своей простынёй и резиновыми перчатками, когда в аптеке нет необходимых лекарств, а лечение стоит огромных денег? Это не означает, что у нас там нет врачей.

Они — замечательные диагносты, прекрасные лечащие врачи, но поставлены в условия, будто на территории бывшего СССР идёт гражданская война и царит полная разруха. Только один пример. Когда я начала работать в ординатуре, с нами вместе работала сестра-акушерка старой школы. Ей было уже за семьдесят. Она могла поставить точный диагноз и дать прогноз родов только по внешнему виду входящей в зал роженицы.

Здесь же, в основном, и даже очень часто, врач видит не пациентку, а результаты её диагностических исследований, добросовестно проведённых на ультрасовременных аппаратах.

— Хотят ли русские женщины здесь рожать?

— Здесь — да, но психологически им надо перестраиваться, так как жизнь в России отбила у них охоту иметь детей и быть матерью. Когда я начинала работать в Москве, в клинике за сутки мы принимали около тридцати родов. Теперь я узнала, что количество родов сократилось до шести в сутки.

— Спасибо за беседу.

СУДЬБА АКТРИСЫ

«Встаньте, дети, встаньте в круг...»

С этой незамысловатой песенкой из ставшего классическим фильма «Золушка» выросло не одно поколение детворы в бывшей стране Советов. Лента памятна многим. Но мало кто знает, что озвучивала эту картину солистка Ленгосконцерта Любовь Чернина, которая уже много лет живёт в Мюнхене.

Наш корреспондент Анастасия Поверенная беседует с актрисой в её уютной мюнхенской квартире накануне 85-летия Любви Черниной.

— Любовь Михайловна, как вы стали «поющей» Золушкой?

— Однажды, когда я выступала в ленинградском Театре Эстрады, ко мне за кулисы пришли администраторы Ленфильма, вручили ноты трёх песен из фильма «Золушка» и попросили приехать на следующий день на пробы. Фильм, уже отснятый и обошедшийся в «круглую» сумму, не мог попасть в прокат только потому, что съёмочная группа никак не могла подобрать певицу.

И вот я — в студии. Главный дирижёр симфонического оркестра Курт Захдерлинг взмахивает палочкой, и я начинаю петь.

Дебют был удачным. Мой голос понравился. Он был созвучен голосу Янины Жеймо, талантливой исполнительницы роли Золушки.

Эта проба и стала моей первой работой на Ленфильме.

— От одарённой девочки Кардашенко и до профессиональной певицы Любви Черниной... Любовь Михайловна, как складывалась Ваша творческая карьера, где и у кого Вы учились?

— Родилась в солнечном Баку. Но солнечного детства не получилось: мама умерла, когда мне было пять, а брату — четыре. Отец увёз нас, сирот, в Белоруссию и оставил на попечение сестры, у которой своих было хоть отбавляй — одиннадцать детей! Оставив нас на тётку, принялся строить «новый рай на земле». Чуть позже обзавёлся новой семьёй. У его жены и своих сирот хватало: растила она не только собственных детей, но и братьев и сестёр. Потом появились у отца с мачехой и общие дети — наши сводные брат и сестра. Но недолго продолжалась эта жизнь. Отца, как и многих других в те страшные годы, проглотила сталинская «мясорубка». Остались мы на мачеху...

С тех пор, как помню себя, мечтала стать артисткой. И эта мечта согревала моё неприкаянное, не облаканное и полуголодное детство. Нам с братом повезло: мы жили в Минске, городе, уже в то время известном своими театральными традициями.

Однажды, когда я шла по улице, ко мне подошёл незнакомый молодой человек.

— Девочка, хочешь стать артисткой?

— А я уже артистка!

Тогда приходи завтра на репетицию «Утро в цирке». Ты будешь играть девочку-сиротку.

Режиссёр был потрясён: я пела, танцевала, делала «шпагат», кульбиты. А когда на меня надели голубую марлеву «пачку», а на голову — серебристые звёздочки, я почувствовала себя настоящей актрисой. Играла искренне и трогательно, вызывая слёзы сострадания у моих первых зрителей.

После этих спектаклей в Минске заговорили о талантливой юной актрисе Любе Кардашенко.

Но до настоящей сцены было ещё далеко. Сначала пришлось поучиться в ФЗО — в школе фабрично-заводского обучения — в столярном цехе минского вагоноремонтного завода. Надо ведь было зарабатывать на жизнь! Но, повредив руку, покинула завод. И здесь снова мне улыбнулась судьба. Как-то на глаза попала афиша: на радио требуются дикторы.

Я не пошла, а побежала на этот конкурс. И выиграла его, обойдя двести соперников!

Работала самозабвенно: помогали природная память и чувство музыкальности. Меня заметили. Благодаря радиофоничности голоса и упорству, я без особого труда победила в конкурсе на должность ведущей актрисы детской редакции.

Не счастье, сколько детских ролей сыграла я в радиоспектаклях, а вот постановку, в которой исполняла роль маленького Ленина, запомнила на всю жизнь — такие тогда были времена. Появились и первые ученики, и начали предлагать работу в театрах.

Но вот влюбилась, вышла замуж и уехала — вначале в Киев, а затем, в конце тридцатых, в Ленинград.

Мне, уже Любови Черниной, засчитывают два курса техникума и я поступаю в консерваторию, продолжая работать на радио.

Первые годы я занималась у выдающегося педагога, профессора Елены Александровны Муравьёвой. Кстати, профессор Муравьёва одной из первых была удостоена звания «Заслуженный деятель искусств».

Её учениками были Иван Семёнович Козловский, Зоя Гайдай и многие другие знаменитые исполнители. В консерватории мы постигали все тайны вокальной школы. В концертных залах Киева нам удалось услышать великих

музыкантов: меццо-сопрано Марианну Андерсен, пианиста Эгона Петри, скрипача Жака Тибо, гитариста Андре Сеговия...

— У всех у нас свои особенные даты и события. Пятилетним ребёнком я встретила свой первый праздник — освобождение Смоленщины. И сейчас, в Германии, я, наверное, единственная, кто помнит и отмечает эту дату.

Вот и ленинградцы отметили недавно очередную годовщину снятия блокады вокруг родного города..

Любовь Михайловна, Вы — довоенная ленинградка. Помните ли Вы блокадный Ленинград?

— Нет, я вернулась в Ленинград сразу после прорыва блокады. Вернулась одна, с ребёнком на руках, муж воевал на Ленинградском фронте. В городе уже работал транспорт, но плохо было с водой, отоплением, электроэнергией и, конечно, с едой.

Мы шли пешком от Московского вокзала до Новокаменного моста и плакали от счастья, что вернулись домой. А через два дня вместе с другими ленинградцами копала противотанковые рвы: война продолжалась, и угроза городу всё ещё не была снята.

Но мне так хотелось петь! И вот с большими трудностями и после сложного просмотра я получила место солистки-певицы Ленгосэстрады. Это был звездный час всей моей жизни!

У меня — колоратурное сопрано, и поэтому я исполняла классику, арии из оперетт, очень любимые мной старинные русские романсы. Выступила с оркестром Минха, с Коганом, Дунаевским, работала с театром Аркадия Райкина, со Смирновым-Сокольским, Любовью Орловой, участвовала в интермедиях Шурова и Рыкунина. Так что мне грех роптать на судьбу!

— Вы уже почти двадцать лет живёте в Германии. Как проходит и чем наполнена Ваша жизнь в этой стране?

— Артистка, даже если она и на пенсии, продолжает жить искусством. В Германии я успела дать четыре концерта. Особенно успешным был концерт старинного русского романса, который я дала в двухтысячном Glockensaal Бремена. Пресса настолько высоко оценила моё исполнение, что даже неудобно было читать.

Иногда вспоминают обо мне и на Родине. Приезжают ко мне люди из Москвы, Петербурга, берут интервью. Два года назад было моё выступление на ОРТ и на радио в Петербурге. Недавно писал обо мне и питерский журнал «Будни». Что касается моей повседневной жизни... Много читаю, смотрю немецкое и российское телевидение. До последнего времени у меня был абонемент в мюнхенскую филармонию.

Не пропустила ни одного фестиваля, на которых демонстрировались советские и российские фильмы, была на всех декадах российских театров в Мюнхене. Кстати, мне очень понравилась «Новая русская опера».

Но, главное, сбылась моя «хрустальная» мечта: появилась возможность путешествовать. Я посетила лучшие музеи Парижа, Вены, Швейцарии. Но наиболее глубокое переживания связаны у меня с самой «певучей» страной — с Италией. Чего стоит один только Венецианский карнавал! Жаль, что моя эмиграция прошла в Германии, а не в Италии.

— Вы стали дважды прабабушкой, но Вас даже бабушкой не назовёшь: настолько молодо Вы выглядите! Что Вам помогает оставаться Дамой?

— Рецепт прост: самодисциплина и вера в Бога.

«МИТЬКИ» В МЮНХЕНЕ

Экспериментальное товарищество ленинградских художников «Митьки» занимает особое место в российском «андеграунде». За годы своего существования выставки «митьков» увидели граждане самых разных континентов — от Европы до Южной Америки. Некоторые работы «митьков» представлены в коллекциях Русского музея в Санкт-Петербурге и в знаменитой коллекции Доджа в Соединённых Штатах.

Отрадно, что в престижных галереях Мюнхена прошла выставка работ ведущих художников группы «митьки» Дмитрия Шагина, Владимира Шинкарева, Ольги и Александра Флоренских.

С ними беседует наш собственный корреспондент Анастасия Поверенная.

Мой собеседник — Александр Виноградов, в недавнем прошлом — ленинградский филолог, а ныне — студент искусствоведческого факультета мюнхенского университета.

— Саша, до того, как стать студентом в Германии, Вы окончили факультет иностранных языков института имени Герцена и были знакомы со многими художниками ленинградского «андеграунда» и, видимо, по этой причине у вас и возникла идея провести выставку «митьков»?

— Не совсем так. Мы делаем выставки с ноября 1993 года. Автор идеи — Лоренс Клоск, режиссёр-документалист, человек, влюблённый в Россию, хорошо её знает и говорит по-русски. Кстати, русский он специально выучил для того, чтобы снять в Петербурге свой дипломный фильм.

Именно ему и пришла в голову идея организовать выставку на квартире — похожую на те, что проводились в бывшем СССР, когда неофициальное искусство находилось в загоне. Первая же выставка прошла с большим успехом. С тех пор это стало традицией.

В своё время мы очень рассчитывали на выставку работ еврейского художника Бориса Борща. Но городские власти особого интереса к ней не проявили, мотивируя свою позицию тем, что это была наша частная инициатива.

В Карлсруэ на декаде петербургского искусства я встретился с моими старыми знакомыми, с группой «Митьки», и мы решили провести выставку четырёх ведущих художников — «митьковцев» в Мюнхене.

Идею проведения такой выставки поддержала известная в Мюнхене владелица галереи госпожа Риек. Была разработана концепция вернисажа, и мы вновь решили обратиться к городским властям. И вновь получили отказ, несмотря на поддержку бургомистра Мюнхена господина Уде. Причина была всё той же: у нас не было статуса официально зарегистрированного общества.

И, тем не менее, выставка состоялась и пользовалась шумным успехом. После этого мы решили выставить работы «митьков» в Вене.

— Саша, чем Вы, как будущий искусствовед, объясните такую притягательность искусства «митьков»?

— Прежде всего в том, что «Митьки» продолжают традиции русского «авангарда» начала века: Ларионова, Гончаровой, Лентулова и других. Основа их творческого стиля — в художественной переработке русского народного искусства лубка и иконописи.

Стиль «митьков» может быть серьезным, шутливым, может носить лубочный характер. Но главное, пожалуй, в том, что оно — по-настоящему доброе.

Ольга Флоренская работает в чётком, почти графическом стиле. Её отличие — юмор и глубокое чувство фантазии.

Александр, её муж, — яркий коллажист, смело работающий с краской и не боящийся неожиданных контрастов.

Манеру Дмитрия Шагина отличает детальная проработка сюжетов. Работы Шинкарёва психологичны и лиричны, например, картины «Коровушка заблудилась» или «Кот объелся и лежит в цветах».

Но независимо от манеры письма всех «митьков» отличает высокий профессионализм и, если хотите, по-детски непосредственное восприятие мира. Они не ограничивают себя каким-то одним направлением. Их ин-

тересует и литературный жанр, и кино, и мультипликация, и книжная графика. Многие «Митьки» играют в кино, на сцене, поют, максимально приближаясь в своем творчестве к русскому национальному фольклору.

И в этом — особое, неповторимое лицо этой достаточно необычной группы художников, известной под названием «Митьки».

Часть III. ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ

ИЗ ВЕНТЕРСКОЙ ГЛУБИНКИ

Прошедшую жизнь можно измерить годами, можно потерянными или ушедшими навсегда друзьями, а можно географически: училась на Москве-реке, работала и растила детей на Неве в Ленинграде, потом был западный Берлин на реке Шпрее. С конца 80-х и все 90-е делила свою жизнь между Мюнхеном на Изаре и венгерской глубинкой на самом голубом Дунае.

Мне, прожившей на Востоке сорок лет при самом развитом социализме, очень было интересно наблюдать жизнь моей новой страны, где столкнулись, как говорилось на партийном пропагандистском языке, два мира, две системы.

И действительно, Венгрия напоминала в те времена живой человеческий организм, где голова и сердце рвутся на Запад, а руки и ноги не пускают, увязли в социализме. И жизнь в стране не одинаковая. Я жила в пограничном с Австрией богатом и дорогим районе — курортная зона, горячие источники, иностранных туристов больше, чем местных жителей, а такое количество зубопротезных кабинетов и магазинов оптики, пожалуй, не встретишь ни в одной стране мира. На юге страны жизнь намного дешевле, но настолько же и беднее.

Будапешт среди венгерских городов стоит особняком. Он, как и Москва, государство в государстве. Чего здесь только нет (как пелось в

советских шлягерах). Именно в Будапеште производится почти половина промышленной продукции всей страны; это богатейший и красивейший город с музеями, театрами, со знаменитыми на весь мир банями. Тут хватает места и высокой моде, и роскошным отелям, и фешенебельным ресторанам. В Будапеште кипит и ночная жизнь: бары, дискотеки, казино. Здесь процветает «интеллектуальная» преступность, зачастую связанная с русскими и украинскими гражданами, пытающимися в легальных и нелегальных сделках «отмыть» завезенные из-за границы деньги. Отмывание денег, секс-бизнес (в мое время в столице Венгрии было около 4-5 тысяч проституток и все они находились под контролем преступных группировок), наркотики, 40-50% нефтяного рынка Венгрии — все это было сосредоточено в руках преступного мира.

Оживилась в эти же годы торговля оружием и взрывчаткой. Так что начальнику полиции Будапешта генералу Оттиле Берту и его подчиненным приходилось много работать, чтобы «любимый город мог спать спокойно».

Кроме Будапешта, в Венгрии есть ещё пять не очень крупных городов, а вся остальная страна — провинция и глубинка.

Я не политик и не эксперт в области экономики, но если сравнить два бывших социалистических государства — Чехословакию и Венгрию (конца 80-х и начала 90-х), то сразу бросалось в глаза, какими разными путями шли эти страны после распада Варшавского пакта и структур экономического сотрудничества в рамках бывшего СЭВа. Чехи, как мне тогда казалось, сразу захотели жить хорошо. Прага высоко подняла шкалу чешской кроны, распродала свои лучшие предприятия западным инвесторам, удвоила зарплату рабочим и служащим.

И потекли на Запад чешские кроны из карманов местных туристов, искусственно поднялся жизненный уровень населения, увеличилась покупательская способность. Люди на Западе, имеющие капитал, стали покупать чешские акции и ценные бумаги, но через всего несколько лет специалисты, бизнесмены и особенно держатели акций вдруг почувствовали, что с кроной творится что-то неладное. И случилось то, что и должно было случиться: Национальный банк Чехии девальвировал крону по отношению к иностранной валюте и премьер-министр страны Вацлав Клаус в те тяжелые дни заявил, что против Чехии «играет» международный финансовый рынок. По его словам, борьба с этим рынком стоила бы слишком дорого, и посему Прага вынуждена была пойти на этот крайний шаг.

И лишь значительно позже многие поняли, что всему виной была неудачная экономическая политика и что долго жить в долг нельзя.

Венгрия пошла по противоположному пути — по сознательному сокращению жизненного уровня. Многие венгры недобрым словом упоминают министра финансов тех лет господина Бокроша и его «НЭП» — жёсткую, строгую, как писали американские эксперты, «austerity program», которая, в первую очередь, предусматривает сокращение расходов, во-вторых, — сокращение социальных льгот и пособий, что негативно сказалось на каждой венгерской семье. Главное, болеть стало дорого, так как на больничное страхование стало теперь уходить до 40 % зарплаты, а многие другие формы медицинского обслуживания стали платными.

В результате многие семьи лишились специальных доплат (типа немецких Kindergeld). Кстати, в те трудные времена минимальная пенсия в Венгрии была 12500-14000 форинтов (120-140 DM). Такую пенсию получала, например, моя цветочница. Не займись она разведением и продажей цветов, жить ей было бы очень нелегко. Не знаю точно, связана ли напрямую с программой Бокшича проблема отпусков, но моим соседям проводить отпуск в родном Отечестве стало дороже, чем в соседней Словакии или Греции, так как Балатон полностью оккупировали туристы с Запада.

Но это, правда, не для всех. Как есть «новые русские», так быстро появились здесь и «новые венгры», которым по карману стало все: и Балатон, и Лас-Вегас. Они стали скупать шикарные дачи и виллы. Они справляли пышные свадьбы. Часто в Будапеште можно было встретить их торжественные эскорты — на белых «линкольнах», украшенных живыми цветами и воздушными шарами. Необязательным делом стало учить своих детей за границей. Появилась возможность, не покидая столицу, получить дипломы иностранных специалистов. Например, Британская международная школа стала готовить венгерских старшеклассников по программе GCSE и выдавать аттестаты International Baccalaureate (международных бакалавров). Также можно было получить, имея деньги, и высшее европейское образование. К их услугам «Western Maryland College», где образование велось на английском языке на факультетах бизнеса — ведения коммерческих дел, экономики, политики и т. д. Но таких людей в процентном отношении в Венгрии было немного.

Так как же всё-таки умудрялись нормально жить, несмотря на массивное налогообложение, мои новые земляки?

Сужу по своей деревне. Всё работоспособное население, особенно квалифицированные специалисты, уходят из села, направляясь на промыслы в Австрию, Германию, Швейцарию и даже в страны севера Европы. Дома они — гости, но зато семья имеет валюту. Другая часть населения пытается найти работу в новых, только что созданных на территории Венгрии западных фирмах — заработки здесь значительно выше, чем на государственных предприятиях. Многие обрабатывают собственные земельные участки. Наш сосед и бургомистр г-н Франк, к примеру, имеет семь гектаров пахоты, которую ежегодно засекает кукурузой — отличный корм для его частной свинофермы. Выращивание свиней (а их в каждом доме от пяти до двадцати) и их продажа государству — тоже один из источников семейного дохода. Развито и не забыто традиционное ремесло — работа на дому, особенно у женщин: шьют, вышивают, вяжут, передают из поколения в поколение искусство венгерских мастериц. И, конечно, очень много времени и труда отдают работе в саду и на огороде. Мне кажется, что живут они пока беднее, чем, скажем, баварцы. Медленно обновляется их личный автомобильный парк, и поэтому местный люд с уважением относится к велосипеду: на нём мои сельчане перевозят огромные мешки с кормом для скота и баллоны с нефтью и газом, на велосипеде едут они за покупками, а многие и на работу. Здесь женщины не носят натуральные меха и ходят в дешевой обуви. Но зайдите в любой дом, точнее, в их подвальное помещение, и вас поразят запасы крестьян: соленья, варенья, домашние колбасы, окорока, целые морозильные камеры умело разделанного мяса. И, конечно, почти в каждом доме — вино собственного изготовления. Венгры не только умеют делать вино, но и умеют его пить. Пьяных здесь не увидите, пьют для здоровья, отдыха и в меру: или у себя дома, или в так называемых «буфетах», открытых до самой полуночи.

Мне нравится в них бывать. Пьют в «буфетах» не только вино и пиво, но и минеральную воду, соки, конечно, кока-колу и пепси и невозможно крепкий кофе, который даже итальянцы не пьют. Главное на этих посиделках — общение и общее времяпрепровождение за игрой в шахматы, шашки, карты, нарды. И гости, и хозяйка всегда рады новым посетителям.

Их гостеприимство я ценю очень высоко, потому что оно для меня означает многое — мою адаптацию. Мне кажется, что это слово было придумано только для животного мира и для бывших советских людей. На моей улице живут швейцарец, австриец, рядом со мной живет мой

гражданский муж — немец, который продал свою фирму в Германии и строит завод пневматики в нашей деревне. Кто-то, как швейцарец и австриец, отдыхает на пенсии, кто-то работает, т.е. нормально живут. Я же адаптируюсь, ищу гармонию своих отношений с новым для меня окружением: для меня важно, как я привыкаю к людям и как они ко мне. Видимо, моего эмигрантского опыта в Германии для Венгрии было недостаточно, потому и началось все с недопонимания: «А зачем русская такой высокий забор вокруг дома построила? Зачем такой огромный земельный участок травой и цветами засеяла — на нем для половины деревни можно было бы овощей вырастить?...»

И я учусь. Забор не переделаешь, но ворота его и двери моего дома всегда открыты. Ко мне заходят соседи, как и принято в деревне, без «термина». А в саду уже не только цветы — растут фруктовые деревья, заложен виноградник, растут помидоры, салат, паприка и травы для кухни. Теперь и я своя для односельчан, в любой сад и огород могу зайти за овощами и фруктами даже в отсутствие хозяина. Подкупает меня в этих людях удивительная общность с российской провинцией. Люди, работающие на земле, мало ценят свой труд: «Бери, это же все свое, не покупное, это ничего не стоит». И так трудно порой бывало оставить им деньги!

Сельская интеллигенция живет, как и везде, трудно. Что отличает ее в первую очередь от российской? Знание иностранных языков: немецкого, французского, английского, итальянского и даже русского.

Что объединяет? Отношение к воспитанию детей, забота об их будущем. С самого раннего детства родители ведут детей в музыкальную, балетную, спортивную, художественную и другие школы. На изучение иностранных языков тратится больше всего денег и внимания: ежегодно отдел народного образования проводит специальный экзамен (вне школьной программы) среди старшеклассников на знание иностранных языков. Успешно сдавший этот экзамен школьник получает шанс поступить в престижный ВУЗ.

Венгерскую деревню нельзя представить себе без церкви и священника. Именно духовный пастырь во многом определяет духовную жизнь местного общества. Честно говоря, наша деревенская церковь, где я жила, чем-то напоминает сельский российский клуб: там всегда полно людей, ведутся оживленные дискуссии, обсуждаются последние события местного и мирового масштаба. Интересно, что во время проповеди и обрядов священнику прислуживают как мальчики, так и юные представительницы «слабого» пола.

Кстати, священник учит детей не только протоколу богослужения, но и в первую очередь прививает им высокую общественную мораль, учит глубокому уважению и почитанию старших, умению заботиться о больных и слабых. Готовит батюшка детей и к обряду конфирмации, и к рождественским «колядкам» — самому веселому в венгерской деревне празднику.

Но больше всего школа и церковь заботятся о том, чтобы привить подрастающему поколению чувства любви и уважения к истории и культуре венгров. Достаточно посетить любой из бесчисленных деревенских музеев, чтобы убедиться в неподдельном патриотизме моих односельчан.

Именно этим чувством и руководствуются венгры, решая важнейший для общества вопрос о возможном вступлении Венгрии в НАТО. С радостью в то время я читала заявление Генерального секретаря НАТО Хавьера Соланы о том, что Чехия, Польша и Венгрия получают приглашение в Североатлантический оборонительный союз. По словам госсекретаря МИДа Венгрии Матяша Эрш, все представленные в парламенте партии поддержали будущее членство Венгрии в НАТО. Последнее слово будет за референдумом. И только после того как венгерский народ скажет «да», правительство сможет материализовать идею, вызывающую скрежет зубов у некоторых бывших собратьев Венгрии по Варшавскому договору.

Определенные разногласия по этому поводу существовали в те годы и внутри венгерского общества. Выразительницей негативных взглядов стала, например, «Общественная коалиция за человеко-центристскую политику», которая проводила в центре Будапешта несколько демонстраций и манифестаций протеста и направляла президенту России обращение со словами о том, что не все венгры выступают, как подчеркивалось в документе, «за отказ от полного суверенитета страны».

С просьбой прокомментировать эти выступления я обратилась к господину Борису Эгри, профессору Аграрного университета города Мошонмодеровар.

И прошлое, и история венгерского народа учат, что такой стране как Венгрия жизненно необходимо иметь постоянных союзников, — сказал господин Эгри. — Сто пятьдесят лет мы жили под пятой Османской империи. Затем двести пятьдесят лет венгры кормили династию Габсбургов. Спорить не буду, эта династия многое сделала для моей страны в области культуры, образования, в экономике, не дав нам, однако, главного — независимости. Не дала нам этой самой независимости и Венгерская Советская республика, просуществовавшая в девятнадцатом году 133 дня.

А потом была бесконечная смена политических «декораций», когда правительства приходили и уходили, словно курьерские поезда. Венгрия попадала в политическую и экономическую зависимость от США и Франции, от Англии и Германии. Особенно сильно мы почувствовали, что такое кабала, после прихода к власти в Германии Адольфа Гитлера. Хорошо известно, что моей стране принесла политика германского фюрера.

Ну, а после Второй мировой войны к нам пришли «великие братья», принесли на штыках строй, сломавший души и жизни нескольких поколений венгров...

И самое для меня непонятное, как за такой сравнительно короткий исторический срок советская система сумела привить венграм то, чего не удалось за столетия сделать ни туркам, ни Габсбургам — особую, непонятную остальному миру советскую ментальность. В результате, освободившись, наконец, от объятий социалистического «братства», мы все еще остаемся внутренне несвободными.

Тем не менее, мы получили свободу. А вместе с ней — и право выбора. Сегодня Венгрия должна решить: оставаться ей нейтральной страной или вступить в НАТО.

Я говорю от своего имени, но убежден, что меня поддержат и другие мои соотечественники: наша страна должна решиться на вступление в НАТО на правах равного партнерства, хотя этот шаг наверняка очень дорого обойдется Венгрии. Но рядом с сильными партнерами и мы станем сильнее, обретем большую веру в свои способности и станем более уверенными.

Не могу не согласиться с мнением ученого человека, который работает в том самом университете, который 150 лет тому назад основали Габсбург. Ведь и мне, и миллионам жителей это страны хочется верить, что самое тяжелое уже позади. И что моему соседу господину Франку не надо будет искать дополнительный заработок для того, чтобы прокормить семью. И что мои соседи в венгерской глубинке обретут, наконец, самое главное — внутреннюю свободу и уверенность в завтрашнем дне.

О СЛАВЕ, ДЕНЬГАХ И ЧУЖОЙ ЗЕМЛЕ,

или интервью на мюнхенской кухне с эмигрантами из бывшего СССР

Русская эмиграция вливалась в чужой мир мощными, абсолютно непохожими друг на друга волнами. Тревожная, беспокойная, но глубоко духовная и деятельная — первая, послереволюционная, бежавшая от ужасов большевизма и надеявшаяся найти в далёких краях относительный покой и хотя бы кусочек своей, навсегда потерянной России.

Вторая, послевоенная волна «бывших» вобрала в себя тех, кому удалось пережить мясорубку Второй мировой. Это были разнородные по своей судьбе, но готовые на любые трудности, работоспособные и много видевшие люди.

Трудная, сложная, не сразу понятая в своей стране, третья — политическая, диссидентская эмиграция. И, наконец, четвёртая, пятая, шестая волны, накатывавшиеся на «дальнее» зарубежье без особых для себя риска и потрясений.

Я — из третьей. Многие из нас за выезд на Запад заплатили: кто домашним арестом, кто годами отказа, а кто и тюремной камерой.

Почти для всех нас эмиграция началась ещё дома, в родной стране: от нас отказались родные, отвернулись, предав нас, ещё недавно верные друзья, перестали здороваться соседи. И никто из нас не знал, как сложится его судьба там, за «бутром».

В отличие от своих предшественников, нынешние эмигранты знают, куда едут и что их ждёт на месте будущего проживания. Они могут посетить Германию и, что называется, «примериться» к будущей жизни. И только взвесив все «за» и «против», наш земляк примет это радикальное и далеко не самое лёгкое решение. Нас, старых эмигрантов, Германия встречала с холодной вежливостью. Нынешних — ласково и щедро. Оплачивается каждый шаг, сравнительно быстро и без особой бюрократической канители предоставляются курсы немецкого языка и квартиры. Но это не всё. Эмигранты моей поры и мечтать не могли о том, что за ними будут сохраняться в России квартиры, дома, дачи, право на получение пенсии. Мы покидали свою родину навсегда, отрезав все концы и оставив все надежды на возвращение. Нынешняя эмиграция находится в иной весовой «категории», у неё иные приоритеты.

И, тем не менее, у русских эмигрантов есть черта, объединяющая представителей всех волн и эпох: от нас отказалось родное Отечество. О

родных напоминают только наши эмигрантские кухни — эти своеобразные островки ушедшей в прошлое жизни.

Именно на кухне в моей мюнхенской квартире я и беру интервью у трёх «свежих» эмигрантов, моих новых друзей, для которых Германия стала новой родиной. Они очень разные, мои собеседники из бывшего СССР. Впрочем, судите сами...

Ирена Лейна:

«Идеи — это уже капитал!»

И.Л.: Судьба, как мне кажется, вещь заданная изначально и цельная как шар. Поэтому к ней и относиться надо как к таковой. И это отношение к судьбе всё время держат меня в тонусе, не позволяет ныть.

В моих ощущениях прошлого нет, оно включено в сегодняшний день. Между прочим, недавно я с удивлением узнала, что это — часть буддийской философии. Для меня, видимо, всё это ещё и семейное: мой отец, пройдя Освенцим, наперекор всем испытаниям, выжил.

А.П.: Однако давай вернёмся в прошлое. Как случилось, что у тебя, человека с определённым положением в обществе, уважаемого, знающего себе цену, не было самого элементарного — жилья?

И.Л.: Я выросла в «аристократической» рижской семье. Но в Риге не осталась, решив поехать учиться в Москву. При этом, наверное в знак протеста, выбрала, как мне тогда казалось самый «плебейский» институт — геологический. После распределения попала в Среднюю Азию. Там прожила восемнадцать лет — чем не эмиграция? Война в Таджикистане поставила на той жизни точку и, как следствие, возвращение в Москву.

Что уготовила нам любимая столица? В Кремле тогда сидел Горбачёв. Законы пеклись ежедневно, словно блины. Всё было дозволено и всем было весело. Тем не менее жить официально в Москве мы не могли: не было денег на покупку квартиры или коттеджа. Так что мы так и не сумели поменять статус «интеллигентного клошара» на положение «нового русского». Магическое слово «прописка» продолжало главенствовать над правами, гарантированными Конституцией. Объяснять всё это немцам, поверьте, очень нелегко...

А.П.: А что, с работой? Неужели так и не удалось подыскать в столице что-нибудь приличное?

И.Л.: Да нет, работа была. Да и трудились мы много и с удовольствием. И не без успеха, как мне тогда казалось. Мои друзья задумали создать собственный, свободный от министерских комиссий театр и пригласили меня.

А.П.: Не поняла, геолога пригласили работать на театральной сцене?

И.Л.: Судьба! На самом деле, я давно уже не была геологом, хотя горы — это восхитительное зрелище и я их никогда не разлюблю. Но к 89-му я уже была достаточно известной в Таджикистане журналисткой: много писала, вела передачи на телевидении. Да ещё занималась организацией концертов, фестивалей, дружила с известными московскими бардами. Так что Москва была для меня родным домом. Вот только приткнуться там было негде: за пять лет сменила десять «койко-мест».

А.П.: Получается, что эмиграция стала для тебя осознанной жизненной необходимостью?

И.Л.: Да. Но особенно меня подтолкнула к этому шагу возможность дать детям качественное образование и нормальную жизнь.

А.П.: А как же ощущения, с которых мы начинали наш разговор? Ведь Германия — страна не простая. Но самое трудное в этой стране для нас, эмигрантов, безработица. Людям, которые приехали сюда пятидесятилетними и постарше, да ещё с определёнными претензиями в сочетании с незнанием немецкого языка, уже не грозят «руководящие посты», карьера и власть. Прости за прозу, но согласна ли ты, например, мыть полы?

И.Л.: Согласна, но не буду. Потому что горбачёвское время в Москве, каким бы разрушительным оно не было для нашей страны в целом, дало каждому из нас потрясающую школу. Мне теперь ясно, что, если у человека есть идеи, голод ему не угрожает. Их только надо подогреть энергией, добавить терпения и щепотку связей. Этот рецепт я получила от своей бабушки.

Вот этим я сейчас и занимаюсь. Дело, которое я задумала, просто обязано здесь «пойти», потому что идеи — это «вечный двигатель», связывающий представителей разных культур и разных народов. Фестиваль «Русский сезон», прошедший в Мюнхене зимой 97-го, был нашей первой попыткой.

А.П.: И, наконец, последний и самый «избитый» вопрос: твои планы на будущее?

И.Л.: Смешно признаться, но, набросав на бумаге проект будущего фестиваля, я поняла, что получилась мюнхенская областная филармония. С одной только разницей, что уровень профессионализма наших будущих партнёров — ансамблей, оркестров, театров — будем задавать мы, зрители и организаторы. И никто другой! Настоящим открытием для нас стал интерес немецких коллективов к возможности быть приглашёнными в Россию. Так что, глядишь, и мы станем работодателями!

«В ПОИСКАХ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА»

И ещё одно интервью, взятое на мюнхенской кухне.

Мой собеседник — Лев Шахов, бывший москвич, ныне — житель баварской столицы.

А.П.: Я верю в философскую мудрость Востока. Известная китайская истина гласит: «Как бы ни длинна была дорога, всё начинается с первого шага».

Лев, ваша дорога в Германию была не совсем обычной — сюда, в Мюнхен, Вы попали из Южной Америки, где занимали престижный пост сотрудника российского посольства в Перу. И вот сейчас вы — самый обычный иммигрант, проживающий в ФРГ в статусе беженца...

Лев Шахов: Вы — поклонница восточных мудростей, а я, например, обожаю одесский юмор. К эмиграции меня, как в том одесском анекдоте, подтолкнуло элементарное любопытство, интерес к неведомому будущему.

На жаргоне «зеков» и «зоны» переезд в Германию был моей четвёртой «ходкой». До эмиграции мне пришлось пожить в качестве советского заграничника в Румынии, Аргентине и, наконец, в Перу, где я работал в российском посольстве. Надеюсь, что Германия — мой последний маршрут, хотя на первый взгляд и может показаться, что, променяв социальный статус чиновника на положение беженца, я здорово проиграл.

Честно говоря, меня этот поворот в судьбе ничуть не огорчает. И не собираюсь я тут, в Германии, сидеть сиднем словно былинный богатырь Илья Муромец, тем более, что мне давно уже не тридцать три...

А.П.: И всё-таки, как и почему работник российского посольства решился на эмиграцию?

Лев Шахов: В Москве я выписывал «Иностранец» — издание, имевшее удивительный подзаголовок: «Газета для тех, кто хочет уехать навсегда, для тех, кто хочет уехать на время, и для тех, кто не хочет уезжать вообще». В начале 94-го в «Иностранце» промелькнуло сообщение, что Германия продолжает принимать евреев. Я уже давно подумывал об эмиграции и решил этот случай не упускать. И вот мы с женой подаём в немецкое посольство заявление, после чего уезжаем на работу в Перу, не очень веря в положительный результат.

Приехав в Лиму, я понял: работать дальше не было смысла ни в плане карьеры, ни в смысле заработка. Посольство практически не финанси-

ровалось, зарплату часто выплачивали только в половинном объёме. Наплаженная когда-то инфраструктура советских посольств стала рассыпаться на глазах. Денег не было даже на элементарное: на оплату ремонта, охраны и обслуживания жилого и административного фонда. Часто доходило до того, что нечем было оплачивать счета за свет и воду.

В бывшем Советском Союзе считалось, что все служащие за рубежом по крайней мере хорошо зарабатывают. Если в 70-80-х годах зарплата в 500 долларов в месяц при шестнадцати- и восемнадцатичасовом рабочем дне и часто без выходных ещё представляла какой-то интерес, то в начале 90-х это была уже смешная сумма. Но что о себе говорить — нам за посла было стыдно: полномочный представитель России в Перу получает в месяц 1200 долларов, тогда как его германский коллега — 12000 марок! Что тогда говорить о жизни в самой России, хотя мы с женой материально жили там совсем не плохо. Уверен, что здесь я не буду висеть на шее у немецкого государства и смогу зарабатывать и жить самостоятельно.

В Мюнхене мы живём всего девять месяцев, но уже успели окончить языковые курсы и получить отличную двухкомнатную квартиру в новом доме. Фантастика какая-то! Впрочем, иногда мне кажется, что я заново родился. Преклоняюсь перед Германией: проиграв войну, она выиграла мир. И дело, как мне кажется, не в американской помощи, а в самом немецком народе, в его дисциплине, в умении гармонично жить, в уважении к закону, в понимании и восприятии государственной политики.

А.П.: А нам, россиянам, стало быть, всего этого не хватает?

Лев Шахов: Мы, бывшие советские, всегда стремились жить наоборот: уйти от политики, обойти законы, пропить, разграбить даже землю, на которой живём — именно так мы понимаем свободу.

Мне кажется, что система адаптации иностранцев в Германии — одна из лучших в мире. Создав для себя нормальную и в духовном, и в материальном плане жизнь, немецкое государство и правительство позаботились и о нас, эмигрантах.

Не будем ворошить прошлое, не будем вспоминать, кто, кому и что должен.

А.П.: Разделяю Ваше мнение: Германия уже «не та», да и мы — «другие». И давайте чувствовать себя уютно в новом для нас общем европейском доме!

«ЗАСЛУЖИТЬ НОБЕЛЕВСКУЮ»

А.П.: Для «затравки» не слишком корректный вопрос: «Почему Вы, еврей, эмигрировали не в Израиль, а в Германию?»

Маркс Тартаковский: Вопрос естественный. Так вот, сын, ещё юнцом прибывший на «историческую родину», писал нам: «В Израиле я русский. Мне наплевать на эти проблемы, но Оле здесь точно не светит!»

Вот ведь какое дело: жена — русская и дети наши по установлению раввинов — тоже русские. Хотя ещё в Москве, получая друг за дружкой паспорта, дети настояли, чтобы их записали евреями. Представляете недоумение доброхоток-паспортисток, советовавших брать мамину — удобную — национальность! Так неужели эти партдамы в конечном счёте правы? Как раз сейчас, накануне призыва в израильскую армию, сын и его еврейская невеста летят в другую страну, чтобы зарегистрировать брак, — на Кипр. Я уже и в израильской прессе не раз писал о том, что сколько полноценнейших граждан потеряла страна из-за политиканского угодничества перед ортодоксами!

Стремился же я не в Германию, а в Европу. Но эта страна — единственная, принявшая мою еврейскую — уже по здешним меркам — семью.

А.П.: Европа мила всем, это понятно. Но, извините, нужны ли ей Вы, еврей? Вы не «сделали» себе имени в России, ваши повести, выходявшие лет сорок назад, напрочь забыты... Что вы делали все эти годы?

Маркс Тарковский: Отвечаю известными словами: «Я жил». Вначале благополучно писал и печатался.

Расхваливали молодёжные «толстые» журналы, из чего следует, что забыт был затем не понапрасну. Всё переменялось в 67-м году. Гнусная роль Советского Союза в «шестидневной» арабо-израильской войне как бы потребовала лично от меня ответных действий. Сравняться с мужеством некоторых моих друзей было не дано, но жена и я с того момента отказались ходить на какие бы то ни было «выборы» голосовать за ненавистную власть.

Упомянутые друзья наказаны были, само собой, куда жёстче, чем я. Мои новые повести «Карьера» и «Моё дело» были исключены из издательских планов. Мосфильм, по оплошности видимо, купивший одну из них и оплативший режиссёра Бориса Яшина и его актёрские пробы, «опомнился» и расторг договор... Я извлёк свой старый «красный» диплом Выс-

шей школы тренеров и стал вести занятия со студентами МХТИ, детскими оздоровительными группами для пожилых — целыми днями пропадал в бассейне.

А.П.: Но передо мной Ваша книга, вышедшая в 93-м году, как раз накануне Вашего отъезда из России.

и не имеющая никакого отношения к спорту: «Историософия. Мировая история как эксперимент и загадка».

Маркс Тарковский: Горжусь, признаться, строчкой на титульном листе: «Рекомендована Государственным комитетом Российской Федерации по высшему образованию» Эта книга вышла вдогонку предыдущей, схожей «В поисках здравого смысла. Роль глупости в мировой истории». Судьба приоткрыла мне форточку (за 3-4 года перед отъездом), в которую и выпорхнули главные мои книги.

А.П.: Тогда я в другой форме повторю свой вопрос: «Нужны ли здесь Ваши книги?»

Маркс Тарковский: Названное, к глубокому моему сожалению, вряд ли. Немцы, некогда народ музыкантов и философов, сегодня озабочены лишь тем, как бы побыстрее переварить обильную пищу, запив её пивом, и приняться за очередную порцию. Но тем из них, кто ест, чтобы жить, а не наоборот, кто хочет ощущать полноценное бытие, я могу быть весьма полезен.

А.П.: Любопытно...

Маркс Тарковский: Некоторые обстоятельства личной жизни, многолетняя тренерская практика позволили мне выработать оригинальную систему оздоровления, которую я назвал акмеологией.

А.П.: Что-то знакомое...

Маркс Тарковский: Вам знаком, надо думать, термин «акмеизм» — от того же древнегреческого корня. Акмэ в понятии эллинов — зенит жизни, время расцвета физических сил, творческих потенциалов личности. Акмэ совпадает с пиком сексуальной активности, взаимосвязь здесь очевидна. Так вот, как максимально продлить это состояние?

А.П.: «На ярмарку» и с «ярмарки» — так кажется у Шолом-Алейхема?

Маркс Тарковский: Удачная метафора. Но кто откажется от того, чтобы задержаться на этой яркой высоте, на этой «ярмарке жизни». Тогда же, в предотъездные годы появились ещё две мои книги: «Homo eroticus. Роман с комментариями» и «Акмеология и личность». Вот они. Тираж, как видите, немалый. Есть и переиздания.

А.П.: Вот в этом, под названием «Жить не старея!», я вижу рисунки

упражнений, чётко выделенные методики. Сама же «Акмеология» иллюстрирована лишь модернистской графикой Бердслея...

Марк Тарковский: Я вообще далеко не удовлетворён этой своей книгой, Уже что называется «сидел на чемоданах», спешил. Тем более поражён поднятой этой книгой «волной». В некоторых российских вузах, например в Академии управления, даже возникли кафедры акмеологии, проводятся семинары по этой дисциплине, возникают группы энтузиастов новой системы. Этот термин вошёл в каталог библиотек. Конечно, далеко ещё до бешеной популярности движения «Бег ради жизни», аэробики или новомодной дианетики...

А.П.: Всё это создано Вами, пусть «на чемоданах», но в другом мире... Марк Тарковский: Живя в Германии, я опубликовал в Израиле и в Москве большие работы «Откровение Торы», «Шестидневная война. Взгляд из Москвы», «Зазеркалье истории», «Геополитика — искусство компромисса» и некоторые другие.

А.П.: Философия истории, художественная проза, оздоровительная система, геополитика... Как бы вы сами определили своё главное предназначение?

Марк Тарковский: Человек Возрождения. Поясню, чтобы не прозвучало странно. Такое уже не раз случалось в истории: распалась связь времён. И мир впадает в очередное варварство, если не наступит новая светлая эра Возрождения.

А.П.: В двух-трёх словах: в чём цель Вашей жизни?

Марк Тарковский: Заслужить Нобелевскую премию!

ЧТОБЫ ЖИВОЙ ВОДЫ НАПИТЬСЯ...

Есть люди, которые терпеливо ожидая чуда на протяжении всей жизни, разочарованные подводят итог: чудес на свете не бывает! Совсем как в древней притче: мать, держащая на руках своё дитя, спрашивает, что такое чудо? Почему не встречается оно в нашей жизни? Мечтая о чуде, она и не подозревает, что оно — у неё на руках...

К счастью, есть и такие, кто, полагаясь на силы собственные, своими руками украшают нашу жизнь.

Наверное, именно о таких говорил античный философ: «Жизнь его не назовёшь лёгкой, но не назовёшь её и бедной. Она была особенной...»

Очевидно, такой особенной была и жизнь геолога Емельяна Стоцкого. Ещё мальчиком слышал он легенды о «живой воде» Золотой Бани (ныне Сходница). Почему Золотая Баня? Видимо, знали предки нынешних крестьян, что живут на благословенной Богом земле, в недрах которой таится богатство, дарующее человеку самое дорогое — здоровье.

Нынешнее название села имеет уже иную историю. После бегства татаро-монгол из Карпат в родные места стали возвращаться, «сходиться» все, кто уцелел: даже пепелище благословенного места — благословенно.

Прошли века, и в 1975 году благодаря многолетнему упорному труду геолога, одержимого идеей подарить людям «живую воду» Золотой Бани, забил первый фонтан «нафтуси», а уже через год Сходница приобрела популярность всесоюзную. И не удивительно: на территории в 26 квадратных километров было пробурено 17 скважин и открыто 38 источников, дарующих в сутки до 250 кубических метров целебной минеральной воды. И хотя в 90-е это число это сократилось больше чем в три раза — это бесценное богатство. Но в нашем богато одаренном природой Отечестве привычная формула «с нас не убудет», как водится, привела к тому, что тоннами бумаги, исписанной на разных уровнях бюрократического аппарата, дело ограничилось. И ничего не сделано для превращения бедной деревни в оздоровительный оазис, статуса которого Сходница безусловно, заслуживает.

А попала я сюда случайно. Ехала в санаторий «Женева», сооружённый недавно швейцарцами в Трускавце. Но добрые люди посоветовали: хочешь комфортно отдыхать, оставайся здесь, а если нуждаешься в лечении настоящим, поезжай в горы.

И не обманули. Поверьте на слово: побывав здесь однажды, обязательно приедете ещё.

Начальник местного месторождения Евгений Журавчик рассказывает, что вода эта — уникальна. Она аналог «Боржоми», имеющая четыре типа: «нафтуся», содовая, железистая и йодо-бромная (есть и сульфатная — пятая, неиспользуемый пока тип минеральной воды). В Трускавце, например, содовой воды нет вообще, её, как и рассолы «нафтуси», привозят из Сходницы и подают в бюветы. Но проблема состоит в том, что вода эта быстро теряет свои лечебные свойства: через два часа — 5%, а через четыре уже все 50 %. Поэтому, конечно, лечиться стоит у источника.

А врачи здесь, поверьте, тоже «от Бога». Главврач Сходницкой здравницы, Дмитрий Сенишин, помимо традиционной медицины, увлекается ещё и озоновой терапией, использует в лечебной практике народную ме-

дицину. Пациентов, страдающих артрозом, остеохондрозом или радикулитом, лечит пчёлами из «экологически чистой» отцовской пасеки. Рассказывают, например, что больные, прошедшие курс такой «пчелотерапии», надолго забывают о своем недуге. Разбирается доктор Синишин и в народной медицине: пользуется пациентов маслами и мазями, приготовленными собственноручно на основе лекарственных растений, собранных в Карпатах. Под стать шефу оказался и мой лечащий врач-ординатор местной больницы Тарас Рубель, человек компетентный, внимательный, терпеливый — настоящий «земский врач» в лучшем значении этого слова. Помните, в мелиховской усадьбе Антона Чехова хранятся вышитые крестьянскими девушками наволочки — подарки благодарных пациенток своему доктору — «Спи,почивай, нас не забывай». Не знаю, на каких наволочках спят герои моего рассказа, но в одном я уверена твёрдо: спят они спокойно, как люди, честно и добросовестно исполняющие свой нелёгкий долг.

Здесь чудесные люди живут в гармонии с не менее чудесной природой. Далеко не богатые, избрали они единственный дешёвый способ приобретения душевного покоя: веру в лучшее будущее. Очень хочется поверить вместе с ними и пожелать от всей души: пусть уже завтра за воротами дома ожидает их счастье и благополучие.

И хотя погода в Карпатах непредсказуема, прочная обувь и непромокаемый плащ — необходимый атрибут здешнего отдыхающего, но Сходница подарит вам, помимо здоровья физического, ещё и ощущение душевного покоя, столь необходимого городскому жителю.

«КРАСНЫЙ ПОЯС» СМОЛЕНЩИНЫ

МЕНЯЕТСЯ ВЕХИ

Во многих странах Восточной Европы в последние годы к власти пришли коммунисты, избранные демократическим путем. Похоже, что во многих регионах России намечается похожий процесс. Сегодня мы публикуем два материала, посвященных этой теме.

Геополитически и географически смоленщина — центр Евразии, окно и парадный въезд из Европы в Россию. Отсюда понятно пристальное внимание российского руководства к этому региону. Избранный новый губернатор и станет тем руководителем, как надеются жители области, который сумеет работать в тесном контакте с Москвой, не ущемляя интересов своего региона. В упряжке структурной подчиненности будет многое зависеть от управления и управляемости исполнительной власти на местах.

Корреспондент DRZ Анастасия Поверенная побывала в Смоленске накануне первого тура выборов (1998 год) и побеседовала с Галиной Матвеевной Москалевой, руководительницей пресс-центра мэрии, и Александром Алексеевичем Королевым, возглавляющим пресс-службу избирательного штаба.

А. Поверенная: Галина Матвеевна, что Вы можете сказать о ныне действующем губернаторе господине Глушенкове?

Г. Москалева: Анатолий Егорович — коммунист старой школы. До избрания губернатором он работал директором завода, выпускающего холодильники, и на руководство регионом был выдвинут промышленным корпусом Красных директоров. Став хозяином области, он хорошо себя зарекомендовал и у верховного руководства России — был поддержан Советом Федерации и избран на пост зам. Председателя Парламентского Собрания России с Белоруссией. Пять лет назад он вызывал у нас уважение, потому что способен был на поступок. Представьте себе те времена: партия распущена, Советы ликвидированы, коммунисты потеряли свои посты, власть, рычаги воздействия. И среди общего замешательства было опасно баллотироваться в губернаторы, не двуличия, продолжая исповедовать старую коммунистическую идеологию. «Сначала — авторитет, потом — власть» — был его девиз. Власть осталась, а вот авторитета поубавилось. О своих разочарованиях нашим губернатором заявил

и председатель ЦК КПРФ товарищ Зюганов, только что посетивший предвыборный Смоленск.

А. Поверенная: Я всего несколько дней в Смоленске, но хорошо чувствую уровень предвыборной борьбы кандидатов и их обещания лучшей жизни смолянам. Как я понимаю, за господином Прохоровым стоит интеллигенция и все патриотические силы: герои, ветераны, космонавты, партийные объединения «За новый социализм», Народно-патриотический Союз России и так далее. Но у нас, живущих за пределами бывшего Советского Союза, слово «патриотизм» в нынешней ситуации вызывает нездоровое чувство — ассоциацию с «Памятью» и русскими неофашистами.

А. Королёв: Глубокая ошибка. Махрового национализма нет на смоленщине. Мы — народные патриоты. Новые фашисты ничего общего не имеют с традиционно русским патриотизмом и глубокой любовью к Родине и своему народу — это современные политические партии, жаждущие власти.

Что касается ситуации в области, то в нашем «Красном поясе» произошёл раскол политических сил. Народ, который пять лет назад голосовал за тех, кто под Красным знаменем, сейчас в недоумении — за кого отдать свой голос, что произошло?

А. Поверенная: После второго тура выборов я смогла, наконец, задать вопрос новому губернатору А. Прохорову.

— Александр Дмитриевич, я познакомилась с вашей предвыборной программой. Структуры администрации Президента Вас поддержали, но что стоит за этим шагом? Смоленск и «Красный пояс» часто выступали против Ельцина: Вы дважды «прокатили» его на выборах, Вы не были ни за его конституцию, ни за его реформы.

Смоленщина — глубоко дотационный район, и у вас столько проблем и в сельском хозяйстве, и в промышленности, и в коммунальном хозяйстве. А социальный уровень населения до того низок, что невозможно его даже сравнить с уровнем западного человека, живущего на социальное пособие...

А. Прохоров: Буду краток. В Ваших вопросах есть сразу и ответ. Да, мы видим свою цель в выходе из агонии к прорыву. Мои единомышленники — люди разного склада и по возрасту, и по социальным позициям. Это в первую очередь люди на местах, в районах и деревнях, есть эти люди и в администрации области. Однако небольшие изменения в составе аппарата администрации будут. Нам нужны молодые экономисты

и люди-реформаторы, хорошо знающие рыночную экономику. Тут я полностью за Ельцина и его решение омолаживания руководящей команды. Пусть политики начнут примерять себя к этому возрасту, к возрасту руководителей, которые способны ускоренными темпами проводить новые реформы в жизнь.

Отношения с Москвой — чисто государственные, мы не собираемся ей объявлять войну, и я против лозунга «Ельцина на рельсы». Нам необходимо взаимопонимание, и Москва уже ставит нам условия по-другому, скажем, нежели это было в 91-ом или 93-ем годах. Сейчас политическая окраска хозяина региона уже никого в Москве не интересует. Лично меня хорошо там встречают в Управлениях и Комитетах, и их интересует только, как я настроен в отношении тех или иных инвестиционных программ и как я конкретно собираюсь решать проблемы моего региона.

А проблемы эти лежат на поверхности: в сельском хозяйстве — поднять льняное поле, увеличить молочное производство и перестать население области кормить мясом из Бельгии и Голландии.

В промышленности — организовать по-новому работу заводов, фабрик и предприятий, которые раньше относились к военно-промышленному комплексу. Поле деятельности есть, и нужно только проявить активность самим и помочь поддержать тех, кто заботится не просто о будущем, а о хорошем будущем для тех, кто нам поверил и связал с нами свои надежды.

А. Поверенная: Вы — крестьянский сын: родились на смоленщине, сельский труд знаком Вам с детства. Понятны Вам и любовь крестьянина к земле, его вековая мечта пахать собственную землю. Так почему, став хозяином региона, Вы не хотите последовать примеру саратовцев — отдать пахарю пахарево — землю?

А. Прохоров: Я — не крестьянский сын. Родители мои из сельской местности, но отец у меня лётчик-испытатель, а мать учительница. Но если смотреть через поколения дедов и бабок, согласен — тогда я — крестьянский сын, и мои корни в деревне.

О земле: я категорически против продажи земли вообще. Смоленщина географически лежит между двумя столицами, да и Запад от нас не за горами... Только дай команду — и у нас скупят всю землю сразу и подставные организации, и существующие свои фирмы, и чужие западные. А земля у нас экологически чистая. Наша новая Программа дала право свободной продажи земли под дачное и жилое строительство, и теперь частные дома стоят у нас на частной земле.

Пошли мы и навстречу крестьянину: каждый сельский житель получил по 2 га на своей собственной земле в пожизненную аренду с правом наследования, т. е. правом передать её тому, кто будет её обрабатывать и дальше, а не публичные дома, скажем, на ней строить.

Что же касается сельскохозяйственных угодий и больших земельных массивов, в нашей Программе записано, что вся коллективная земля — в колхозах, совхозах, товариществах принадлежит пайщикам и разделена на доли. Земля стала ПАЕВАЯ; можно уйти из любого коллектива, сохранив за собой свой пай без права продажи. Только так мы уберём землю нашу от толстосумов, которые мечтают превратить её в разменную монету. Мы за то, что землю должен обрабатывать человек, который имеет на это законное право, опыт работы на земле или человек со специальным образованием, как это, кстати, практикуется у вас в Германии.

А. Поверенная: Александр Дмитриевич, спасибо за интервью. Желаю Вам, выполнить политический договор, который Вы заключили с Вашими избирателями и моими земляками.

ЗАБОТА НАША БОЛЬШАЯ...

На протяжении многих лет редакция газеты «Баварский вестник» поддерживает дружеские связи с Генеральным Консульством Российской Федерации в Мюнхене. Представляем вашему вниманию интервью с российским вице-консулом в Баварии Светланой Равильевной Еникеевой.

А.П.: Светлана Равильевна, я знаю, что, несмотря на молодой возраст, у Вас большой опыт дипломатической работы в Африке, Армении и в Москве. В Мюнхене Вы будете отвечать за вопросы культуры, и поэтому у меня первый вопрос такой: «Что надо делать, чтобы многие тысячи россиян, живущих ныне на баварской земле, не чувствовали себя одинокими мигрантами?»

С.А.: Я чувствую себя в новой должности как врач, который пропускает диагноз каждого больного через себя. И, если хотите, этот диагноз — моя задача. Понятно, что работу нужно вести в двух направлениях. Первое — помощь нашим людям, особенно подрастающему поколению, не забыть язык и культуру России, её историю и традиции. Второе — помощь в продолжении развития исторически сложившихся двух культур, двух великих держав России и Германии. И я очень рада, что начала работать не в одиночку, а со всеми вами: с обществом «МИР», толстовским фондом и библиотекой, с научными обществами российских учёных в Мюнхене, с вами — журналистами и редакциями газет. Помогают и мои коллеги, которые работают в консульстве вот уже несколько лет. В плане сотрудничества с немецкими организациями, заинтересованными в обоюдной тесной работе, проблем у нас нет. В планах, например, проведение в институте новейшей истории Германии совместного заседания российско-германской комиссии по рассмотрению новейшей истории. И таких мероприятий с нашим участием множество. Хватило бы только времени на все наши задумки. Вы знаете, что последние годы мы работали над программой года «Россия в Германии». Это встречи, поездки, публикации, юбилей Фёдора Тютчева и открытие его памятника в Мюнхене — первому русскому на баварской земле. Немецкие друзья по нашей схеме хорошо поработали над программой «Германия в России». Для нас обоюдно это большая работа и в плане продолжения Совместных культурных программ, и в экономическом направлении, и в политическом сотрудничестве, в подготовке визитов, информационных материалов и так далее. При всей нашей загруженности мы ни на минуту не забываем об одной

из наших главных задач — работы с соотечественниками: учёт, правовая база, вопросы гражданства. У нашего нового Генерального Консула Александра Павловича Карачевцева большой и многолетний стаж дипломатической работы. Думается, что под его руководством мы сможем так организовать работу консульства, чтобы люди, пришедшие к нам, остались довольны. Мы хотим стать для них доступными, и чтобы, наконец, прекратились очереди у наших служебных окошек.

А.П.: По моей журналистской практике, Светлана Равильевна, мой главный вопрос оставляю на конец нашей беседы. А перед тем, как его задать, приведу два пояснения. Первое — мало кто знает, что мюнхенский Kammerspieltheater (один из лучших драмтеатров в Германии) побратим с нашим МХАТом. С гастролями театр многократно исколесил всю Европу. Увидели его и мои земляки-ленинградцы в театре Ленкома, а ныне Балтийского Дома. На мой вопрос: «А почему не на сцене МХАТа?», моя младшая дочь, много лет работающая режиссёром сцены в Kammerspieltheater, ответила: «Не можем. Москва очень дорогой город. Наш театр на бюджете города Мюнхен, МХАТ — на

бюджете российского государства. Это они должны к нам приезжать». Я не поленилась и поехала в Москву. В театре побывала на репетициях, отведала пышных пирогов в театральной столовой, поговорила с Олегом Табаковым и режиссёром господином Шапиро. Ответ получила тот же: «Приехать не можем, братство братством, а денег нет!» Второе — за годы жизни в Германии я убедилась, что наша российская (советская) школа искусств (будь то театральное, музыкальное или художественное училище, школа, интернат) намного профессиональнее и выше по уровню немецкой. Нашлись и энтузиасты из профессорско-преподавательского состава и ведущих актёров России, которые согласились периодически приезжать в Мюнхен заниматься со студентами театрального училища. Приехали организаторы этого проекта и уехали ни с чем по той же причине — нет денег! Поэтому я задаю, может и не корректный, но важный вопрос: есть ли на подобные проекты деньги в Российском консульстве, можете ли Вы быть спонсорами?

С. Е.: Надежда есть. Недавно при МИДе России было создано Управление по работе с соотечественниками, которое ведёт мониторинг всех просьб и обращений наших граждан за рубежом. Связи наши с россиянами становятся всё более плотными и тесными и в ближайшем, и в дальнем Зарубежье. Экономика России стабилизируется, так что и этот вопрос будет когда-то решён.

В ЗАВТРА ИЗ ВЧЕРА

Интервью с Советником министра России, Председателем совета директоров АСЭ Евгением Александровичем Решетниковым.

А. П.: Евгений Александрович, мы с Вами люди одного поколения. Не знаю, как Вы, но полвека назад я засыпала под жужжание бабушкиной прялки, а самой драгоценной вещью в доме считала керосиновую лампу с десятилинейным стеклом.

Годы летят, и мы перестали удивляться стремительным переменам: освоению космоса, кибернетике, новейшим технологиям и атомной энергетике, которую Вы создавали и которой более сорока лет руководите. Напрягая всю Вашу фантазию, можете сказать, что принесёт миру наступивший XXI век?

Е.Р.: Скажу и без фантазии: новое столетие — это приход термоядерной энергии, которая заменит всевозможные виды энергетических ресурсов. Понятие водородной бомбы известно всем. Это — взрыв, мощнейшее выделение энергии из массы объёма вещества. Так вот, сейчас весь мир занимается созданием нового реактора по обузданию этого водородного взрыва для постоянной выработки энергии. С 1957 года существует международный проект ИТЭР, подтверждающий возможность создания такого реактора, правда, пока что в экспериментальном виде.

А. П.: Означает ли это воплощение в действие вечного двигателя, мечту человечества ?

Е. Р.: Нет, вечный двигатель создать невозможно. Но задача ИТЭР — получить реактор на базе синтеза атомов.

Не надо будет сжигать в топках электростанций углеводородное сырьё, не нужны будут нынешние атомные станции, основанные на делении ядер, а это приведёт к экологическому оздоровлению планеты и уберёт угрозу теплового эффекта. Специалисты считают, что к 2025 году будет наконец, создана действующая модель этого реактора.

А. П.: По логике вещей тогда придётся закрывать производство по добыче нефти, газа каменного угля?

Е. Р.: Этого не надо будет делать. Но производство перечисленных ресурсов будет гораздо ниже по объёму, т. к. сжигать эти продукты в топках всё равно, что топить русскую печку долларами, евро или другими ассигнациями. Об этом ещё говорил Дмитрий Менделеев.

А. П.: Не надо быть техническим специалистом, чтобы не замечать темпы информационного взрыва, будоражащие мир. Насколько это хорошо и насколько плохо?

Е.Р.: Ничего плохого в этом не вижу. А насколько хорошо — объясню. Появление совершеннейших вычислительных машин позволяет сегодня в реальном времени предсказать, что может быть в результате внедрения того или иного технологического процесса и как это будет влиять в конечном счёте на жизнь человека и вселенной.

А.П.: Министр атомной промышленности господин Румянцев, недавно, в своём интервью по возвращении из Финляндии сделал предложение о возможности приватизации атомных электростанций в России. Стоит ли россиянину радоваться этому факту? Получит ли он, наконец, достаточно тепла и света — неотъемлемой части комфортной и уютной жизни?

Е.Р.: Атомная энергетика в общем объёме страны в настоящее время вырабатывает 15% всей электроэнергии. В отдельных регионах, таких, как Северо-Запад и Центрально-Черноземный район, объём этой энергии составляет 45%. Потребителю совершенно неважно, кому эта станция принадлежит. Главное она должна быть безопасной и стабильной в работе. Сейчас всю электроэнергию поставляет и продаёт потребителю РАО-ЕС России во главе с А. Чубайсом. Казалось, с него и спрос за уют и комфорт в каждом доме и каждой квартире, но это не совсем так. В регионах, на местах ответственны перед своими потребителями коммунальщики — областные, районные, городские поселковые службы — непосредственные продавцы электроэнергии. Когда эта цепочка взаимных обязательств будет налажена по-европейски, прекратятся сбои в электроснабжении. Все должны выстраивать свою мечту. Я прожил жизнь не мечтателем-фантастом, а созидательным оптимистом, и веру и надежду в «человечества сон золотой» не утратил, не забыл.

ВРЕМЯ ПРИМИРЕНИЯ

Наш корреспондент Анастасия Поверенная встретила в Мюнхене с президентом интерклуба «Друзья Баварии» — господином, доктором Валерием Воиновым и задала ему несколько вопросов.

А.П.: Валерий Петрович, в семидесятые годы, во время моей эмиграции самым популярным словом в Советском Союзе было диссидент. Теперь, приезжая домой, я теряюсь от слова — президент. Такое чувство, что президентов России стало больше, чем председателей колхозов. Может, этот титул предопределяет и сам процесс демократизации в нашей стране? Так почему Вы президент, а не председатель, не руководитель вашего клуба?

В.В.: Устав нашего клуба действительно демократичен и в нём общим собранием учредителей и был определён мой статус. Не вижу никакой разницы: президент — председатель. Время идёт вперед, и мы привыкаем к новому политическому лексикону.

А.П.: Как давно существует интерклуб «Друзья Баварии», кого он объединяет и какие задачи решает?

В.В.: Наш Клуб существует уже более восьми лет (основан в 1989 году) и возник он на базе Gemeinde Denkendorf и Краснопресненского района Москвы. В сентябре прошлого года наша столица проводила шестую встречу городов-партнёров России и Германии, на которой отмечалось двадцатилетие этой дружбы. Клуб объединяет около двухсот человек, людей самых разных возрастов, профессий, интересов и пристрастий. Короче, собрались люди, заинтересованные в дружеских отношениях с Германией и, в частности с Баварией. Устав клуба предусматривает различные отношения взаимного сотрудничества, но главными до сегодняшнего дня были и остаются детские и школьные контакты и обмены; организация Ferienarbeit и Studium Praktikum московских студентов на баварских предприятиях. Совместно были отмечены исторические даты: «50 лет окончания Второй мировой войны», «850-летие Москвы», «дни Баварии в Москве» и другие. Мы помогаем новым поколениям россиян переосмыслить историю отношений между нашими странами и определить достойную роль немцев в истории и развитии России. Вы все, наверное, недавно смотрели по НТВ двенадцать документальных фильмов на эту тему, тему немцев в России.

Наш интерклуб работает пока не так широкомасштабно, но мы начали регулярно проводить в Москве литературно-музыкальные праздники, посвящённые деятелям культуры России и Баварии. Неплохой резонанс получили наши вечера: столетие со дня рождения Карла Орффа, Бертольда Брехта, Рихарда Штрауса, Василия Кандинского, Габриэлы Мюнтер, Фёдора Тютчева. В Доме Дружбы в декабре прошлого года мы праздновали 750-летие города Ингольштадта.

А.П.: А вы знаете, что в Мюнхене живёт один из лучших специалистов по творчеству Тютчева — Аркадий Полонский, благодаря которому на улице Herzog-Spital-Strasse 12 и в Salvatorkirche открыли мемориальные доски? Первую — как дань поэту и как напоминание баварцам о доме, в котором находилось первое российское посольство в Баварии, куда летом 1822 года юный Тютчев был принят на службу. Вторую — как христианскую память. В этой церкви он венчался первым браком и здесь же были крещены пятеро его детей, рождённых в Мюнхене.

В.В.: Сто девяностую годовщину поэта мы отмечали в декабре 1993 года, когда ещё не было книги Полонского о Тютчеве. Но мы надеемся, что на празднике, посвящённом двухсотлетию со дня рождения поэта, в 2003 году Аркадий Эмильевич будет одним из наших дорогих гостей. Этого не случилось: в дни юбилея наш уважаемый автор был очень болен и вскоре умер.

А.П.: Какова цель вашего нынешнего приезда в Мюнхен?

В.В.: Во-первых, встречи деловые и дружеские. Во-вторых, я прилетел сюда с женой русского философа и писателя Александра Зиновьева. До своего возвращения в Москву Зиновьевы около десяти лет прожили в Мюнхене, и Ольга Мироновна как будущий член нашего клуба взяла на себя миссию познакомить меня с российской эмигрантской средой в баварской столице, и встреча с Вами тому подтверждение.

А.П.: Спасибо. Отрадно, что в России настало время собирать камни, что нас перестают делить на своих и чужих, что появилась возможность обоюдного взаимообщения и доверия. Но вернёмся в Баварию. Можете рассказать, с кем конкретно Вы здесь встречались?

В.В.: И традиционно и дружески с Михаилом Аркадьевичем Лонгвиновым, российским консулом в этой Земле Германии. В госканцелярии встречались с господином Бертольдом Флирлем, советником премьер-министра по сотрудничеству с Востоком. В торгово-промышленной палате Мюнхена и Верхней Баварии — с господином Хубером. Был я гостем у депутата Европарламента — госпожи Габриэль Шнаунер и у председателя

баварского «Солдатского Союза 1874 года», генерал-майора в отставке господина Райхарда. Встречался также с руководителем экспертного клуба доктором Эрвандом и многими другими людьми, интересными нашему клубу. Но самыми близкими моими друзьями стали пожарные — «Баварский земельный Союз пожарных», возглавляет который Герхард Дибов.

Цель всех этих встреч — конкретизация планов сотрудничества на текущий год: участие в проведении очередных «Дней Баварии в Москве»; проведение первого детского фестиваля дружбы «Москва — Бавария» в июне этого года (если, конечно, удастся); организация «Второй недели примирения» (встречи ветеранов Второй Мировой войны).

А.П.: Встречи важны, своевременны, но как они будут обеспечены финансово?

В.В.: Это самый сложный вопрос в смысле масштабов нашей деятельности, но не слишком влияющий на нашу дружбу и личные взаимоотношения. Существует мы за счёт спонсоров, за счёт льгот, предоставляемых нам авиакомпаниями, и за счёт добровольных помощников — семей, принимающих детей на каникулы и отдых и в Баварии, и в Москве.

А.П.: Вы сказали, что ваш клуб объединяет около двухсот человек. А как члены клуба распределяются по партийной принадлежности?

В.В.: Никак. Мы таких вопросов в клубе не задаём и в наших анкетах эти данные отсутствуют. Главное — люди хотят дружить с Германией и с Баварией в частности.

А.П.: А как вы относитесь к вопросу о многопартийности в России? Хотите Вы видеть Россию, ограниченную пятью-шестью политическими партиями, как в Германии, или согласны на все двести, ныне существующие?

В.В.: Прежде всего хочу сказать, что двести партий в России — это фикция. Каждый амбициозный деятель, которого даже не назовёшь политиком, делает партию «для и под себя», такие партии может быть и имеют структурные подчинения в субъектах Федерации, но, думается мне, только на бумаге по чичиковскому варианту. Новый закон о политических партиях, который обсуждается в Думе, по-видимому, положит конец этой ситуации. Думаю, что в результате мы придём к немецкому варианту пяти-шести партий, которые будут иметь реальное членство, программы и политическое влияние. Да и само по себе количество партий никак не отражает, насколько жестко организована вертикаль власти.

А.П.: А какова, по вашему мнению, организация власти сегодня в России?

В.В.: В первую очередь, проблема власти — это проблема местного самоуправления. По сравнению с Германией у нас оно как бы есть и как бы нет. Какое же это самоуправление, если люди у нас не могут ни в какой мере влиять на то, что происходит в их доме, квартале, в деревне или в городе. Да и персональных мнений недостаточно, чтобы что-то реально изменить. Часто, приезжая в Германию, глубоко видишь жизнь и организацию власти: нам надо учиться, учиться и ещё раз учиться демократии.

А. П.: Валерий Петрович, в заключение я хочу от имени нашей редакции извиниться за то, что интервью у Вас мы взяли не первыми — немецкие коллеги нас опередили. Дело не в нашей российской лени, а в разных возможностях: «Süddeutsche Zeitung» газета ежедневная, а наша выходит пока только раз в месяц. Спасибо. Желаем успехов вашему клубу.

МОДА НА МОРАЛЬ

Телевизор смотрят все: кто-то принципиально только немецкие каналы, кто-то беспринципно только русские, но уже по другой причине. А потом обсуждают, что понравилось, а что вызывает просто негодование, как, например, у автора этого письма.

«Откройте ваше окно в Россию», — призывает на страницах «Мюнхен плюс» Михаил Шмидт. — Тратьте ваши деньги на российское телевидение, чтобы смотреть передачу «Окна». Я же прошу вас, дорогие читатели, не тратить их именно потому, что эта программа существует. Окно — по-венгерски облок — что-то лёгкое, прозрачное и поэтичное. «Окна» Дмитрия Нагиева, ведущего одноимённой программы, — не облака, а грозовые тучи, проливающиеся в души зрителей грязным дождём.

Люди моего поколения голодали в военное детство, потом недоедали в студенческие годы, но этот голод не идёт ни в какое сравнение с духовным голодом нынешней разнузданной российской демократии.

Где же наша исконно русская интеллигенция с её напряжённой традицией поиска сути, где аура чести, благородства и совести, кристаллизующая эту суть? Страшны не пошлые радио- и телепередачи. Настораживает тенденция.

Плохие телепередачи можно не смотреть. Но как быть с теми, выхода которых ожидаешь, к которым привык, но которые вдруг начинают тебя разочаровывать?

Многие телезрители были, наверное, неприятно поражены последними передачами «Культурная революция», которую ведёт уважаемый мною министр культуры Михаил Швыдкой. Его передачу о лжи, без которой рухнул бы мир, передачу о выборе между ложью и цензурой, я нахожу опасной для общества не только заявленной темой, но и тем, что в зале почти не было оппонентов. Двадцать три минуты эфирного времени «Панорамы недели» редакция «Эхо» постепенно превращает в шоу. Вместо солидного политического обозрения нас, зрителей, господин Ганапольский потчует светскими сплетнями. Кому интересно, как выглядела прима эстрады А. Пугачёва 10 лет тому назад и сегодня после N-ного количества пластических операций. Не украшает «Панораму» и скабрезная «чашечка кофе» Виктора Шендеровича.

Что же происходит в России с россиянами? Может, права моя приятельница, которая недавно заявила, что МОДА на мораль прошла...

Это было страшно слышать, как титулованные политики — Тулиевы и Райковы — лица Думы — требуют публичных казней для террористов? Как объяснить, что правительство обсуждает закон об официальном стукачестве, да ещё с оплатой в две пенсии честного пенсионера в три тысячи рублей?

Включая телевизор, часто вспоминаю преподавателя политэкономии, который ставил нерадивым студентам на семинарских занятиях вместо двойки значок «минус бесконечность». Но он же ставил и восклицательные знаки, когда был доволен нашими ответами.

Пользуясь шкалой ценности старого учителя, радуюсь, что не всё потеряно на российском телевидении. Есть хорошие исторические программы «Кто мы», «Как это было», «Оркестровая яма» и лучшая, на мой взгляд, нравственно-этическая программа «Школа злословия», которую великолепно ведут писательница Татьяна Толстая и журналистка Дуня Смирнова.

Если вы, дорогие читатели, хотите посмотреть эти программы, я буду согласна с господином Шмидтом и его советом, приобретать оборудование для просмотра российских телеканалов!

ПРОФЕССИЯ БУДУЩЕГО

В семилетнем возрасте я впервые услышала слово «телевизор». Сменилось два поколения, и наши внуки с детского возраста свободно обращаются с телевизором, музыкальной системой, сотовым телефоном и компьютерными играми. И время мы уже считаем не на года, а на тысячелетия. Новым витком развития нашего времени стал «Его Величество Компьютер». С одним из подданных «Компьютера» IT-специалистом (IT-индивидуальные технологии) господином Буркхардом Израилем мне удалось побеседовать.

А.П.: Господин Буркхард, я хорошо представляю профессию свободного художника, автора, журналиста, но не очень — свободного юриста, инженера, компьютерщика. С Вашим солидным образованием — банковским и экономическим — хорошо ли Вы устроены профессионально?

Б.И.: Как и во всяком деле, можно сказать: и «да, и нет». Да, потому что люблю мою работу, мне нравится то, что я делаю и чем занимаюсь. Импонирует тот факт, что я абсолютно независим от фирм, в которых приходится работать, и тем более от их руководства. Не последнюю роль играют деньги — пока нам неплохо платят. Но порой в собственной стране я чувствую себя польским или югославским строительным рабочим, которого фирмы приглашают на временную работу. Характер моей работы заключается в том, что я и мои коллеги всегда заменимы. Нас используют как рабочую силу — напрокат. Кончается контракт с фирмой, и ты свободен. Большие деньги мы получаем как бы для равновесия, потому что, закончив программу, можем оказаться безработными. К счастью, контракты, как правило, мы заключаем не на прямую с фирмами или конкретно, скажем, с банком, в котором я сейчас работаю, а через посредническую фирму (Kontrakter). Поскольку эта фирма имеет свой процент от моего заработка, она не заинтересована в моей долгой безработице, ищет и находит следующую работу. Почему, спросите Вы, я сравниваю себя с иностранным рабочим? Да потому, что социально я плохо защищён: не получаю отпускных, сам оплачиваю больничную кассу, меня мало касается специальные государственные страховки и я сам ответственен за свою старость — не плачу взносы в пенсионную кассу, как все другие служащие. Государство не только мало заботится о нас, но и приняло пакет законов «Gesetze gegen Scheinselbständigkeit», осложняющих нашу жизнь. Не буду пояснять эти законы, скажу только, что по-

явился риск из свободного предпринимателя превратиться в номинально свободного. Представьте 40-50-летнего солидного господина с огромным опытом и служебным стажем, который согласно этому закону вдруг начинает вносить первые взносы в пенсионную кассу наравне со вчерашними школьниками.

А.П.: Богатство и благополучие — вещи относительные. Но жить в Мюнхене, содержать четырёхкомнатную квартиру с двумя гаражами, а работать во Франкфурте на Майне и оплачивать гостиницу, по моим эмигрантским представлениям, дороговато. Что заставило Вас дома быть гостем?

Б.И.: Столица Баварии для многих перестала быть уютным городом. Приглашаю Вас в любой понедельник на первый утренний поезд «Мюнхен — Франкфурт на Майне» и Вы вряд ли найдёте свободное место. Специалисты разных профессий едут на промысел. В Мюнхене давно образовался переизбыток врачей, юристов, архитекторов, а с закрытием фирм «Nixdorf» (производство компьютеров) и «Domier» (оборонное производство), со слиянием «Нуробанк» и «Vereinsbank» сломался рынок компьютерщиков, и такие специалисты, как я, вынуждены искать работу на стороне. Франкфурт на Майне — это своеобразный немецкий финансовый Уолл-стрит, который требует много специалистов.

А.П.: И всё это, как я понимаю, приводит к ещё большей конкуренции среди Ваших коллег. Правда, в то же время в стране говорят о нехватке специалистов и стоит вопрос о приглашении ещё 30 тысяч «программистов» из третьих стран. Как это можно объяснить?

Б.И.: В целом по стране действительно не хватает специалистов мастер-класса. Нам нужны: новая методика, новая технология и новая динамика, а университеты Германии пока недостаточно готовят специалистов такого уровня.

А.П.: Но я знаю, что в некоторых университетах студенты занимаются даже разработкой искусственного интеллекта компьютеров будущего.

Б.И.: Мой шеф, с которым я сейчас работаю, как раз такой специалист, но его знания пока не востребованы и вряд ли будут востребованы в банковском деле. Я убеждён, что искусственный интеллект этих компьютеров будет полезен в индустрии будущего. Новое время принесёт миру и новое развитие. Что же касается специалистов у развивающихся стран, я не думаю, что их окажется много в Германии: трудный язык, наше недалёкое историческое прошлое и современное отношение к иностранцам станут препятствием для многих. К тому же, например индусы, тради-

ционно ориентированы на Америку — там очень сильная их инженерная братия. К нам же на заработки всё чаще едут англичане, бельгийцы и голландцы. Благодаря компьютеру мы всё больше становимся интернационалистами.

А.П.: А что Вы знаете о специалистах российской школы? Или Вы всё ещё думаете, что по Москве медведи бродят?

Б.И.: Оставим лес для медведей. Скажу только, что мы были удивлены уровнем подготовки наших российских коллег, т. к. совсем недавно ещё существовал американский запрет на поставку в Россию новых технологий. Со мной над проектом сейчас работает русская дама из Украины. Можете представить уровень её подготовки, если она с минимальными знаниями немецкого языка работает с нами на равных.

А.П.: А как обстоят дела у Вас с новаторством. С инициативой в работе? Как с новыми идеями?

Б.И.: К собственной инициативе я отношусь осторожно. Каждая рабочая программа просчитана заранее и по срокам, и по затратам на её исполнение. На 80% мы полностью зависимы от задания, а на 20% нужны наши идеи и инициативы. Симпатии в бизнесе — не в счёт. Если я буду гениален и смогу годовую программу выполнить за шесть месяцев, то, как говорят русские, я подрублю сук, на котором хорошо сижу. Но если чувствую, что под мои новые идеи можно получить контракт — разработать новую программу, над которой я смогу работать, то наши симпатии с шефом окажутся взаимными.

А.П.: И последний вопрос к Вам, как к банковскому работнику. На территории России сейчас действует много немецких банков. В начале 90-х в моём городе Смоленске я открыла счёт на имя матери и периодически посылала ей деньги. Но, насколько не выгодно: на каждые \$100 я теряла 60 ДМ.

Такого грабительского налога нет ни в одной стране мира.

Б.И.: Уверен, что Deutsche Bank берёт с Вас за услуги не многим больше, чем в Германии. Это скорее российская политика — удержать максимум из этих налогов. Вы дважды меняете деньги: марки на доллары, потом доллары на рубли и дважды платите налог за посылку денег и за их получение. Мы с Вами можем только мечтать о цивилизованной политике в России и стабилизации российского рубля.

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

Баварский адвокат Михаэль Витти в поиске награбленных нацистами ценностей.

В 90-е годы на страницах газеты НЛД (Neues Leben Deutschland) были напечатаны фрагменты из книги белорусской журналистки Галины Айзенштадт, посвящённой современному, «модернизированному» антисемитизму. Одной из причин, побудивших её взяться за перо, было, по признанию журналистки, охлаждение Запада к так называемому «еврейскому вопросу», вызванное тем, что сегодня никто не препятствует эмиграции евреев из бывшего СССР.

Вот почему мне хочется сегодня рассказать вам, уважаемые читатели «НЛД», об удивительном человеке, немце, баварском адвокате Михаэле Витти, для которого этот самый «еврейский вопрос» стал не только главной целью профессиональной деятельности, но и вопросом совести и чести. Его клиентами стали евреи, те, кто прошёл через ужасы нацистских концлагерей и гетто и кто требует справедливого материального возмещения за свои страдания.

Скажу сразу: мне повезло. Несмотря на свою занятость, адвокат Витти нашёл время для того, чтобы принять вашего специального корреспондента.

Господин Витти, вас невозможно застать в мюнхенском бюро на Rosartstrasse. Такое впечатление, что вы живёте и работаете в самолёте...

Не совсем так: мне приходится работать в бюро. И чтобы не жить в самолёте, я открыл бюро в Тель-Авиве и нанял корреспондентов в Бруклине и Нью-Йорке. Работы действительно очень много. У меня лежат акты и заявления более семи тысяч жертв нацистского террора. И это не считая множества документов, полученных от многочисленных европейских страховых фирм и швейцарских банков.

Михаэль, в последние несколько лет вы стали достаточно известным в Германии адвокатом. О вас пишут газеты, вам посвящены многочисленные радио- и телепередачи. Но иногда складывается впечатление, что ваша известность прямо противоположна Вашей популярности. Нет сомнений, что деятельность адвоката из Мюнхена не вызывает особого энтузиазма у некоторых крупнейших фирм и банков. Может, пора уже нанять пару надёжных телохранителей?

Никакого страха я не испытываю, хотя и знаю, что некоторым не нравится то, что я делаю. Уверен, что у правительств некоторых стран было бы куда меньше головной боли, не будь меня и моей юридической конторы. И меньше всего мне приходится сейчас рассчитывать на любовь моего родного немецкого и соседнего швейцарского правительств.

Иногда мне кажется, что ваша деятельность — это продолжение миссии Шиндлера, но только в иное, мирное время...

Я бы себя с ним не сравнивал — спасая евреев, Оскар Шиндлер рисковал жизнью. Я же только помогаю своим клиентам получить законно им причитающееся. И не забывайте, что эта деятельность приносит мне определённый доход.

Работаю я по двум направлениям. Моя главная задача — «выбить» для клиентов так называемые «Entschädigung Geld» — материальную компенсацию за потерянное в концлагерях здоровье. Это может быть и единовременное пособие, и небольшая пожизненная пенсия.

Второе направление — это поиски награбленного нацистами еврейского имущества.

Я не могу понять, почему все пятьдесят с лишним послевоенных лет этот вопрос не только не решался, но и не затрагивался на соответствующем уровне. Ведь можно верить в Бога, как можно верить и в высшую справедливость. Хотя и с опозданием, но пришло время, давшее людей, способных встать против «сильных мира сего» — против некоторых банков и правительств. Мы не одиноки. Независимо от нас ищут пути решения этих вопросов и Всемирный Европейский Конгресс.

Случай из практики. Однажды я вместе с моим американским коллегой Эдом Фаганом должен был встретиться на заседании в Берлине с высокопоставленным чиновником из «Управления по вопросам общественной собственности». Мы должны были обсудить проблему принадлежности участка земли, расположенного около синагоги в бывшем Восточном Берлине.

В 1933 году этот участок приобрёл один из швейцарских банков. До объединения Германии участок являлся собственностью ГДР. Сейчас участок земли, который перешёл в руки «Управления по вопросам общественной собственности», швейцарский банк требует обратно.

За пять минут до начала заседания к собравшимся в зале юристам и тележурналистам вышли чиновники «Управления» и объявили, что заседание не состоится. Мотивы этого решения и Эду Фагану, и мне были абсолютно ясны...

Как мы и предполагали, участок земли около синагоги должен был принадлежать евреям. А это означает, что мы должны теперь заняться поисками архивных документов, подтверждающих наши предположения, и только тогда мы сможем обратиться в суд с иском против вышеназванной организации. Мы очень надеемся на помощь ночного сторожа г-на Кристофа Мейли, спасшего множество предназначавшихся для уничтожения документов.

На недавней теледискуссии, проводившейся на студии земли Гессен, Вы были вместе с господином Диамантом, поведавшим печальную историю, связанную с минувшей войной. Сразу после войны он получил от «Дойче банка» подтверждение, что его родители имели в этом банке счёт. Тем не менее, банк до сих пор так и не вернул деньги семьи Диамант. Где же логика и чем можно объяснить позицию, занятую немецким банком?

Случай с господином Диамантом, увы, далеко не единственный. В нашу адвокатскую контору обращается немало людей, имеющих аналогичные документы. Но ни банки, ни страховые компании явно не хотят расставаться с этими деньгами и, как говорится, «тянут резину». Сегодня они вновь требуют отсрочки выплат, мотивируя свою позицию тем, что мол, много времени уйдёт на розыски архивных документов. Поэтому мы и принимаем меры, направленные против немецких банков и страховых компаний.

Сейчас наша первоочередная задача — подготовить для этой нелёгкой борьбы соответствующие материалы. В суд на немецкие банки мы пока не подали — это будет нашим следующим шагом. И всё-таки мы смогли перейти в активное наступление. Началом этого наступления был иск против швейцарского банка в Бруклине, а сейчас в Манхеттене мы повели судебный процесс против немецкой страховой компании «Альянс».

Почему вы ведёте судебные процессы именно в Соединённых Штатах: из тактических, политических или материальных соображений?

Из всех сразу. С американским судом шутки плохи. Если он присудит немецким банкам или страховым фирмам Германии заплатить жертвам «Холокоста» конкретную сумму, то банки вынуждены будут это сделать и платить до полного возмещения указанного судом убытка. Ведь местный суд в случае отказа может не только «заморозить» их деятельность на территории США, но и отобрать всю собственность банковских отделений и филиалов, находящихся на американской земле.

Что вы можете рассказать о так называемой «Claims Conference», организации, которая занимается помощью жертвам «Холокоста»?

Эта организация была создана вскоре после окончания Второй мировой войны. Её сотрудники сразу же занялись поисками невестребованных капиталов и недвижимости жертв нацистского геноцида, чтобы поделить полученные суммы между теми, кому удалось пережить ужасы войны и кто не получил так называемые «Entschädigung Geld» — материальную компенсацию за перенесённые страдания.

До последнего времени связанные с этим законы — а их было принято достаточно, — не распространялись на страны бывшего «социалистического лагеря» — Польшу, Венгрию, Чехословакию, Болгарию, Румынию и Советский Союз.

Вот уже почти двадцать лет «Claims Conference» настаивает на выплате немецкой стороной компенсации жертвам «Холокоста». Эти выплаты, по мнению «Claims Conference», должны проводиться по двум направлениям.

Первое — так называемая «Программа 1980 года» предусматривала выплату каждому пострадавшему единовременного пособия в размере 5 000 ДМ при условии, если он докажет, что потерял здоровье в результате нацистских преследований.

«Программа 1992 года» значительно расширила «потолок» выплат. Впрочем, из-за недостатка средств пришлось ввести определённые критерии. Так, жертва «Холокоста» получает право на пособие, если он или она, шесть месяцев находились в концлагере или восемнадцать месяцев в гетто.

Кроме того, предусмотрена выплата пособий тем лицам, которые восемнадцать месяцев вынуждены были прожить в экстремальных условиях, например, были спрятаны в погребе, в шкафу или в бункерах. Последний критерий существует практически лишь на бумаге, так как юридически почти невозможно доказать, где и в каких условиях был спрятан человек.

Моё бюро занимается сейчас третьей программой — программой расширения масштабов помощи жертвам нацизма на страны Восточной Европы. Готовятся и в скором будут подписаны соглашения между правительством ФРГ и «Claims Conference» о выделении немецкой стороной 200 миллионов марок. В результате уже около восемнадцати тысяч восточноевропейских евреев начали получать ежемесячные пенсии в размере 250 ДМ. Как это будет осуществляться на практике, пока не ясно, но рассматриваются две возможности. Первая — открытие бюро «Claims Conference» в странах Восточной Европы, и вторая — широкомасштабная

реклама её деятельности для того, чтобы люди сами обращались по указанным адресам.

— А не может случиться так, что получатели этих пенсий где-нибудь в Варшаве или, скажем, украинском Тернополе, так и не узнают, что благодарить за эти деньги они должны именно Вас?

— Главное, чтобы восторжествовала справедливость. Лавры и слава для меня в данном случае особой роли не играют. Тем более что я ещё уверен, что эта программа распространится на бывший Советский Союз. Моё бюро делает всё возможное, чтобы деньги получили все жертвы «Холокоста», независимо от того, живут ли они в бывшем Советском Союзе или в странах Восточной Европы.

— И, наконец, последний вопрос. Совсем маленьким ребёнком с июля по сентябрь 1941 года я вместе с родителями находилась в гетто, а с октября 41-го по сентябрь 43-го годов — в обозе партизанского отряда на Смоленщине. Считаюсь ли я юридически жертвой «Холокоста»?

— Думаю, что нет. Во-первых, потому, что вы находились на территории Советского Союза, а этот вопрос, как я отметил выше, пока не получил окончательного решения.

Вторая причина — моральная и эмоциональная: обоз партизанского отряда всё же лучше и легче, нежели сундук или погреб в условиях войны.

— Спасибо, господин Витти, за интересное интервью.

*«ДЕВА ДНЕСЬ ПРЕСУЩЕСТВЕННОГО
РАЖДАЕЛП, И ЗЕМЛЯ ВЕРПЕЛП НЕПРИСПУП-
НОМУ ПРИНОСИП...»*

Отец Николай, я не из лучших Ваших прихожанок, но меня, как и всех, волнует и интересует жизнь нашей Русской православной Церкви в Мюнхене. Меня радует, что у нас наконец есть собственный храм. Хотя по сравнению с прежним помещением в центре Мюнхена сюда не так легко добираться городским транспортом, но зато кругом зелень, а рядом кладбище. К смерти и к кладбищам у меня всегда было сложное отношение. Сначала долго верила в свое бессмертие, потом очень боялась смерти, а теперь понимаю, что смертна, но живу уже без страха. Что Вы можете рассказать о Ваших прихожанах, о церковной службе, об отношении к Московской патриархии, к Русской Зарубежной Церкви и монастырской жизни в Мюнхене?

Число прихожан растет. Ещё быстрее выросло число прибывших в Германию и нуждающихся в Церкви, но еще не осознавших этого. Многие знают о церковной жизни лишь понаслышке и привносят в свои представления о церкви много чуждого тоже понаслышке. А неверные представления нелегко устранять. Еще труднее исправлять образ мышления: человек переистолковывает видимое и слышимое в Церкви на свой внешний, светский лад. Отсюда суеверия, доходчивые поверхностному мышлению, как реклама кока-колы или сигарет. Созидать — труднее, особенно созидать свою духовную жизнь, что требует всесердечного обращения. Не каждый на это способен. Мы легко отпадаем, входя в область суеты и беспокойства, то есть заботы, но не о сердце своем, а о внешних вещах. И входит в человека или бездумная дерзость, или страх. А когда человек услышит зов Христова и последует ему, то уже совсем иное — благоговейный страх Божий, ведущий к дерзновенной Вере. Какая радость, когда люди врастают в это, когда человек воскликнет: «О, бездна богатства и премудрости видения Божия!... Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки, Аминь» (Рим. 11). В таком всеохватывающем благодарении тайна любви Божией. Это и есть самая суть церковной жизни. Только она тиха, ненавязчива и безмерно подлинна. Что касается Русской Зарубежной Церкви, то я вырос в ней. Родители и их друзья соз-

дали условия, в которых удалось сохранить русский язык, жить в вере. Стараемся передать то же и детям, в частности, детям прибывших сюда из России. Какое богатство они могут здесь потерять! А как сохранить — это тема для отдельной статьи. Приходы, которые десять лет назад уже, казалось, вымирали, сейчас совершенно обновились и растут. И очень-очень много нового, всего, в том числе и печального: теперь и в немецких тюрьмах приходится посещать русских людей. Сколько больных детей из России приезжают на лечение! Посещал я в больнице взрослых, не выдерживающих психологической нагрузки и пытавшихся покончить с собой, а вот привезли из России по ходатайству немецких друзей человека — шесть пуль в животе! Всего не расскажешь. Но это стало уже нормальным для нас: границы России открылись, и Церковь, бывшая «за кордоном», где-то в Германии, Франции, Америке, участвует в российских судьбах, и горестных, и радостных. Скорбеть приходится о непонимающего образа нашего исторического существования со стороны ведущих кругов Московской Патриархии. Я не считаю, что это соответствует внутреннему духу Русской Церкви, а думаю, как и думал прежде, что в разделении ужасающе много наносного и внецерковного, навязанного советским режимом.

Покоряться этим внецерковным силам мы не имели никакого основания (не имеем и сейчас) и всегда обращали свой взор ко святым Новомученикам российским.

Наступили времена, открывшие возможности по-новому взглянуть на пройденные десятилетия. В частности, в Германии был сделан первый серьёзный шаг через встречи возглавителей двух епархий в ФРГ — Московской и Зарубежной церкви и их клириков. Начата была плодотворная работа по осмыслению, но по замыслу она должна была расширяться и углубиться. А выходит наоборот: приходится опасаться, что она будет совсем сорвана иными силами, у которых свои интересы. Начатая теперь пропаганда рассчитана на искажение исторического сознания и на идеологизированность современного человека, в частности, на шовинизм. Всё это чуждо Церкви Христовой. Ну почему бы русскому человеку, тем более — христианину, не понять, что вне досягаемости коммунизма жили русские люди своей церковной жизнью, что Православие для них — святая, и незримые нити тянутся от их сердец ко святой Руси, что их можно и не уничтожать клеветой да церковно и исторически ложными схемами! Можно бы прислушаться и к такому опыту. Но при чём тут русский человек и тем более христианин, когда за дело берутся в одной

упряжке МИД политический и МИД церковный, так называемый Отдел внешних церковных сношений (ОВЦС).

Запахло суровыми пятидесятью годами. А ведь люди в России не знают подлинного положения — верят пропаганде. Стремление занять в Германии храмы царского времени, избиение монашествующих и захват монастыря в Хевроне с помощью полицейских сил Арафата и последующая ложь об этих событиях — это разве не заказ власти, а чисто церковные мероприятия? Церковные пути есть, и по ним, как я сказал уже, пошли было два архиерея в Германии, с согласия и других. Но кому-то это нужно. Мы, конечно, будем стараться продолжать и настаивать на духовных решениях. Но не очень вероятно, что к этому голосу будут прислушиваться. Ведь в их правилах осталось: «Если враг не сдаётся — его уничтожают». Когда-то, когда начала сходить на нет старая эмиграция, я думал о слове Христовом: «Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно. А если умрёт, принесёт много плода (Иоанн. 12); думал, что уйдёт эмиграция и неисповедимыми Божьими судьбами принесёт плод, но не раньше этого. Потом вдруг всё перевернулось, появились надежды, но и открылись новые, неведомые трудности, в частности, в самой России. Поэтому пришлось мне вспомнить эту мысль. Господь же этим словом своим указывал не на тихую, спокойную кончину. Если нашу церковную жизнь решили уничтожить с захватом монастырей и храмов, с убийством священнослужителей, как в сентябре в Санкт-Петербурге отца Александра Жаркова, могут постараться и вовсе покончить с почему-то столь мешающей Русской Зарубежной Церковью. Но если мы будем трудиться о Христе, а не во славу свою, она непременно принесёт плод. Не надо нам смущаться всем этим. Для Церкви Христовой тяжкие обстоятельства — не в диковинку. Больно, конечно, видеть благонамеренных людей, соль заблуждающихся, но ведь и мы не без греха. Хотелось бы, мирно всё выясняя, постепенно срастись в послушании Христовой истине — ведь послушание Ему единственный путь. Ведь по существу Русская Церковь едина. Однако, задача — это единство выжить. А для этого должны в Русской Церкви вырасти силы, способные остановить губительный процесс.

Любящий нас Господь вполне может предусмотреть нам для духовной пользы более узкий и тернистый путь. Лишь бы не поскользнуться, не сойти с него!

А монашеский подвиг для всех православных, как духовный стержень. Поэтому мы счастливы, что есть у нас в Мюнхене мужской монастырь и

десяток монашествующих. Богослужения совершаются по афонскому уставу. С четырёх утра до половины девятого. Вечером два богослужения — по часу каждое, или же всенощное бдение без сокращений. Непрестанная молитва Иисусова, известная как «умное делание» у древних пустынников.

А вместе с тем, по традиции преподобного Иова Почаевского (ведь монастырь произошёл от Почаевской Лавры) — печатное дело на самом современном уровне. Календари «Весник» по-русски и «Vote» — по-немецки.

— По старой русской традиции, сейчас (1989) идёт подготовка к рождественским праздникам. Как наша церковь готовится к этим дням и что бы Вы хотели сказать своим православным христианам.

— К Рождеству готовимся сорокадневным постом. Правда, менее строгим, чем Великий пост перед Пасхой. А канун Рождества — сочельник. До вечера ничего не едят и не пьют, только после богослужения — «сочиво». Конечно, пост без молитвенного подвига — это просто диета. Готовимся и молитвой. А в сочельник утром особое богослужение — царские часы и литургия святого Василия Великого. Наконец, после литургии выносятся свеча на середину храма и впервые поётся тропарь Рождества. Но гораздо раньше, со дня Введения во храм Пресвятой Богородицы (4.12), уже поётся на каноне «Христос рождается, славите! Христос с небес, срящите...», то есть встречайте.

Это и хочется сказать всем: славьте и встречайте Его изо дня в день, ново рождаясь во Христе — благодарением и любовью.

Отец Николай, спасибо и хорошего Вам Рождества.

ТАВРЕЛИ — ДРЕВНИЕ РУССКИЕ ШАХМАТЫ

*«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен...»*

.....
Воителю слава — отрада...

А.С. Пушкин. Песнь о вещем Олеге

Знал великий поэт, любитель и ценитель шахмат, что за много столетий до его рождения подвиги волхвов и их ратников были воспеты древнерусским народом в игре — одной из предшественниц классических индийских шахмат, которые назывались ТАВРЕЛИ.

История этой игры связана со временем дохристианской Руси и корнями своими переплетается с мифологией, вероисповеданием и прикладным искусством древних славян.

Игральные кости с цифрами и знаками на гранях, разноцветный галечник и большие плоские камни, расчерченные в клетку, нашли археологи в древних захоронениях в бассейне реки северный Донец и в более поздних захоронениях — в скифских курганах Приазовья, в Новгородских землях, на Черниговщине и совсем недавно — под старой Рязанью. Возраст русских шахмат-таврелей, по утверждению археологов, более четырёх с половиной тысяч лет. Можно сомневаться, можно, однако, и поверить специалистам и методикам современных технологических изысканий. Любопытных же читателей можно отослать к русским былинам, в первую очередь, к былине о Владимире Красном Солнышке и к Садко, где уже эта игра упоминается.

Цель игры — это пленение Волхва противника, то есть создание неотвратимой угрозы его взятия. В этом случае считается, что игрок поставил мат Волхву партнёра и выиграл партию. А начальная позиция игры полностью совпадает с классическими шахматами: игральная доска-тавля состоит из 64-х квадратов (8x8), поочерёдно светлых («белые поля») и темных («чёрные поля»). Право первого хода предоставляется игроку, имеющему белые таврели.

Любопытен и сам принцип игры в таврели — он говорит о характере древнерусского народа, который не отличался разбойничьим и кровавым нравом: военным набегам наши предки предпочитали мирное

хлебопашество и охоту. Если в индийских шахматах каждая фигура убивает друг друга и снимает с доски, то здесь берётся в плен и по ходу игры может освободиться и все фигуры до конца игры остаются на шахматном поле.

В правилах игры, в передвижении фигур можно даже проследить и существовавшую иерархию в отношениях древнерусских племён. Вот что по этому поводу говорит Владимир Александрович Ивановский, президент шахматной федерации по русским шахматам:

— Да, эту иерархию подтверждает символика фигур. Например, лучник-офицер или конь-всадник имеют своего ратника, то есть пешку. Если перевернуть ратника обратной стороной, то на ней будет символ коня или всадника. Каждый ратник, стоящий на исходной позиции перед своей таврелью (ратоборец, всадник, лучник, Князь и Волхв), имеет её символ на нижней своей поверхности и, достигнув в ходе игры поля превращения (на последней горизонтали), должен быть превращён только в эту таврель. Что ещё отличает таврели от классических шахмат — возможность всех таврелей при своём ходе ставиться на другие таврели (свои и партнёра), образуя башни. Исключение сделано только для Волхва — на него не должны ставиться таврели. Мы можем даже Господа Бога представить в трёх лицах, но Волхв — единожд, неделим, поэтому ратник, представший перед ним, превращается в особую фигуру — Хелги, которая соединяет в себе возможность всадника и князя.

Представьте себе шахматную доску и расставленные на ней таврели: конструкция их именно так и сделана, что их можно ставить одну на другую, и поэтому в народе их часто называли столбовыми шахматами. Если игра индийских шахмат развивается на плоскости, то таврели заставляют игрока мыслить в трёхмерном пространстве (приходится учитывать и положение таврелей в башнях).

Только один пример. Я построил столбушку и могу пойти на своего ратоборца всадником и князем. Князь вместе с башней мгновенно проникает, пользуясь своим правом, на поле противника и там размножается, точнее разделяется на две части столбушки, увеличивая свои силы в тылу противника. Вспомните легенды, в которых воины быстро проникали в стан врагов, метко стреляли и откатывались назад — вот вам и аллегория символов. А разве эта военная тактика не сохранилась и до наших дней?

В октябре 1996 года в Рязани прошёл первый турнир поклонников этой игры, а в следующем году состоялся 1-й международный турнир «Московские таврели». Проходил он в рамках Программы основных юби-

лейных мероприятий, посвященных 850-летию основания Москвы.

На Западе (и в Германии в том числе) живёт много бывших русских шахматистов. Хочется, чтобы их заинтересовали древние таврели, чтобы они стали проводниками этой высокоинтеллектуальной игры и в Европе, и в Америке, чтобы мы с ними встречались и как друзья, и как соперники в будущих международных чемпионатах по таврелям.

ЧАСТЬ IV. ДВУХТЫСЯЧНЫЕ ГОДЫ

ХОЛОДНЫЙ НЕУЮТ СВОБОДЫ

Письмо к Ольге Бешенковской и персонажам её повести

Синей речкой с жёлтыми и красными осенними берёзами — картинкой, куском детства, запомнилась мне школьная «Родная речь». Теперь держу в руках другую — второй номер нового литературного журнала. Мы только мечтали о таком, «четвёртая волна» это сделала: издала настоящий, «толстый» литературный журнал. Русский. В Германии. Ни оформление, ни содержание никак нельзя назвать провинциальным, чего можно было опасаться.

Начинаю читать со стихов.

«...Я стою в середине Европы
С азиатской тоской в глазах...»

Данил Чкония

«...И кажется уже, вот-вот,
И ты шагаешь за тот порог,

И даль откроется глазам...»

Вальдемар Вебер

Это рефрен основной темы журнала, — естественно, эмигрантской, но редакционная коллегия предупреждает: второй номер — только начало, и в будущем нас ждёт тематика самая разнообразная.

И вот глаза впиваются в первую строчку необычной по жанру, и по манере повести: «НЕНАВИЖУ...особенно немцев и евреев... Нет, всё-таки евреев и немцев...». Потом читаю название «Viehwasen 22». История с географией, или Дневник сердитого эмигранта» более пристально, вчитываюсь и настраиваюсь на ритм повести-дневника, и ... понимаю, что буквальная, плоская вера в каждую, начиная с первой, фразу автора, Ольги Бешенковской, по меньшей мере, наивна. Под маской «сердитого эмигранта» — волнующийся и страдающий автор. И мне уже кажется, что мы сто лет знакомы и дружны. Сочувствую грусти и печали, временами хохочу вместе с ней, вижу её ироническую улыбку и бесовские искры в глазах..

Часто читаем: редакция не несёт ответственности за... А мы, уважаемые читатели, несём ли мы ответственность за не-понимание автора? Не выдерживаю и звоню.

— Ольга, скажите, НЕНАВИЖУ — это что — позиция или поступок?

— Конечно, поступок.

И я благодарю её за журнал, и за повесть.

— А вы напишите.

Вот и пишу. Не рецензию и, уж тем более, не в защиту автора от её будущих «читательниц-блондинок». Не позиция — поступок. Позиция — это принцип и тут стоять надо насмерть. Поступок можно понять, объяснить. Зачем Бешенковской понадобился риск — оттолкнуть от себя первой же фразой только что приобретённую публику и нового читателя?

Повесть напечатана, стало быть, и вход в хайм V 22 для посторонних уже не запрещён. Я хочу поговорить по душам не с автором, а с обитателями этого общежития. Почему не с автором? Да потому что Бешенковская не только прозаик, но и известный поэт и у поэтов такого склада в России всегда с властями был разлад, а с жителями хайма V 22 — естественно, разный жизненный опыт. Не случайно в повести она дважды говорит об этом:

«... Поэт угрюм, поэт не вхож, ни во правительство, ни в храм,
Не посещает он, как Бог, молений в собственную честь...»

«... И представьте себе, был поэт абсолютно в себе,
И не прочил себя ни в министры, ни просто в Мессии.»

Итак, я хочу говорить с обитателями этого общежития. Не прошу персональных нар, мне хватит места за столом.

Дневником этим, «сердитым», резким, жёстким до жестокости, автор баламутит «эмигрантское болото», заставляет обитателей хайма V 22 заглянуть глубоко в себя... устыдиться — и освободиться от того, что не даёт им прийти к взаимно уважающей и взаимооживающей гармонии отношений Они — Мы. И почувствовать себя в этой стране — у себя.

— Не говори плохо, это меня сердит, — ещё недавно говорила мне моя младшая дочь. Я тоже не хочу вас сердить, дорогие жители хайма V 22, хочу лишь объяснить, что нас, старых эмигрантов, с вами роднит, а что — разнит. Не разделяет, нет, разнит — наш эмигрантский опыт.

Моя новая приятельница (из недавних эмигрантов) говорит:

— Конечно, Мюнхен не Москва, но жить можно, да вот немцы под окнами ходят.

А этажом выше живёт простая немка, пенсионерка. Поскольку получает она пенсию немногим больше социальной помощи моей приятельницы, по ночам она развозит по отелям газеты, не забывая «цап-царапнуть» пару свежих русских газет для своих новых соседей. Она знает, что у них каждый день стоит проблема выбора: потратить 5 марок на газету или на пачку сигарет.

«Нет повести печальнее...» И так, видимо, было задумано автором, дневник сердитого эмигранта провоцирует сложные чувства и вызывает из памяти пережитое. «Viehwasen 22» ещё раз убеждает в том, что и «четвёртая волна» эмигрантов из Союза, подобно предшественникам своим, не любит страну, её приютившую. Страсти, бушующие в повести, кажутся мне розовым бантиком на моей задубевшей эмигрантской коже. Моя эмиграция началась двумя годами ранее, ещё в Ленинграде, в отказе. День начинался подъёмом на эшафот, ледовыми побоищами в партийно-советских кабинетах, где ещё вчера ты была всеми уважаема, а сегодня стала врагом народа. Какая удивительная способность была у этой власти убивать в человеке — человеческое: выходя на улицу, я ждала, что каждый прохожий плюнет мне в лицо, а если не успеет, то в спину — обязательно.

Wladimir Mazin

12.02.98г.
Hannover

Здравствуй, Анастасия!

Шлю Вам очередной номер «Русской речи»,
в котором найдёте и своё письмо сердитому
эмигранту.

Педорка откликнулась несколько громче, есть
какое-то, на мой взгляд, личное и многоплановое
Честное слово, хватило бы одного Вашего письма,
ибо, как я уже писал Вам, — оно расставляет
все точки над *i*.

Вам — спасибо.

С любовью и уважением

*Письмо редактора журнала «Русская речь»
Brief des Herausgebers der Zeitschrift 'Russische Sprache'.*

Вы, сердитый эмигрант, не любите немецкую бюрократию — «... Справки в Германии собирают с такой же страстью, как в России — грибы...» — Но именно эти самые справки могут вас защитить и оградить от многих неприятностей. Со временем вы поймёте и оцените это. Перед отъездом я в течение двух лет пыталась получить одну-единственную справку, без которой нельзя было эмигрировать: что мой отец похоронен в братской солдатской могиле в сорок первом на Смоленщине. И когда

я обратилась в суд подтвердить этот факт, получила ответ: «судебный иск отклонить из-за отсутствия юридического обоснования». Достойная по-советски память павшим.

Пишу о себе, чтобы продолжить разговор на тему — наш эмигрантский опыт. Замечаю, что с некоторых пор я стала подразделять «советское» и «социалистическое». Советское, в моём теперешнем представлении, стало чем-то вроде надстройки, а социалистическое — базисом. Действительно, если бы у нас всех было бы одинаковое советское, то не отдыхали бы одни «от отдыха» на нарах хайма V 22, а другие — на нарах в Потьме, на Пряжке и Сыгчевке. Именно потому, что советское у нас разное, одни сочиняли «самиздат» и анекдоты, другие трудились над воплощении монументального лозунга «Вперёд, к победе коммунизма!». Не будь этого, «принципиальная» Нина Андреева научилась бы уважать мои принципы, не поступаясь своими.

Мои, моё — этим местоимением я называю социалистическое в нас. Мы были там Дома, (это слово пишу теперь в соответствии с немецкой грамматикой, только с большой буквы) равно нищие, довольные тем, что «...и всё вокруг колхозное, и всё вокруг моё...»

Мой приятель юности, Петя Маслов, говорил:

— У меня правило: на последние два рубля всегда покупаю четвертинку.

Не все знали это, но все жили также, потому что два рубля всегда последними...

Мой гражданский муж несколько лет тому назад продал свою фирму в Германии, заплатив солидный налог государству (заметьте, сердитый эмигрант, — на ваше социальное пособие, чтобы уютнее было лежать на нарах и вспоминать «цветные корешки любимых книг»). Став безработным, смог он, наконец, посетить свою историческую родину — деревню Sankt Peters, что в благодатнейшей, когда-то, Австро-Венгрии, а ныне — социалистически-капиталистически-перестроечной Венгрии.

Встретили его бедные родственники, и захотелось ему помочь им. (Читай, сердитый эмигрант, начало повести о мороженом, роскошном «Мерседесе», скупости и жадности немцев). Однажды он задал мне вопрос, чтобы я делала, будь у меня сегодня деньги в российском Сбербанке и что бы я чувствовала, потеряв их. Что? Заболела бы, потеряла бы сон и покой. Мне, неимущей, можно себе это позволить.

В то время как он, предприниматель, должен быть всегда в форме. И добавил, что спрашивает меня об этом, потому что в этом году он потерял чет-

верть своего капитала и всё из-за того, что «Клинтон не научился ширинку держать застёгнутой». Так у кого же из нас «монетный звон в ушах»? — это всё к той же, 119 странице повести-дневника. Получив моё, которое только что было было не моё, дорогие родственники с замыслом «дающего» не справились, и пришлось ему переехать в Венгрию, самому строить фирму. Интересно наблюдать за этим новыми «сохозяевами», совладельцами фирмы, которых интересует только один вопрос, а что здесь принадлежит мне? И в этом венгры ничуть не отличаются от нас, бывших советских. И не Германию мы не любим, а себя в ней. Потому что потеряли привычное всеобщее моё, которого здесь, простите, и не бывало.

Я пишу не рецензию. Просто по ходу повести отвечаю, что нравится и что огорчает. Радуюсь психологическим совпадениям слова и сути. Радуюсь, что сердитый эмигрант сердится не во всю длину строчек. Сожалею, что эту повесть-исповедь не могут прочесть немецкие феминистки, которые сердиты на меня. Несколько лет тому назад в переводе на немецкий была опубликована моя статья. Суть её сводилась к тому, что западный феминизм норовит уничтожить личность мужчины, а советский — защищает его, бедного. Читаю в повести: «Жить за каким-то мужем — как за забором... Всё равно не я буду за ними, а они за мной... при любом возможном раскладе...» А этот «возможный расклад», как советские выборы из одного кандидата, сводился к простому. Мы, жёны, матери, подруги, мы были тем забором, за которым укрывали наших мужчин от беспощадной системы. Только за нашим забором они приобрели чувство достоинства, повадку хозяина и добытчика. И, несмотря на это, горькой памятью застряли во мне слова покойного мужа, который до самой смерти задавал один и тот же вопрос: почему ты никогда не говоришь мы, а только я. Теперь радуюсь, когда мне говорят мы.

Если бы я писала рецензию, то должна была бы написать, что теперь уже меня, читательницу дневника, рассердило (с больной головы на здоровую?). Увлёкшись необычностью стиля повествования — «постепенно входя во вкус и экстаз», сердитый эмигрант местами явно «переживает», провоцирует уже ради самой провокации. Но — это не моя тема. Я пишу об одном — о разности нашего эмигрантского опыта, о том, что мне помогает жить в Германии, а вам, сердитый эмигрант, мешает.

Несколько раз в повести повторяется «Warum sind Sie nach Deutschland gekommen?» — трудно усвояемый вашей печенью, оскорбительный для вашей тонкой конституции «Обитатель V 22», вопрос... А как бы себя чувствовала она (ваша печень), если бы этот неделикатный вопрос, здесь, в Германии, задавался вам ещё чаще на нашем, родном... И задавал бы его такой «роди-

мый», которого хотелось наотмашь ударить, потому что он с твёрдой уверенностью сам себе отвечал: «Знаем зачем! КГБ — подкармливает, КГБ — доплачивает».

И вправду, зачем приехали, зачем прилетели? «...Редкая птица долетит до...». Николай Васильевич, да вы же всех птиц знали! ПМЖ — птица выносливая, она не только долетит, но уютного гнезда потребует и время гнездования выберет продуманно. Как же эту, тяжеловетную, можно сравнить с лёгкокрылой, залётной, туристической, которая на пару недель приземлится на берегах Невы? «Коль, пиво, сосиски..., а зачем вы в Россию приехали?». Тут сердитый эмигрант не учёл, что читатель легко отличит зерно от плевел. «Где мельница, а где вода?» Не надо передёргивать карты и притягивать за уши факты.

Вопросы к нам не всегда опасней тех, что зависают в нашем мозгу и памяти страданием и долейю.

— А этот убивал? — был самый опасным для моей адаптации и интеграции.

— А этот?

Звонит немка — приятельница, говорит, что умер отец.

— Eva, mein Beileid, ты думаешь, я хочу хоронить гитлеровского генерала? (И чего вру: хоронить — я бы их всех ещё в сорок первом похоронила, будь моя воля, но поминать — увольте).

Не уволили — посадили между двумя бывшими полковниками. Сразу же слышу привычное: «Я не убивал». Тот, что справа, лётчик-топограф, слева — офицер связи. Не убивали.

И только однажды я плакала вместе с тем, кто убивал... В начале перестройки от West-Ost Forum я часто выступала с публичными лекциями, в которых пыталась остудить в немцах экстаз любви к ГОРБИ и перестройке. Признаюсь честно, мне это не удалось.

— Мы понимаем, сказали мне однажды, — вы обижены этой системой и по-другому говорить не можете.

Но однажды меня поняли... После лекции в мужском монастыре в Weltenburg, что на Дунае, мы разговорились с настоятелем. В ответ на его вопрос, где я провела военное детство, я сказала: на Смоленщине, в обозе партизанского отряда, в Каспьянском лесу, куда меня упрятали после гетто.

— Я убивал вас, я убивал... — он разрыдался. Позже привёл меня в свой кабинет и показал записную книжку-дневник, которую читали вместе.

«24 августа, Каспля. Сегодня партизаны убили Отто, моего лучшего друга. Траур.»

В этот день мне исполнилось 2 года, это был день моего рождения.

Не знаю, как вы, «Обитатели V 22», но я простила Pater Odilo. Мы подружались. И он до конца дней своих молился за меня.

Перелетая снежные и бесснежные границы, оказались мы здесь. Общее у нас — миллиардами клеток своих каждым прочувствованная утрата родного окружения, привычной жизни.

«...ты можешь вынести максимум одну эмиграцию. Ибо вкладываешь в этот бросок всё оставшиеся и сконцентрированные в солнечный комок силы — как последнюю страсть» — это слова Ольги Бешенковской. Но парадокс в том, что даже общее в нас — разит.

«Все карты биты. Мир угрюм и пуст.

А дальше — космос: чёрная чужбина...»

Не на Западе, а в безвоздушном пространстве чувствовали мы себя поначалу, но мы учились свободе! Редкий из вас, сердитые «Эмигранты V 22», до эмиграции не побывал на этом самом Западе гостем, туристом, в деловой или творческой поездке. Получив немецкое гражданство, мы навсегда потеряли и отчество и отечество. Вы же переместились, смешав «историю с географией», на другие широты и долготы, сохранив — пока — «серпастый и молоткастый». Мы уезжали навсегда. А вы? Да и уехали ли вы вообще, оставив Дома «корешки любимых книг»? Вы существуете здесь и не живёте там.

«...И пребываю за границей
хотя считается — живу»

Мы живём, потому что свободны. А вы оказались в собственной тюрьме, да ещё самими охраняемой. Не могу удержаться от одной цитаты Вадима Перельмутера писателем и составителем книги «К Верховьям» Аркадия Штейнберга, приводятся слова этого поэта:

«...в лагере неизбежно и прежде всех — без шанса уцелеть, — погибали те, кто относились к своему сроку как ... перерыву в жизни, который надо не пережить — переждать, а не как к самой жизни... Понимающие это могли не выжить, не понимающие — не могли выжить».

Уверена, в «Хайме V 22» нет непонимающих. Перед вами новая зона —

мир, страны и континенты. Пора освободиться от «скарба скорби» и начать «нечаянную жизнь», как у поэта, автора повести «Viehwasen 22».

«Мы стоим, как волхвы, над рождением нового дня,
И каким бы он ни был, для нас он — великое чудо...»

ВОСТОК — ЗАПАД. 2000 ГОД.

«Кадры решают всё» — кто из нас, бывших советских, не помнит этих слов? Но именно эта формула стала основной задачей баварской организации OWZ-Bayern (Баварский восточно-западный центр), которую возглавляет со времени её образования господин Х. П. Мюллер.

На воспитании европейского менеджмента, мастерства делового администрирования и построено экономическое сотрудничество Баварии с двадцатью тремя странами Восточной, Центральной и Южной Европы, Средней Азии и Америки. Руководством этой организации решаются и вопросы делового сотрудничества с Сербией, Черногорией и Албанией.

Баварская экономика заинтересована в расширении контактов в этих странах, в создании уважительного и доверительного микроклимата, в подготовке менеджеров для ускорения реформ малых и средних предприятий.

Более двадцати тысяч руководящих сотрудников этих стран стали курсантами баварской школы и её многочисленных филиалов. За десятилетие более пяти тысяч человек уже побывали в самой Германии. В свою очередь 1 782 немецких предприятия, благодаря тесному контакту с OWZ-Bayern, успешно работают на территории бывших социалистических стран. Задача этих предприятий — на практике осуществить новые идеи рыночной экономики, организовать производство в соответствии с рыночной экономикой, показать, какую роль играют деньги и инвестиции во взаимовыгодном сотрудничестве.

19-20 октября 2000 года в Мюнхене проходила вторая конференция «Восток-Запад» по случаю десятилетия образования OWZ— Bayern. Темой встречи стали: опыт, стратегия и перспективы развития программ повышения квалификации.

«Десять лет тому назад мы собрали на нашу первую конференцию около двухсот человек, — сказал в приветственном слове госсекретарь баварского министерства науки, транспорта и технологий Ганс Шпитдиер. — Сегодня в этом зале нас уже более пятисот. А через пять лет, мы надеемся,

придется искать помещение на тысячу мест». В работе конференции приняли участия дипломаты и работники посольств, министры и госчиновники. Радует нас, мюнхенцев, что в работе конференции впервые приняло участие эмигрантское общество «Интеграция российских учёных» Мюнхена, возглавляемое доктором технических наук Марком Даховым.

На открытии конференции были заслушаны доклады министра экономики, транспорта и технологии земли Бавария доктора Висхоя, зам. директора администрации премьер-министра Украины И.Васюника, доклад Министра высшего и среднего специального образования республики Узбекистан проф. С. Гулямова.

Мне же захотелось задать несколько вопросов академику А. Агабеняну, ректору Академии Народного хозяйства при Российской Федерации.

А.Т.: Господин Аганбегян, вы были свидетелем и участником сталинских пятилеток, хрущёвских и косыгинских реформ, гайдаровских переворотов в экономике и пятисот дней Явлинского. Теперь принята новая президентская программа. Вы верите в экономическое возрождение России?

А. А.: Ну, во-первых, эти программы не были долгосрочными. А второе и главное: в России экономическая ситуация коренным образом изменилась после почти десятилетнего экономического кризиса, который был ещё усугублён финансовым кризисом 98-го года, я вижу начало оживления и подъёма российской экономики.

Одна треть этого роста связана с благоприятной мировой конъюнктурой: очень высокие цены на нефть, газ и металлы, а это наши основные продукты экспорта; на две трети этот рост связан с фактом длительного долговременного развития. Это — установление рыночного вального курса рубля, который стал стимулировать экспорт и ограничивать импорт. Таким образом, высвободились на рынке ценные ниши, которые были заняты импортными товарами, — теперь на них работают наши отрасли. Поэтому лёгкая промышленность последние годы растёт быстрыми темпами, а за ними и пищевая промышленность и производство продукции длительного пользования.

Снижение процентной ставки на капитал делает более выгодными кредиты, сокращая тем самым бартер и взаиморасчёты. Инфляция следующего года по прогнозу составит 12 против 18% в этом году. Рейтинг России заметно растёт на мировом рынке. Сокращается доля государства, а ВВП (валовом внутреннем продукте), проводятся налоговая и таможенная реформы. Сокращение ВВП увеличивает прибыль частного сектора,

а снижение таможенных пошлин даст возможность вступить в ВТО (Всемирную торговую организацию). За счёт лучшего сбора налогов и сокращения госрасходов впервые за всю историю в бюджете доходы превысят расходы, и Россия сможет выполнить свои внешние обязательства уже без займов.

А. П.: Означает ли это, что эти успехи заставят Российское государство по-новому решать вопросы ведения бизнеса?

А. А.: Конечно. Раньше главной проблемой России было выживание, сейчас — развитие. А где развитие, там на первый план выдвигаются инвестиции и инновации, подготовка кадров. С точки зрения менеджмента, главное — стратегия, определяющая картины будущего, разработка перспективных программ. В целом по России правительством принята программа социально-экономического развития страны до 2010-го года, что облегчает проведение долгосрочных рыночных реформ. Ускорению экономического развития России способствует более благоприятная политическая ситуация в стране, когда действия президента одобряет 70% населения, и разные ветви власти — президент, правительство и парламент — работают довольно согласованно, без противоречий.

А.Т.: Кстати, о депутатах. Вчера в кудуарах я встретила с группой думских депутатов партии «Единство», но, к сожалению, забыла задать им важный вопрос, совместимы ли депутатская деятельность и бизнес? Можете объяснить нашим читателям, как?

А.А.: Объяснение простое. С одной стороны, часть депутатов обучается, в том числе и в нашей академии. С другой стороны, депутаты содействуют обучению хозяйственных кадров. Есть у нас и главная программа — так называемая Президентская программа для молодых руководителей. Депутаты её курируют совместно со специальным думским Комитетом по образованию. Поэтому депутатская поддержка очень важна и участие депутатов в работе конференции OWZ-Bayern совершенно закономерно. Мы же благодарим эту организацию и правительство Германии за оказанную помощь: около полутора тысяч российских руководителей нового типа за десять лет прошли здесь обучение и стажировку.

Поблагодарив академика Аганбеяна, я подхожу к одним из тех, кто непосредственно занимается учебным процессом. Беседую с директором агроконсорциума «Новые земли» с центром в Дрездене госпожой Мюллер и координатором проекта Шаховым.

Ш.: Мы принимаем на обучение уже пятую группу, и сейчас новая группа россиян из двадцати человек приехала на консультативно-трени-

рочную программу повышения квалификации руководящих кадров российской экономики. Наша задача — интересно и с максимальной пользой организовать встречи наших курсантов с немецкими фирмами и провести с ними семинары типа тренинга. Агроконсорциум «Новые земли» — один из двенадцати учебных центров в Федеративной Республике Германии, которые заняты в Президентской программе России. Но мы — единственный консорциум, который находится в новых землях: Саксонии, Бранденбурге и Мекленбурге.

А. П.: Господин Шахов, а что вы можете рассказать о моих соотечественниках и ваших курсантах?

Ш.: Я работаю с ними уже несколько лет, но первые впечатления меня не покидают. Наши курсанты — люди молодые, высокообразованные, очень стремительные и любознательные. Особенно это относится к руководителям предприятий малого бизнеса, которые очень заинтересованы в развитии новых деловых контактов с Германией. Но наши отношения не ограничиваются только учебным процессом, мы с интересом следим за успехами этих молодых людей уже у них дома. Здесь в зале, например, сидит наш бывший курсант бизнесмен Тущенко. Претворив в жизнь идеи, полученные у нас, он с большим успехом организовал Торговые Дома по всей России и основным центром торговли выбрал среднее Поволжье.

А. П.: Расскажите, пожалуйста, о перспективах содружества «Восток — Запад».

Ш.: Программа президента Российской Федерации подтверждена в финансовом отношении российской стороной до 2003 года, а с немецкой — пока до 2001 года. Но так как эта программа очень плодотворна для обеих сторон, мы уверены, что она будет продолжаться. Русское правительство выделило до 2003 года 4 млрд. марок. Немецкая сторона финансирует эту программу через «Трансформ» — правительственную программу, генеральным менеджером которой является общество им. Карла Дюсберга. Мы полностью оплачиваем пребывание наших курсантов, их обучение, стипендии и организацию семинаров. К тому же, каждая земля дополнительно выделяет средства, исходя из своего бюджета. Как видите, цели у нас общие и мы хотим видеть «Восток — Запад» экономически с западным уклоном.

ОП ВСТРЕЧИ К ВСТРЕЧЕ

С бывшим российским консулом, а ныне уполномоченным представителем Баварии в России господином М Логвиновым наш корреспондент А. Поверенная встречалась в Москве дважды: на выступлении экс-президента СССР М. Горбачёва и на пресс-конференции с руководящим советником министерства экономики, транспорта и технологий земли Бавария господином Бенд-Иоахимом Пантце (Pantze).

А.П.: Из всего, сказанного первым президентом СССР, мне больше всего запомнились слова: «Не начни я перестройку, и сегодня сидел бы в своём президентском кресле». Михаил Аркадьевич, в чём Вы почувствовали больше горечи: в том, что Горбачёв потерял своё рабочее кресло или в том, что перестройка пошла не в том направлении, о котором он мечтал и на которое с полной отдачей работал?

Логвинов: В главном. Я понимаю, что многие россияне обвиняют Горбачёва во всех бедах, свалившихся на нашу страну. Уверен, что время и история воздадут ему должное. И горечь моя в том, что не все захотели понять и прочувствовать то огромное бремя ответственности за перемены, которые он добровольно взвалил на себя. Не будь он так решительно настроен, жить бы нам и сегодня в пост-брежневском режиме и не мечтать о демократии.

А.П.: Да, демократии как и элегантности не бывает много и всё же российская демократия особенная. Возьмите, например, Думу — там каждый депутат, при желании, может создать под себя новую партию или движение. Вчера на эту тему я говорила с Виктором Черепковым, бывшим мэром Владивостока, а ныне известным российским политическим деятелем. По его словам: «Отечество легло под Единство — партию нового КПСС, но уже в медвежьей шкуре. Вновь созданная Народная партия — это финал Единства. Не больше. Поэтому я вынужден создавать свою партию Свободы и народовластия, которая сможет разбудить 65% не голосующего и не участвующего в общественной жизни населения нашей страны, но без которого нам не создать гражданского общества в России».

А.П.: И всё же, Михаил Аркадьевич, как Вы оцениваете новую Народную партию, которая уверяет жителей федерации совместить несовместимое: объединить интересы избирателя — обывателя с интересами Кремля. Не ляжет ли эта «народная партия» говоря языком Черепкова, под президента России?

Логвинов: Много не скажу. На эту партию надо хорошенько посмотреть и поразмыслить. Пока ясно, что она немногочисленна, вышла из думского депутатского объединения «Народный депутат», где депутаты избирались по одномандатным округам. Меня как гражданина настораживает непосредственность этих партийцев. С одной стороны, они выступают с демократическими лозунгами о преодолении экономической слабости России и борьбой с бедностью населения. С другой — предлагают централизовать планирование экономики, установить жёсткий эффективный госконтроль за деятельностью естественных монополий, контроль со стороны общественности за разбазариванием ресурсов государства и так далее. Думаю, что в скором времени мы поймем — что с ней и кто с ней.

А. П.: А теперь я хочу задать мой главный вопрос, с которым я пришла сегодня на эту пресс-конференцию. Как юридически можно обосновать Ваше новое назначение уполномоченного представителя Баварии в России? С вашим предшественником, господином Коббе всё ясно. Учёный, физик, много лет проработавший в России, глубоко понимающий всё происходящее в нашей стране, но представляющий интересы Баварии будучи гражданином Германии. И Вы, российский подданный с верительной грамотой доверия Земли Бавария. Как же надо уметь работать, чтобы взаимовыгодно, а главное, взаимно равноценно проводить в жизнь баварско-российскую и российско-баварскую экономическую политику?

Логвинов: Ещё недавно Вашего вопроса просто не существовало бы потому, что не было прецедента. Но мир, несмотря на катастрофы и международный терроризм, всё-таки добреет, растёт взаимное доверие, особенно у Запада к России. Это общий ответ на Ваш вопрос. Но есть и личный. В Германии много лет меня знают, и мне доверяют. Приятно, что сегодня из Мюнхена в Москву прилетел господин Пантце, мой бывший партнёр и нынешний шеф, чтобы представить меня в новом качестве. Вся моя жизнь связана с Германией. Ещё при Аденауэре, студентом института международных отношений работал в нашем посольстве в Бонне. С 1987 по 1992 годы до окончания существования ГДР я служил советником по прессе. Последние четыре года был консулом Российской Федерации в Мюнхене. Работать всегда интересно, и перемены, произошедшие в российско-германских отношениях, пришлись на самый важный отрезок моей жизни. Доверие ко мне и, кстати, к двум другим представителям Баварии — японцу в Токио и украинцу в Киеве подтверждают насколько интенсивно развиваются новые совместные отношения. Есть чему поучиться у Баварии. Не все помнят, что после окончания Второй мировой

войны эта земля была самой отсталой в Германии. Но за 30 послевоенных лет сделал стремительный рывок вперёд. Сейчас Бавария — государство в государстве, здесь самые высокие технологии, начиная от военно промышленного комплекса до самых малых производств, до продуктов питания, пива, мясомолочных и др. Более подробно о совместном сотрудничестве участникам конференции рассказал господин Пантце.

Пантце: Шесть лет баварского представительства в Москве принесли неплохие плоды. Сегодня одна треть немецких инвестиций в России — баварские, прямые инвестиции составляют до 20% всех немецких инвестиций за рубежом. С 90-х годов импорт из Баварии в Россию вырос на 77%, а после августовского кризиса 1998 года — на 113%, и составил более 7 млрд. немецких марок. Но цифры и количество марок — это не всё. В рыночной экономике существует одна истина: самый лучший бизнес можно делать только с сильным партнёром, не подчиняя, а работая на равных. И мы доказали это нашим российским коллегам в трудные августовские дни: их покинули все: и англичане, и французы, а мы остались и продолжали работать.

А.П.: Господин Пантце. Вы впервые выступаете на страницах русскоязычной газеты. Я хотела бы попросить рассказать нашим читателям о задачах, которые ваше министерство ставит перед господином Логвиновым?

Пантце: Господин Логвинов мог пойти в отставку, на пенсию, но принял на себя нелёгкое дело. Нам нужны его знания, идеи и огромный опыт в экономической дипломатии и инвестиционном климате. Нам его учить не приходится — все эти вопросы он с успехом решал в качестве российского дипломата.

Вот только некоторые задачи, стоящие перед ним:

1. Экономические и политические контакты между Баварией и Россией.
2. Оказание всяческой поддержки немецким фирмам и представителям в России, их связь с необходимыми ведомствами и службами на местах.
3. Работа над расширением географии российских партнёров во всех отраслях народного хозяйства.
4. От простого торгового начала находить выход на прямые инвестиции, с тем, чтобы Бавария могла продавать свою продукцию на российском рынке.
5. Информация. Расширение инфраструктур, реализация совместных

проектов как на местах, так и на межправительственном уровне и многое другое, включая посредничество в двусторонних отношениях, так как повседневная работа не проходит без проблем. И последнее, что я хотел сказать. Мы деловые люди, знаем Россию и её имидж в Германии с нашей стороны намного лучше, чем его представляют наши средства массовой информации. С этой целью летом этого года к дням Баварии в Москве мы привезли с собой девять журналистов. Чтобы показать им «Нашу Москву» и исправить, откорректировать имидж российской столицы на страницах немецкой прессы. Но над этим надо работать постоянно и нам и вам.

Логвинов: Мне остается поблагодарить господина Пантце за добрые слова в мой адрес, и заверить обе стороны, что буду стараться делать всё зависящее от меня, чтобы подняться на качественно новую ступень. Все возможности для этого есть: стабилизировалось положение в России, постоянно проходят встречи глав наших государств, меняется отношение Запада и Америки к России. Фундамент заложен моими предшественниками, и я продолжу его строительство.

НЕ ОСКУДЕЕЛИ РУКА ДАЮЩЕГО...

Если бы меня спросили, как назвать Путинский период правления, я бы его назвала эрой цинизма. И отделяют Путина от народа и от страны два преданных ему заграничных. Первый — в лице друзей-товарищей по кооперативу «Озеро», всякие тимченко и роттенберги, убивающие Россию материально. Второй (более холуйский) — из бездумных думцев: яровых, исаевых, сидякиных и примкнувших к ним газетчиков: скойбеда, сунгоркина и других, убивающих страну идеологически как в глазах думающих россиян, так и в глазах всего мира.

Вывозить деньги из России оказалось престижнее, чем их ввозить из-за рубежа и тратить на собственные нужды.

Именно поэтому в Думе с беспечной лёгкостью был принят закон «Об иностранных агентах», предложенный депутатом А.Сидякиным. И таких сидякиных в Думе — большинство.

Теперь организации, получающие зарубежную денежную поддержку, должны рассматриваться как иностранные агенты и их деятельность у российской власти считается политической.

Только закон этот не объясняет, как власть будет поступать с теми, кто одновременно выступает в двух ролях — и спонсора, и получателя?

Мне хочется рассказать о людях, доброта которых правит миром вопреки абсурдности российской политики.

Сажу за чаем с моим давнишним другом Петером Бём, бессменным председателем и организатором общественной благотворительной компании «Помощь престарелым людям города Москвы».

Я говорю о Петере Бём и его недавно ушедшей из жизни супруге Ирине Крюковой-Бём, которые двадцать два года тому назад и создали «Altenhilfe Moskau», за что гражданин Германии Петер Бём в 2000 году получил российское гражданство и, который при нынешнем законе стал двойным агентом. С болью, горечью и полным недоумением Петер спрашивает, как же так получилось, что мыть, подмывать, менять памперсы, стричь ногти и волосы никому не нужным и брошенным старикам, как эту помощь, эту работу можно считать политическим вмешательством в жизнь современной российской истории? И как эти обездоленные, которые стали спать на чистом белье и почувствовавшие заботу к себе и уважение к их старости, как эти люди тоже вдруг стали иностранными агентами только потому, что они приняли эту помощь?

Недавно я шокировала моих пишущих друзей вопросом: «Кого и когда в недалёком прошлом Вы назвали благородным человеком?» Друзья задумались: и слово, и понятие — благородство уходят, к великому сожалению, из нашего обращения...

Я же, не задумываясь, пишу о семействе Бёмов.

Вначале 90-х из Мюнхена в Москву прилетели два человека, получившие только что пенсионные удостоверения. Журналист фирмы «Сименс» Петер Бём и его жена Ирина Крюкова-Бём, профессор факультета славыстики мюнхенского университета.

Оба — люди небогатые, со скромной пенсией, но Москва поразила их протянутыми за милостыней руками — в метро, на тротуаре, в подземных переходах, магазинах, церквях.

Пенсия горожан в те дни составляла в среднем 90 рублей, а обменный курс был 18 марок за один рубль. Дав бедняку 10 марок, иностранцы дали каждому двухмесячную пенсию.

И встал вопрос, что будет с теми, кто уже не может выйти на улицу, кто безнадежно болен?

Подумали и организовали рейд по дому, где они остановились — у родственников Ирины. Таких оказалось шесть человек, и они тоже остались без иностранной денежной помощи.

Вернувшись домой, получили около 30 благодарственных писем, пересланных родственниками Ирины. Дома собрали сходку: друзей, знакомых, знакомых их знакомых, перевели и прочли на немецком письма благодарности. Затем пустили «шапку по кругу» и собрали первые деньги — пожертвования для московских стариков.

Это и было по сути первое заседание общества «Altenhilfe Moskau».

Но собранные деньги нужно было передать в надёжные руки. И следующей задачей общества было создание такого же благотворительного общества в Москве. Опять нашлись знакомые, которым можно было доверить чужие деньги — преподаватели медучилища Ирина Збарская и Аза Парастаева, которые и возглавили первое в России нерелигиозное «Московское общество сестёр милосердия».

Китайцы говорят: «Как бы ни трудна была дорога, всё начинается с шага». Первым шагом сестёр милосердия была материальная поддержка пожилых людей, потом появилась потребность в медицинской психологической помощи.

Принимается невероятное решение — создать первый в России лицей, призванный давать соответствующую профессиональную подготовку за-

интересованным в такой деятельности молодым людям. Такие школы давно существуют в Германии и в других странах Запада.

А.П.: Петер, ты же не «великий фантаст», а трезвый немец. Как ты не побоялся открыть учебное заведение, о котором никогда не слышали ни в Москве, ни в России?

Г-н Бём: Не побоялся. И мы даже очень скоро перешли на самокупаемость. Вначале нам очень помог Баварский Красный Крест. Мы просто взяли программу их медицинской школы. Потом пришли к решению, что нашими студентами будут квалифицированные и с опытом работы медицинские сёстры. Сразу же мы начали обучать их немецкому языку, потому что после первого года обучения они получали практику в наших больницах и часть зарплаты отчисляли на содержание родной школы.

Работали мы в двух районах города Москвы — в Шукино и Северном Тушино. И каждый новый проект — это большая работа и ответственность.

Например, в середине 90-х мы вместе с немецкой фирмой «Вернер и Пфляйдер» открыли в Москве мини-пекарню. Фирма «Мерседес» помогла с компьютерами. В Мюнхене мы ежегодно проводили фестиваль «Ein Herz für Russland», где ведущие солисты Большого театра давали концерты в пользу наших московских стариков. Можете не сомневаться, что спектр нашей деятельности довольно широк. Помимо мобильно-социальной службы мы занимаемся и культурно-социальной. В Северном Тушино у нас и сегодня открыт такой центр «Золотая осень», где стариков не только хорошо кормят, но и занимаются их досугом, который проходит в атмосфере любви и домашнего уюта.

И люди из «Золотой осени», узнав о катастрофическом наводнении в Германии, тоже пришли на помощь своим зарубежным друзьям. Пусть сумма этих собранных денег была очень скромной, но германское посольство в Москве приняло это пожертвование с радостью, понимая благородный порыв братской помощи.

А принятый закон «Об иностранных агентах» разрушает и эти общечеловеческие ценности и отношения.

Мне в этом году — 88 лет. Ирины нет. И я не могу больше руководить обществом. Те же члены общества, кто помоложе, тоже отказались продолжить работу, почувствовав себя оскорблёнными после принятия этого закона. Очень жаль, но мы вынуждены самораспуститься.

А.П.: Петер, а можно узнать, сколько денег за эти 22 года ты перевёз в своих карманах через российскую таможню? Уверена, что никаких бан-

ковских счетов по этому поводу вы и не заводили. И ещё я помню, с какой щепетильностью ты и Ирина относились к этим «своим-чужим» деньгам, что даже сотни почтовых марок и конвертов вы покупали на свои личные деньги.

Г-н Бём: Не знаю, как считать — много или мало, но мы собрали 2 миллиона евро. Общий список спонсоров у нас около тысячи, но людей, дающих крупные суммы, всего несколько. В основном наши спонсоры — небогатые пенсионеры, взнос которых не превышает 100 евро в год. Но люди остаются людьми вне политики. Поэтому, уходя, я передал весь спонсорский список г-же Anna Hofinga, которая в 1992 году открыла во Франкфурте на Майне общество «Перспектива», помогающее деньгами Москве.

За разговором я просматриваю награды г-на Бёма.

Самая солидная — немецкий крест — Das Verdienstkreuz, выданный президентом Германии в 2002 году. Москва тоже не скупилась на грамоты: от Правительства Москвы, от Управы района Северное Тушино, от Международной Ассоциации Добровольческих Усилий, от Департамента Социальной Защиты Населения г. Москвы, от Комитета и Московского Дома общественных связей г. Москвы, от Московского Городского Благотворительного Совета.

Закрыв или хотя бы сократив количество этих организаций, на хлебников московского бюджета, старость москвичей была бы более достойной и без немецкой помощи.

Мы же можем вынести только нашу читательскую благодарность г-ну Бём и его подвигу.

ВСЕ МОДЫ В ГОСТИ К НАМ...

Интервью Анастасии Поверенной с модельером-дизайнером из Санкт-Петербурга Любовью Рубенян.

А.П.: Мировую гармонию, поэзию пространства и времени, этики и эстетики, морали и нравов на острие карандаша держит в своих руках художник-модельер. С одной из законодательниц российской моды Любовью РУБЕНЯН я и хочу познакомить сегодня наших читателей.

Путь её к большому искусству был долог. Ребёнком Люба училась у Некрасовой-Коромеевой в художественной студии при Эрмитаже. Будучи подростком она занималась композицией в художественной школе Ленинграда у Александра Совлачкова, ученики которого известны сейчас в Париже и в Европе.

Фундаментальную подготовку по всем видам искусства: академическая живопись, рисунок, композиция, театральные плакаты и всё, что связано с промышленным дизайном, талантливая девушка получила в художественном училище имени В. Серова (ныне Рериха). В 1993 г. Любовь Рубенян с отличием заканчивает в Санкт-Петербурге кафедру моды, созданную в 80-е годы на базе Московского технологического института. А через несколько месяцев её принимают в Союз Художников России. Ещё студенткой Люба становится участницей многочисленных художественных выставок и заявляет о себе как о художнике с индивидуальным почерком и стилем. Но одного таланта мало...

А.Р.: Действительно, одного таланта недостаточно. Путь к успеху и хорошему образованию — это учителя. Без моих любимых преподавателей Ноны Меликовой и Светланы Чельшнёвой, без нашей Ирины Сафроновой, завкафедрой, я бы не состоялась как художник. Формирование специалиста, прокладывающего свой особенный путь в искусстве, определяет личность Мастера, Художника, Педагога.

А. П.: И потому Вы стали педагогом?

А.Р.: Да, с 1998 года я преподаю в Санкт-Петербургском Государственном Университете технологии и дизайна. Программа обучения сложна и многогранна: дизайн костюма, архитектура костюма, проектная графика, плакат, пригласительные билеты, реклама и т. д. Мне и моим студентам учиться и работать легче, чем моим бывшим педагогам. Для нас, наконец-то, открылся мир и западных технологий текстильного производ-

ства, и мир дизайна, и мир взаимного общения. После стольких десятилетий изоляции и бесконечного отставания современная российская мода может сотрудничать, конкурировать и развиваться по европейским стандартам. Вы только что были свидетелем заметного события в Мюнхене: шоу NEXT-05, где мои студенты-дипломники (я их вела с 1-го по 6-й курс) с успехом продемонстрировали собственные работы.

А. П.: Если бы не светящееся табло с указанием авторов, я бы ни за что не отличила работы петербургских и мюнхенских студентов Академии моды и дизайна. Можно сказать, вы заружили?

А. Р.: Заружили и очень активно. С директором мюнхенской Академии моды и дизайна (АМД) господином Анзари сотрудничаем уже несколько лет. Он считается одним из наиболее перспективных дизайнеров Германии. Помогает ему в учебном процессе и пятилетний стаж работы в известной всем фирме «Joop», где он был ведущим менеджером. Меня радует, что в этой дружбе совпали наши интересы и общие представления о современной моде. Только что прошедшая выставка — показ мод — это первый опыт в разрабатываемом нами многолетнем совместном проекте.

А. П.: Тогда у меня сразу два вопроса: что отличает российскую школу дизайна от западной и в чём вершина айсберга этого проекта?

А. Р.: Коротко отвечу так. Мы работаем индивидуально. В нашей профессии успех определяется затратой энергии, вложенной в каждого студента. Подход — личностный. Ровно столько, сколько вложишь, столько же получишь. Запад работает по командному, коллективному принципу. И это хорошо! Идёт взаимное обогащение, мы учимся и учим одновременно. Вершина айсберга — столкнуть и между тем взаимно обогатить две разные школы дизайна. Немцы представления не имеют, насколько глубоко культурное наследие России в целом и Санкт-Петербурга в частности. С другой стороны нашим студентам очень интересно узнать о новых технологиях в области текстиля и конструирования одежды. Мы не соперники. Прошлой осенью я и мои студенты приехали в АМД на мастер-класс к Али-Анзари. Я — с лекциями об исторических аспектах моды в России, мои студенты — со своими эскизами и макетами моделей одежды. В свою очередь мы студентам из Мюнхена, приехавшим к нам в Санкт-Петербург, показали следующие мастер-классы: графический и по русскому народному крою. Почаствовали наши гости и в международном конкурсе молодых дизайнеров одежды «Адмиралтейская игла-04». Увезли будущие специалисты с собой русские льняные ткани — по-

дарок наших российских спонсоров. А на нашем шоу NEXТ-05 господин Али-Анзари подарил нам джинсовую ткань. Наверное потому, на подиуме вы не смогли отличить «наших» от «ваших».

А. П.: Я понимаю, что есть разница между высокой модой и носимой одеждой — *pret-a-porte*, Как у Вас это называется. Готова ли ваша мода выйти на улицы городов и, если да, то как обыкновенной женщине научиться без больших затрат менять свой гардероб в цвете, крое и выборе ткани от сезона к сезону?

А. Р.: Это то, над чем мы постоянно работаем. Главная задача — воплотить наши цели в моделях одежды, в первую очередь для молодых и энергичных людей, с учётом тенденций нового сезона: спортивный стиль, чувственность, сексуальность, романтизм. Мы за то, чтобы женщина оставалась женщиной. В мужском костюме, наоборот, утрачены элементы мужественности и чуть-чуть ему придаются темы женственности и немного шика. Ещё одно направление — авангард в одежде. Здесь главное — цвет и инновационность текстиля. Говоря простым языком — работа с тканью: ткань прорезается, склеивается, обжигается.

А. П.: И какие самые важные цвета авангарда в настоящем сезоне? Опять цвет бедра испуганной нимфы?

А. Р.: Цвет в одежде — важный фактор воздействия на человека. В этом сезоне цвет становится более агрессивным и более контрастным. В костюме сочетаются такие цвета, которые раньше казались бы признаком дурного вкуса. Например, несколько лет тому назад было бы неприлично носить тёплый зелёный с тёплым жёлтым. Сейчас такое сочетание будет считаться признаком хорошего вкуса. Новый сезон закрыл моду на открытые пупки и брюки-клёш. Брюки становятся более прямыми, в женской моде это брюки-дудочки по фигуре или брюки в стиле а-ля Марлен Дитрих: брюки с высоко поднятой талией. Это может быть очень широкий пояс или корсет под грудь, а брюки расширяются от линии середины бедра, что придаёт фигуре чувственность, сексуальность и женственность. В моде нынешнего сезона не важна грудь, важны бёдра и акцент делается на ягодичцы. Забытое слово ТУРНЮР снова становится крайне актуальным.

А. П.: Значит ли, что костюм нужно рассматривать ниже пояса и есть ли изменения в верхней части одежды?

А.БР.: Несомненно, линия плеча с помощью кроя оптически уменьшается и для мужского и для женского костюма. Рукав становится очень узким, но при этом не ограничивает свободу движений У некоторых за-

падных и российских дизайнеров происходит игра наоборот: мужской костюм становится более женственным. Некоторые модельеры включают в мужской костюм различные ткани, которые недавно использовались исключительно в женском костюме. В женском костюме присутствует мужской напор, агрессия и грубые материалы.

Заметили ли ваши читатели, какая революция в последнее десятилетие произошла с материалом, тканями? В текстильной промышленности появились новые, уникальные технологии: ткани, отражающие свет; ткани, способные удерживать тепло; ткани, облегающие фигуру как вторая кожа и многое другое. В трёх городах Европы: Париже, Милане и Мюнхене дважды в год проходят текстильные выставки, которые помогают дизайнерам создавать свои коллекции в стиле от кутюр до pret-a-porte. А шьют новые коллекции одежды почти все крупные фирмы сейчас в Китае. «Эскада» — исключение, её пошивочный цех — страны бывшего соцлагеря.

Для вас, дорогие читатели, для вашего гардероба и работает Союз текстильной промышленности и армия дизайнеров. Будьте красивы.

ВСЕ МОДЫ В ГОСПИ... NEXT-06

«Мы не должны плохо одеваться, — незачем портить экологию», — так заявил недавно один из ведущих европейских модельеров. Экология и мода, культура и природа — это не только философия, но и наш современный образ жизни. Модельер — диктатор. Он часто диктует нам нужный настрой и восприятие мира. От того, как мы одеты, ощущаем себя уютно дома, деловито-спортивно на службе и парадно-торжественно на праздничных вечерах.

Прошедший NEXT-05 и нынешний NEXT-06, показ лучших студенческих работ Мюнхенской академии моды и дизайна (AMD), крупнейшей частной школы моды в Германии и Санкт-Петербургского Университета технологии и дизайна стали заметными событиями в культурной жизни Мюнхена. Об успехах этих школ писали все ведущие газеты Баварии, а также Баварское телевидение.

После просмотра я встретила с директором AMD, профессором г-м Ali Ansari и задала ему несколько вопросов:

А. П.: Господин Анзари, во-первых, я Вас поздравляю с несомненным успехом, а вторых, — хочу спросить, чего Вы себе желаете в дальнейшем?

А.А.: Я бы хотел сказать, что мечтаю о том, как сделать Академию лучшей в мире или о том, чтобы заработать миллионы, но я и мои коллеги мечтаем о ...фантазии! О том, как научить наших студентов бесконечной фантазии и открытию несуществующих донныне идей. Ведь модельер — человек завтрашнего дня. Он должен научиться предвидеть, предчувствовать, предощущать изменения в обществе, вдохновляться будущим и вдохновлять массы людские. Это сделает нас и известными, и богатыми.

А.П.: И, как я понимаю, для лучшего вдохновения Вы и придумали в этот раз материальные поощрения?

А.А.: Да, это была моя идея, с которой я обратился к нашим шефам, кураторам, к фирме GOGNOS RELEXANCE AWARD, европейскому объединению и нашему спонсору. Под ее началом развиваются не только Академия моды в Мюнхене, Гамбурге и Дюссельдорфе, но и медицинские премии менеджеров, школы иностранных языков и другие. Мы утвердили три премии. Первая — 1000 евро для студентов 1- и 2-го семестров за юные таланты, которую получила ALICE KNACKFUSS. Вторую — также 1000 евро для студентов 3-4-х семестров за лучшую идею, за работу с материалом получила госпожа MIKIAM SCHAAF от нашего партнера и спонсора MUNICH FABRIC START. Третья премия — 2000 евро предназначалась для дипломников и ее получила госпожа KATHRIN GRAW от наших кураторов. Путь к диплому у наших студентов труден. Все они должны зарабатывать на жизнь, а иногда еще и на жилье; все они оплачивают материал, с которым работают, и ежемесячно платят 490 евро за обучение.

А.П.: Скажите, Вы верите в то, что ваша креативная мода выйдет на улицу?

А.А.: Да, и это подтверждает то, что многие модели были проданы сразу же после показа.

Я благодарю господина Анзари за интервью и перехожу на русский язык — продолжаю беседу с Любовью Рубинян, доцентом Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна, членом союза художников России и художником-модельером, руководителем российских студентов на NEXT-06.

А.Р.: В этом году на суд взыскательной мюнхенской публики мы представили коллекцию вечерней одежды, выполненную студентами старших

курсов нашего университета. Посвящена коллекция европейской моде 30-х годов и называется «Черная пятница». Все работы интересны, выполнены из чёрных тканей с использованием русского меха — лисы, нутрии и тонко стриженной овчины. Вечерние платья отделаны стеклярусом, бисером и пайетками. Мы пытались сделать элегантную вечернюю коллекцию для молодых, благополучных и респектабельных мужчин и женщин. Притом наши модели — не точная копия 30-х годов, они выполнены с учетом сегодняшнего и завтрашнего дня — супер узкий облегающий силуэт как у мужчин, так и у женщин.

Узкие пальто с шикарными меховыми воротниками и длинными шлицами сзади будут очень актуальны в скором времени. Стройность и еще раз стройность — девиз всех западно-европейских дизайнеров, ни одного лишнего сантиметра, фигура должна выглядеть юной и подтянутой.

А.П.: Следует ли понимать, что одежда будет играть роль второй кожи?

А.Р.: Именно так, любая одежда плотно облегает кожу. Очень узкий рукав, узкие брюки дают ощущение оптического эффекта.

А.П.: Какие ткани снова входят в моду?

А.Р.: Немецкие друзья для этой коллекции подарили нам итальянское сукно, джерси и современные ткани с использованием синтетических материалов, напоминающих блестящий сатин. К этим тканям очень подошли русские кружева. Ткани довольно сложны в обработке, но затраты и трудолюбие студентов вполне оправдались на показе NEXT-06.

А.П.: Еще совсем недавно русская школа моды серьезно отставала от западноевропейской, в частности это касалось мужской одежды в стиле pret-a-porte и pret-a-porte de Luxus. Судя по вашим работам, этого не скажешь.

А.Р.: Данный международный проект ценен тем, что позволил нам в короткие сроки научиться работать, вести примерки и создавать модели, отвечающие современному уровню западной моды. Если нас еще не так давно критиковали за «русский» стиль, то нынешний показ полностью удовлетворил неподкупных критиков.

А.П.: Ну, если заговорили о критике. Ваши друзья-колеги, друзья-соперники — студенты Мюнхенской академии моды, они продвинулись по лестнице успеха наверх за прошедшее время или нет?

А.Р.: Да, мы рады за них. Если раньше у них был акцент на мужскую повседневную одежду, то в этом году мы увидели много коллекций в стиле авангард, коллекции с использованием инновационного текстиля (когда происходит трансформация, преобразования с тканью). Мне ка-

жется, в этом большая заслуга взаимодействия наших школ, «мастер-классов», которыми мы занимаемся. Вы уже писали о том, как немецкие студенты приезжают в Санкт-Петербург к нам на конкурс молодых дизайнеров одежды «Адмиралтейская игла». У нас постоянное общение, взаимное обогащение, изучение культуры и традиций наших стран.

А.П.: А что могут ожидать наши читатели от моды в наступающих сезонах?

А.Р.: Уважаемым читателям «Южно-германского вестника», дамам и господам с наступлением весны нужно срочно обратить внимание на собственную фигуру: стройные, подтянутые молодые тела вдохновляют дизайнеров всего мира на создание новых коллекций. Мужчины с накаченными бицепсами и широкими плечами уже не в моде. Занятия йогой и бег трусцой, а не изнурительная нагрузка на тренажерах, делает молодых людей модными. Цветовая гамма очень спокойная и у мужчин, и у женщин, преобладающий цвет 2006-2007 годов — белый.

Женщинам советуем обратить внимание на свои ножки: разнообразные чулки с вычурными орнаментами и геометрическими рисунками или небрежно приспущенные однотонные шелковые чулки как у юной школьницы делают женщину гламурной в наше время. И летом, и зимой моден шелк с шерстью — легкие материалы, подчеркивающие стройность фигуры при учете, что в швах не должно быть ни одного миллиметра лишнего. Необходимо потратиться женщинам и на юбки-баллоны, о которых начали уже забывать. Так что главная тема ближайшего сезона звучит как девиз: «Ведите здоровый образ жизни!»

РОССИЯ НА ПЕРЕПУТЬИ

Давно живу в Германии, но комфортной жизни здесь мешают проблемы там — Дома, на Родине.

До отъезда из России и почти трехлетней отсидки была лектором-консультантом, пропагандистом Политуправления Ленинградского Военного Округа. За годы службы побывала во всех родах войск, во всех дивизиях и воинских частях округа. Сколько же честных, порядочных людей я там встретила, людей, для которых офицерская честь и достоинство были аксиомой жизни.

И сбежала в эмиграцию я не от них, а от реальности, когда поняла, что служу не системе, а моим представлениям об ее идеале.

В отсидке страшны были два момента. Первый, когда меня публично назвали врагом народа, и второй, когда партсобрание (где меня исключали из партии) вынесло решение — обратиться в нарсуд, чтобы меня лишить материнства:

— Не позволим наших советских детей увозить за границу!

Поэтому я ничуть не удивлена появлению антисиротского закона Димы Яковлева. Зачем щадить чувства родной матери или чувства благородных людей в Америке, которые пожелали усыновить и удочерить сирот из России?

А мне, матери, боязно за чужих сыновей, которые по новому приказу Минобороны могут быть брошены в огненный котел, в горячие точки, сразу через четыре месяца после принятия воинской присяги.

В городе Смоленске у меня живет племянник Никита Пушкарев. Осенью прошлого года он явился на призывной пункт, прошел медицинское обследование и получил заключение: разорвано колено и порваны мениски. Приемная комиссия ни врачам, ни призывнику не поверила:

— Пойдешь к нашему специалисту, заплатишь 100 долларов США и принесешь новый результат MRT. Не пойдешь, сядешь в тюрьму.

И бабушка Никиты (моя сестра) купила ему вольную, вторично жизнь за 100\$ из своих пенсионных рублей. А его товарищи, только что принявшие присягу, во имя чего должны умирать? Почему новый министр обороны начинает не с решения жизнеобеспечения военнослужащих, а с портянок? Не все ли равно молодым людям лежать в земле в обмотках, портянках или в новых носках? И не все ли равно им и их матерям, кто отдает эти приказы — Сердюков или Шойгу?

Сердюкова я бы судила за предательство и измену Родине. Судила бы не судом военной прокуратуры и не судом офицерской чести, если он снова возродится в армии и на флоте. Думаю, что под этот суд Сердюков в любом случае не попадает, т. к. он был гражданским назначенцем. Я бы устроила открытый процесс с участием радио, телевидения и других СМИ. Выдворенный властями из родного дома «нацбол» Александр Долматов покончил с собой в центре Роттердама со словами не только к матери, а ко всем нам — не хочу умереть предателем.

А каждый рубль, украденный из бюджета минобороны — не предательство и измена Родине?

И если бы кто-то сумел мне доказать, что бывший военный министр — кристально честный человек, я бы его судила за подруг-воровок, за воров соратников и подчиненных. Сколько же можно говорить о коррупции и ничего не делать? К примеру, хотелось бы знать, насколько правы американские аналитики, утверждающие, что не так давно у Путина было \$6 млрд., а в наши дни эта сумма увеличилась до \$133 млрд.

Так откуда дровишки, Вова? Кто и в каком лесу их столько для тебя нарубил?

Я позволю усомниться в выводах глубоко уважаемого мною политолога Пионтковского, который утверждает, что Путин добровольно покинет Кремль уже в этом году (2018). Некоторое время тому назад я брала интервью в Москве у Горбачева. Не помню свой вопрос, но хорошо помню его ответ:

«Не начни я перестройку, я бы и сегодня сидел в моем президентском кресле!»

Значит, Кремль — это в России для сидящих в нем — пожизненное. Исключением стал пока что один Ельцин.

А 13 февраля 2013 года я нашла в интернете радио-интервью корреспондента «Эхо Москвы» Инессы Землер с Ириной Яровой — председателем комитета Государственной Думы по противодействию коррупции.

Яровая: Сегодня президентом РФ внесены три законодательные поправки в федеральный конституционный закон «О правительстве...», базовый федеральный закон о запрете счетов, наличности в иностранных банках, государственных облигаций иностранных государств, акций и ценных бумаг. Это целостный емкий взгляд на вопросы не только противодействия коррупции, но и обеспечения национальной безопасности...

И журналистка задает прямой и честный вопрос: Я просто хотела уточнить, президент подпадает под действие этого закона?

И получила циничный ответ: Президент, заявляя это требование, безусловно, понимает, что и ты, как нациддер и все остальные, кто претендует на звание нацэлиты, должны быть таковыми.

Поэтому с точки зрения президента все хорошо. Значит, вся Россия услышала, что президент не есть, а быть должен честным и порядочным. Не верю я и в то, что у Путина все хорошо. Посмотрите на работу пиар кампании Кремля. Чаще все у них ошибочно, нежели безошибочно. И это говорит о панике, об истерии за кремлевскими дверями. Пиарщики из всех сил стараются связывать в узлы хрупкую ниточку понимания между властью и народом. И это не удастся. Поэтому эту работу нахожу если не вредной, то бесполезной.

Россия превратилась в страну желтого дьявола. Дед Хасан не умер — клан жуликов и воров процветает. Скоро, наверное, и орден «Почетный вор России» появится. Первый я бы вручила главному моралисту — недавнему председателю комиссии Государственной Думы по вопросам депутатской этики — единороссу Пехтину Владимиру Алексеевичу.

Не берусь считать недвижимость Пехтина в Америке. Мне горько было видеть триумф его ухода с трибуны Государственной Думы, а потом торжественные оды вору-депутату политологов, экономистов, журналистов, приглашенных в «Особое мнение» на радио «Эхо Москвы».

И сколько тысяч Навальных надо собрать в одну комиссию, чтобы проверить финансы от президента, от правительства, думцев и всех чиновников от губернаторов до районных мэров и председателей поселковых советов.

Уверена, что если бы все награбленное и отнятое у государства собрать и конфисковать, эта сумма превысила бы и золотой запас, и резервный фонд страны.

А может это когда-нибудь случится?

ВСЕ ФЛАТЫ В ГОСТИ К НАМ...

«Взвейтесь кострами синие ночи...» Кого из нас, нынешних эмигрантов, не волнуют слова этой песни — билета в пионерское детство, в детство, когда мы были счастливы и далеко от нас были проблемы политики и власти.

Невероятно, но в прошлое, оказывается, как и в реку, можно войти дважды. Через пятьдесят лет я стою с пятилетней внучкой на балконе клуба и столовой детского латвийского лагеря «Albatross», который теперь называют латвийским «Артеком», и наблюдаю вечернее построение — линейку с выносом знамени, рапортами вожатых начальнику лагеря и потом концерт-конкурс на лучшую отрядную песню.

И это происходит не в Подмоскovie, где все студенческие каникулы я работала пионервожатой, а в новой современной Латвии! Здесь, где деды и прадеды этих мальчиков и девочек до сих пор идут «стенка на стенку» — у «Памятника Свободы» в городе Рига до сих пор собираются коммунисты, ветераны ВОВ и пособники Вермахта. Недалеко и другие. Одни говорят: «Отдайте еврейской общине города, отнятые у евреев во время войны ценности». «Нет!» — отвечают те, кто ест и пьет из чужих сервизов, спит на роскошной чужой мебели, живет в чужих квартирах и домах и носит дорогие украшения.

И еще есть другие — сотни тысяч русских, живущих десятки лет в Латвии, которые вдруг стали лишними людьми, и никто не знает, как и когда решится эта проблема — государство и его не граждане...

У детей, получивших наглядный урок любви и дружбы в «Albatross'e», этих проблем никогда не будет. Они вырастут интернационалистами и европейцами. Да и многие из них родились уже в новой Латвии и новой России. А в лагере почти половина детей — из Москвы и Подмоскovie.

Мы не знаем, о чем думал нынешний хозяин лагеря, успешный бизнесмен и мудрый оптимист Эдуард Малеев, когда во время разъединения, распада СССР, покупая завод «ВЭФ» и пионерский лагерь. В этот момент латвийскому государству было не до детей, их отдыха и воспитания. Думал ли господин Малеев, что наряду с привычными для него хозяйственными задачами ему придется решать куда более важную — идеологическую? Время показало, что отлично подобранные и латвийские и российские коллективы четко и правильно определили этот самый идеологический кодекс существования лагеря. В этом, наверно, и заключается

главный успех и авторитет Малеева вместе с его грамотными коллегами-единомышленниками. Достаточно было посмотреть хотя бы на жизнь «альбатросцев» в День Независимости России, когда целый в лагере пелась песня «Моя столица — моя Москва». Вот только Москва не научилась благодарить таких людей, как господин Малеев. Исконно русский, в свою родную Тулу он приезжает с визой иностранного подданного.

Когда гуляешь по дорожкам лагеря и проходишь мимо вновь отремонтированных корпусов, мимо бассейна, мимо новой достраивающейся котельной, что означает и зимний отдых детей в скором времени, когда любишь уникальными пирамидальными дубами, выращенными экспериментальным садоводством Латвии, и слышишь детское разноголосье, не верится, что пару десятков лет здесь было уныние и запустение. Неизменным оставался только роскошный лес с цветами, грибами и ягодами и бесконечный песчаный пляж Рижского взморья за забором бывшего лагеря.

Вот что рассказывает руководитель латвийской программы Лариса Степанова:

— В советское время лагерь принадлежал богатым профсоюзным организациям заводов Радиотехники и ВЭФ, а также морскому пароходству. С выходом Латвии из СССР начался развал во всем. 2009 год был пробным годом и для Эдуарда Леонидовича Малеева, и для только что собранной команды. Сначала мы все работали в разных лагерях, которые здесь арендовали помещения. Создали организационную группу и начали подбирать коллектив для будущей совместной работы. Первостепенно необходимо было выработать международную программу развития лагеря. В том же году с этой программой господин Малеев выступил по Первому Балтийскому телеканалу и нарисовал проект будущего «Альбатроса», который к настоящему времени осуществлен полностью на 100%.

Начинали мы с нескольких десятков ребятишек в сезон, а сейчас их почти тысяча. Конечно, мы не прекращаем работы над программой, добавляем постоянно новое содержание и меняем форму работы, так как некоторые дети приезжают к нам уже три и четыре года. В этом мы видим критерий успеха программы — желание детей вернуться повторно. И таких уже более 20%.

Смена — 21 день. Исходя из этого, каждая неделя имеет свою тематику с подведением еженедельных итогов и награждением лучших детей в разных номинациях. Например, тематика августа 2012 года:

1-ая неделя — «Тайна Albartoss`a и Латвия»

2-ая неделя — «Из прошлого в будущее за семь дней».

3-ая неделя — фестиваль позитива «Разноцветная палитра».

Приплюсуйте к этому всевозможные конкурсы талантов, детское творчество и их инициативу, которые дети находят в разных кружках. Включены в познавательную программу и экскурсии. Две экскурсии для детей бесплатны: «Рига — Юрмала» и «Средневековый замок». И три экскурсии на выбор — платные — Яунпилс:

Город Вентспилс (замок).

Киногородок Синевила.

Природный парк Лаумас (где дети едят блины, делают из воска свечи и наблюдают жизнь пчёл на пасеке).

Так что можно не сомневаться, что дети окружены нашим вниманием, любовью и лаской.

А. Поверенная: Не сомневаюсь. Я разговаривала со старшей пионервожатой, черкешенкой по национальности Лаурой Тхагапсовой, которая сказала, что «Albartoss» — это её личная жизнь, что её давно ждут на основной работе во Владивостоке и Хабаровске, а она всем отвечает: «Только после моего «лагерного срока», так как без лагеря я уже жить не могу».

Ещё в большей любви и заботе нуждаются московские дети. Об этом говорит начальник смены, преподаватель Московского гуманитарного университета имени М. А. Шолохова Галина Бойцова:

— Мы приезжаем в этот, теперь НАШ лагерь с 2010 года. В нашем университете работает одногодичная школа вожатых, набранных из педагогического состава. Работаем мы вместе с МЦДСО — Московским центром детского семейного отдыха от правительства Москвы. В нормальных, обычных семьях Москвы и Подмосковья родители сами покупают путевки на отдых в нашем лагере. Но больше всего Центр детского семейного отдыха заботится о детях из малообеспеченных и социально неблагополучных семей. Деньги в сумме 41307 рублей на ребенка идут из бюджета правительства Москвы. И таких детей в нашем лагере большинство. И мы по максимуму стараемся заниматься их воспитанием и образовательными программами.

Весь коллектив — вожатые, воспитатели, организационная группа, пресс-центр, руководители и координаторы программ — все мы работаем над качеством и содержанием всей творческой жизни лагеря, физического и нравственного здоровья, вверенных нам детей.

И я верю внучке, которая говорит, что это был лучший отпуск в её жизни. Даже маленький ребенок почувствовал разницу между комфорт-

ным отдыхом в европейских клубах «Робинзона», где вся детская жизнь организована взрослыми в замкнутом пространстве, и безбрежным морем, как сам Рижский залив, детским творчеством, инициативами для раскрытия в себе новых талантов. Поэтому, уважаемые читатели и родители, кого заинтересует возможность отдыха ваших детей и внуков в Albatross, сообщаю координаты лагеря: www.albatross.lv

МНЕ СТЫДНО

Недавно мне позвонила одна дама, которая сказала, что мы знакомы, но себя на назвала,

— На вид у вас очень мягкий характер, — сказала она, — но почему Вы так зло пишете? Зачем Вы трогаете Путина, называете его Вовой и деньги его считаете? Вы уверены, что это что-то к Вашему авторитету прибавляет?

— Боже упаси, — отвечаю я. — Во-первых, читатели знают, что не я первая Путина Вовой назвала (Мы полагаем, что первыми его назвали так мама с папой. Ред.). Во-вторых, миллиарды его я тоже не считала — для этого существуют аналитические центры в Америке. А авторитет свой не могу однозначно повысить, потому что не вхожу в 82% российской толпы, которая повышает путинский рейтинг.

А поскольку я записываю себя в 18% оставшихся, то честно могу признаться, что мало доверяю и верю господину президенту.

Вот только два примера из только что прошедшего месяца, когда американцы заявили о первых санкциях против российской правительственной чиновничьей элиты. Вспомните, как нагло они ввали во всю ширину телевизионного экрана о том, что у них ничего нет за границей — Матвиенко, Сурков, Иванов и все остальные. Понимаю, что они хорошо были осведомлены и подготовлены к этим событиям, не зря организовали для себя банки — их кошельки в Москве. А вот дворцы, замки, яхты и прочее, прочее — всё не спрячешь.

— А на прошедших переговорах в Минске журналисты стали допытывать президента вопросами о новых санкциях к России.

«...Я и первый пакет считал незаконным и недружественным по отношению к России... Но второй пакет — это вообще непонятно даже, о чем речь!»

Судите сами, тактик он или стратег, о чем говорят сейчас многие политики. Также при большой публике пару недель назад Путин отвечал на вопросы присоединения Крыма,

«Что Вы, с Крымом всё получилось совсем неожиданно. Мы к этому не были готовы, и мы непричастны, объявили же о присоединении острова Крым и города Севастополя только после волеизъявления крымчан».

Минутой позже глава государства российского все-таки проговорился, что работа с населением потихонечку шла и проводился социальный

опрос. Так постепенно мы узнаем правду о «зелёных человечках» и о «вежливых людях» на Украине и далее, далее.

Моя шестилетняя внучка говорит о своём школьном товарище: «Бабушка, я знаю, что он все время врет, но я ему верю».

Так неужели по принципу шестилетнего ребенка живет большая часть российского общества?

В эмиграции я пережила уже правление трех российских президентов, живу при четвертом, но никогда не покидало и не покидает чувство стыда за них.

Помните, как у Островского в «Бесприданнице» — кажется, ни в чем не виноваты, а стыдно, стыдно, стыдно.

При Брежнев после моих публичных выступлений в OST-WEST FORUM ко мне подходили люди с вопросом, а как можно здорового человека отправить в психушку?

В Германии даже по-настоящему психически больного нельзя держать в больнице без его на это согласия. Как могла убеждала, иногда отвечала:

«Давайте на следующую нашу встречу пригласим Валерия Фёфёва и Сашу Белова из Франкфурта-на-Майне, из Парижа — Алика Гинзбурга и Наташу Горбаневскую и многих других, кто расскажет о технологии лечения психотерапией».

Однажды я попросила выступить моего друга из Нью-Йорка, известного в Москве диссидента, доктора математических наук Юрия Гастева. Он рассказал об уникальной истории своей семьи. Отец Юрия — первый пролетарский поэт, соратник Ленина сидел в тюрьмах России до революции и жизнь свою закончил в Советском Гулаге с небольшим выходом на свободу. По решению Ленина в 1922 г. поэт ненадолго возглавил только что созданный ЦИТ (Центральный институт труда), став его первым директором. После его гибели в Гулаге оказалась мать Юры, потом старший брат и сам Юра, которому в то время еще не было 17 лет. Спасла ему жизнь смерть Сталина и страстное желание учиться, но в общей сложности семья отсидела в тюрьмах 53 года.

Не помню точно, но кажется в Суздале есть улица Гастевых. Я рада и этому.

Во время перестройки имя «Горби» в Баварии звучало чаще фамилий президента и канцлера ФРГ. И когда я пыталась объяснить причины, при которых Горбачеву не удастся перестроить Россию на принципах западной демократии, думаю, со мной не всегда соглашались. И все-таки среди слушателей и читателей я все больше приобретаю друзей.

Правление Ельцина баварцы встретили очень сдержанно. Во-первых, думается из-за его недостойного поведения, когда он бывал на Западе, а ещё потому, что он был врагом «Горби».

Я много читала хорошего о Ельцине, но, зная психологию советского партийца, я не могла ему верить. Ну как можно было говорить об отказе от партийных привилегий и дарить «Семье» якутские алмазные прииски, призывать к партийной совести и на имя дочери покупать замок 17 века в Германии? По-моему, никто не разграбил так Россию, как демократ Ельцин. Для меня он главный грабитель и расхититель России.

Еще школьницей я спрашивала у учительницы, неужели Гитлеру было мало нашего горя? Почему фашисты эшелонами увозили украинский чернозем в Баварию?

При Ельцине стали расхищать не только землю, но и недра. И этот государственный бандитизм по наследству достался Владимиру Путину. ПОЛИТИческому крестному сыну Ельцина.

Сейчас специалисты подсчитали, что правление Януковича обошлось Украине в 100 млрд. долларов. Убеждена, что эта сумма — иголка в стогу сена российской коррупции,

Примеры еще не успели забыться. Сердюков — главный вор Министерства обороны — не только помилован, но и тайно награжден Медведевым за заслуги перед Отечеством.

Козак — главный руководитель и распорядитель шайки воров на строительстве олимпийских комплексов в Сочи — награжден высшим орденом России и повышен по службе.

А железные дороги, а технологии, а Сколково? Можно ли найти в этой стране хоть одного честного чиновника?

Но даже и это не самое главное. Главное — путинский режим духовно растлил российский народ на всех уровнях, начиная от прикормленной Кремлем элитной интеллигенции до последнего бомжа. И этого история ему не простит.

Новые поколения не знают, что Россия когда-то была высоконравственным христианским государством, где честь и достоинство были важнее человеческой жизни. Сейчас смыслом и мечтой россиянина стали золотые батоны и золотые унитазы. Способствуют этому в первую очередь СМИ. Я уже не пишу о Соловьевых, Киселевых, Леонтьевых. Думаю, что напишет кто-то о Жириновском, который под маской шута дурачит толпу и приносит свои дивиденды Путину. В 82% рейтинга президента его огромная заслуга.

Ещё недавно я наивно полагала, что закроют на телевидении аморальные программы «Пусть говорят», «Давай поженимся». Но то, что я увидела на днях в программе «Прямой эфир», меня оглушило. Большая аудитория вместе с ведущим со вкусом и сладострастием обсуждали балерину Волочкову, кому и за какие деньги она продает свою любовь.

Я Волочкову никогда не выбрала бы в свои приятельницы, но публично унижать женщину на всю страну — подло, низко и преступно. Это уже за пределами человеческой мерзости.

У кого спросить, кому Задать вопрос, по какому праву все это происходит в моей стране? Нет ответа на моей Родине. И хочется кричать во весь голос мнѐ.

Стыдно, мне очень стыдно.

«НИКТО НЕ ЗАБЫТ И НИЧТО НЕ ЗАБЫТО»

ЗАВЕЩАНИЕ ОЛЬГИ БЕРГГОЛЬЦ

«Никто не забыт и ничто не забыто» — завещание Ольги Берггольц нам и нашим потомкам. Поэтому уверена в неправоте Германии, требующей от России не праздновать 75-ю годовщину прорыва ленинградской блокады. Редкий случай, когда я согласна с Москвой, согласна, хотя и понимаю, зачем так пышно проводится этот праздник.

Мой покойный муж, блокадник, пятилетним мальчиком просидев все 900 дней в старом «вольтеровском» кресле в холодной квартире старинного дома номер 23 на Кирочной улице, голодный мальчик с «сытой» книгой классика русской кулинарной литературы Елены Молоховец в руках и научившийся читать по этой же книге, никогда этот день не называл праздником, а только событием, огромным событием для слез и радости.

Не только история мужа, но и жизнь других моих друзей и знакомых-блокадников учила меня воспринимать жизнь их категориями. Они всегда казались и кажутся мне особыми людьми, людьми, которые живут не по лжи, а по совести, потому что они проживают не только свою жизнь, но живут и за тех, кто не дожил, не выжил.

У одних это были родные, у других — родственники, у третьих — близкие друзья и даже хорошие соседи. Как близка для каждого ленинградца дорога к Пискаревскому кладбищу...

По этому случаю еврейская община города Мюнхена совместно с Обществом «МИР» пригласила на торжественное мероприятие 44 блокадника, трех участников войны, оставшихся в живых, и нас — детей той страшной войны.

Приветственные слова руководителя Общества «Мир» Татьяны Лукиной, Генерального консула РФ в Баварии г-на С.П.Ганжи и председателя Координационного совета соотечественников Баварии Елены Герцог были простыми и короткими. Все выступающие пожелали участникам торжества здоровья и долголетия.

Концерт начался с показа блокадного фильма, подаренного директором Пискаревского кладбища Татьяне Лукиной. Недалеко от экрана расположился квартет (Артур Медведев, Полина Шефер, Бриндуса Эрнст и Филип фон Морген), сыгравший «Струнный квартет» №8 Дмитрия Шостаковича, посвященный войне и блокаде.

*На празднике 75-ой годовщины снятия блокады. На фото слева направо
Соломон Брандобовский, я и Саша Мерлин.*

*Feierlichkeiten zum 75. Jahrestag der Aufhebung der Leningrader Blockade.
Von links nach rechts: Solomon Brandobovskiy., ich und Alexander Merlin.*

Музыканты играли так пронзительно, так гармонично и слаженно, что казалось на сцене играет какой-то единый музыкальный инструмент и что волшебная палочка отсутствующего дирижера превратила эту музыку в захватывающую волну всех человеческих чувств и эмоций: страданий, скорби, сомнений, надежд и, наконец, долгожданной победы. Эта волна поднялась до сводов сцены, взвилась над страдающим экраном продолжающегося фильма и хлынула в зал, в наши сердца и души.

И зал замер: ни шороха, ни скрипа, ни движения — зал скупно рыдал. Думаю, что это исполнение было лучшим в концертной программе.

Затем на сцену вышел известный джазовый музыкант, профессор Леонид Чижик вместе с бывшим солистом Большого театра Дмитрием Харитоновым; они устроили лирический праздник песен военных лет. А Светлана Прандецкая, любимица нашей публики, достойно продолжила

песенный ряд репертуаром Клавдии Шульженко.

Я не люблю слова М. Горького «В детстве у меня не было детства». Не верю и рада, что со мною согласна блокадница и поэтесса Лидия Смоленская. Ее мягкая поэтичная форма слова сразу же воспринимается даже людьми, мало подготовленными к восприятию высокой поэзии или вообще равнодушными к ней. Свое выступление она закончила такими строчками:

Наше детство ценою — в Ленинграда бессмертие,

Имена непришедших огнем вечным выжжены..

Мы за них отомстили тем, что выжили...

Выжили !

И от себя хочется добавить: «Живите, будьте и будьте!».

Прежде чем выйти на сцену, Александр Мерлин, одетый в парадный костюм с орденами и медалями, обошел все столы с приглашенными ветеранами, чтобы пожать всем друзьям руки.

Он человек необычный: и драматург, и музыкант, и артист, и поэт, а теперь еще и руководитель театральной студии. Кто-то удивится, кто-то оскорбится, но 93-летнего любимого всеми нами Мерлина мы все ласково называем Сашенькой. Он рассказал публике, как в 1943 году лежал в родном Ленинграде в госпитале после ранения и за время лечения написал сначала музыку, а потом слова, и получилась песня «Ты вернешься».

В третью годовщину прорыва блокады эта песня прозвучала в исполнении заслуженной артистки СССР Тамары Кравцовой в Мариинском театре. Фотографии этой артистки носили все моряки Балтийского флота в своих бушлатах, и песня Саши Мерлина пошла гулять по кубрикам судов Балтийского моря.

И если бы я писала сценарий этого вечера, я бы его закончила выступлением учеников Детской академии искусств при Обществе «МИР».

Их творческие выступления как эстафетная палочка от младших к старшим, а мне бы хотелось наоборот, чтобы молодежь приняла эстафету от старших, чтобы они знали историю страны своих родителей, чтобы слово «Холокост» не называли «клеем для обоев», чтобы каждый вновь рожденный становился гражданином общего мира без войн, без фашизма, без реваншизма и терроризма.

Пожелаем же новому поколению мирной и счастливой жизни.

Ордена и медали.

Orden und Medaillen.

ОП ИМЕНИ МЕРТВЫХ И ЖИВЫХ

Две страны, два государства, два гражданских общества — Германия и Россия. Новые времена, старая тема: нацизм и неонацизм.

В Мюнхене (хочется верить, что в последний раз) судят неонацизм. Идет крупнейший в послевоенной истории Германии процесс над неонацистами, над ультраправой группировкой, которая занималась организацией убийств, подготовкой терактов и ограблениями банков.

По Нимфенбургштрассе, где находится здание Верховного суда, не пройти. Воздух наэлектризован: в залах — судьи и адвокаты, во дворе — целая армия тележурналистов, пятьсот поддерживающих порядок полицейских и многоголосая, многонациональная толпа с плакатами.

Я — среди них. И сегодня немецкий язык здесь — не главный. Главный — язык солидарности и взаимопонимания: судят и нацистское подполье, и его организаторшу Беату Цшепе, последнюю, как мне казалось, нацистку на планете.

А дома меня ожидал удар. Включаю интернет и читаю в статье российской нацистки, «журналистки» Ульяны Скойбеды про оппозиционера Леонида Гозмана. Подзаголовок:

«ПРОСТО ЖАЛЕЕШЬ, ЧТО ИЗ ПРЕДКОВ СЕГОДНЯШНИХ ЛИБЕРАЛОВ НАЦИСТЫ НЕ НАДЕЛАЛИ АБАЖУРОВ. МЕНЬШЕ БЫЛО БЫ ПРОБЛЕМ».

И печатается эта фашистская пропаганда в «Комсомольской правда», в официальной государственной газете. А подписывал к печати этот номер квалифицированный дежурный редактор. Уверена, что перед этим читали эту мерзость и ответственный секретарь, и главный редактор газеты В. Сунгоркин.

Почему же не задрожала рука подписывающих? Да потому, что твердо знали: сейчас так можно! Абсолютно согласна с Виктором Шендеровичем, заявившим, что мракобесная политика Путина привела, точнее, опустила Россию до худшего гитлеровского тридцать четвертого года. Страшно подумать, что будет завтра со страной, если уже сегодня гражданское общество «всем миром, всем народом» не требует у власти головной ответственности за это мракобесие и закрытия газеты. Германия научила своих граждан отвечать за политические заявления. Пример — история с Евой Херманн, любимейшего — по опросу 2003 года — телеведущего новостного журнала «Тагесшоу» на госканале ARD.

Она была популярна и любима зрителями долгих семнадцать лет.

Но стоило ей опубликовать книгу с несколькими хвалебными словами в адрес семейной политики «Третьего Рейха», как телезвезду молниеносно уволили с работы без выходного пособия. А в прошлом году она пострадала еще и материально: суд Гамбурга открыл процесс о ее полном финансовом банкротстве. Что во многом характеризует западную политику, западную демократию, взаимосвязь и взаимодействие государства и общества.

Российской же нацистке и антисемитке Скойбеде участь Евы Херманн, судя по СМИ проходящей недели, не грозит. Ее ждет недолгая слава и популярность в стаде единомышленников. В. Сунгоркин, главный редактор «Комсомолки», по моему глубокому убеждению, это стадо возглавляет.

Я же им славы не прибавлю, я из предков Гозмана и из меня в сорок первом можно было сделать абажур, если бы хватило на него моей кожи. Не успели: я выжила.

Праздник Победы начался для меня 25 сентября 43-го, когда нам разрешили выйти из леса.

Этот праздник почти сорок лет отмечала дома и продолжаю праздновать этот день и в Германии. Так сложилась моя жизнь.

Может, «фрау-абажур номер 2» Ульяна Скойбеда устроит себе тур по богатой братскими могилами Смоленщине? И, может быть, вспомнит она Эльзу Кох, надзирательницу нацистского концлагеря, собирательницу абажуров из татуированной человеческой кожи? Патологически жестокую немку-садистку, которую узники называли «овчаркой» и которая вошла в историю под кличкой «фрау-абажур». Стоит ли напоминать, что Эльза Кох в 1967 году в камере баварской тюрьмы накинула на себя собственноручно сделанную веревочную петлю?

Я не верю в извинения «журналистки» Ульяны Скобейды. Простить и извинить можно поступок. Здесь же речь идет об идеологии. Идеологии фашизма. Мне кажется, что она должна уйти из профессии, ибо эта журналистка недостойна иметь своего читателя. Недостойна и по христианским заповедям, и по человеческим нормам любви, морали и чести.

ПОКА ЖИВУ — ПОМНЮ

9 мая — для всех нас особенный день. Но все меньше и меньше остается тех, кто сделал этот день праздником Победы. Мы от всей души поздравляем ветеранов Великой Отечественной войны с этой знаменательной датой!

«Der Jude ist der Partisan, der Partisan ist der Jude» («Каждый еврей — партизан, каждый партизан — еврей», — прочитала я на одном из стендов выставки «Verbrechen der Wehrmacht» («Преступления Вермахта»), которая состоялась в городском музее Мюнхена.

«Зачем здесь? — думаю я. — Уж я то, может как никто другой здесь, знаю, что это такое — быть евреем и партизаном».

В 41-м, почти двухлетним ребенком я попала в еврейское гетто, а потом до конца сентября 43-го была в обзоре партизанского отряда в знаменитых Каспьянских лесах на Смоленщине.

За всю жизнь я так и не привыкла к фешенебельным курортам, морям и океанам. Моей стихией остались лес, поля, дуга — то, что я нашла и полюбила сейчас в Баварии. Так зачем же я здесь на этой выставке? Что еще могут мне рассказать документы ужасов, смерти, войны?

И все-таки я знаю, зачем я пришла. Я хочу увидеть тех, кого интересует то далекое время. Экскурсанты — почти все молодые, жизнерадостные студенты и учащиеся. В руках — тетради, блокноты, вопросники. Чувствуется, что молодежь интересуется этой темой совсем не формально. В углу на полу расположилась большая группа школьников и педагогов из небольшого городка на Bodensee. Усаживаюсь на пол рядом с ними и слушаю сотрудницу музея, которая рассказывает о партизанском движении в СССР во время войны. По вопросам и ответам понимаю, что преподаватель религии, который приехал с ребятами, основательно подготовил их к реальному пониманию тех событий. Мне понравилось, как органично его подопечные увязывают Закон Божий с историей и современной жизнью страны.

В другом зале встречаюсь с учащимися гимназии из Аугсбурга. Один из учеников с рефератом в руках увлеченно рассказывает одноклассникам о жизни в СССР. Очень хотела спросить, но не успела, почему он закончил свой рассказ 93-м годом. Может потому, что с этого года начинается уже история демократической России?

В последнем зале выставки натываюсь на зловеций щит: «Wo ist Recht-

sanwalt, der gegen diese Ausstellung war?» — «Где тот адвокат, который был против этой выставки?»

Вспоминаю конец 1997 года. В Мюнхенском Rathaus — первая правдивая выставка о войне. Около 90 000 посетителей часами стояли в очередях на холоде, чтобы попасть в залы выставки. Но были и те, кто протестовал против ее устройства и требовал наказать организаторов, сотрудников Гамбургского Института социальных исследований.

...Сейчас у того щита на сегодняшней выставке стоит 75-летний житель Мюнхена. На фронт он попал 17-летним уже в конце войны. На мой вопрос: «Хотели ли бы Вы найти того адвоката?» — он ответил: «Конечно, нет. Эти преступления нельзя оправдать. Мы должны честно оценивать историю и наше прошлое».

А я спрашиваю себя, могу ли я сделать это после того, как половину жизни прожила в Германии, получила немецкое гражданство и писала домой своей матери: «Мы уже не те, и немцы — другие».

Но ведь я тем не менее никогда не захожу к дочери в бюро, что на Messerschmiedstrasse, никогда не куплю электроприборы фирмы «Junkers», а в Deutsches Museum захожу с выхода, потому что у входа расположены самолеты. Я помню, как ревели их моторы. Люблю животных, но никогда не заведу немецкую овчарку. Помню, как долго держит лес эхо собачьего лая после облавы.

Да, я помню все это. И буду помнить, пока живу. И все-таки немцы сегодня другие. На выставке я познакомилась с близкими мне по духу молодыми людьми. И внуков своих я буду воспитывать на важнейшей христианской заповеди «Не убий!».

О РУКОПИСЯХ И ЖИЗНИ

Читаю рукопись Виктории Хмельницкой «Так сложилась моя жизнь», которая была издана в одном из питерских изданий. Моя подруга пишет о себе, о своей семье, о нашей (третьей волне) эмиграции и о людях, с которыми свела её жизнь за эти долгие годы вне России.

Пишу не рецензию — она бы была предвзятой, а хочу дополнить одну из ее глав книги о Вере Лурье, одной из последних ушедшего серебряного века, о музее трех больших поэтов — Гумилева, Андрея Белого и Константина Вагинова.

С конца семидесятых и до середины восьмидесятых годов прошлого уже века я с семьей жила в Западном Берлине и все свободное время проводила на книжных развалах берлинской барахолки. Находки были уникальными. И не удивительно: в двадцатые годы в этом городе находилось 78 русских издательств. Книг, журналов и газет на русском языке выходило больше, чем на немецком. Каждая найденная вещь была для меня дороже нынешних лотерей и денежных пирамид.

Мое первое знакомство с Верой произошло не на пороге её большой квартиры в центре Берлина, а в первом номере литературного альманаха «Сполохи», который мне удалось вытащить из запыленных ящичков «Острова сокровищ». Книга эта теперь раритет из раритетов, но мне ее потом пришлось подарить Вере.

В альманахе рядом со стихотворением Б. Пастернака «Матрос в Москве»:

Москва казалась родом щегля,
который шел
в разбол, на слом, в пучину гребней,
на новый мол...,

На том же развороте листа были стихи, которые я прочла впервые:

«...Слова, опустевшие улья,
И образов нет. — Как творить!
Кругом деревянные стулья,
Да мыслей запутанных нить».

Строки эти принадлежали молодой тогда поэтессе Вере Лурье, ставшей в эмиграции очень близким мне человеком. Мы познакомились, сразу же подружились и провели много часов вдвоем у её самовара за чаем. Она умела рассказывать, а я умела слушать.

Очень молодой девушкой, почти девочкой пришла Вера в «Дом искусств» Петрограда. Там были уже организованы студии разных писателей и режиссеров. Например, Евреинов говорил о театре. Гумилев обучал стихосложению и утверждал, что каждого человека можно научить писать стихи. Замятин читал курс лекций о прозе. Вера посещала две студии — Гумилева и Евреинова.

Очень скоро она влюбилась в мэтра. В свой день рождения, пригласив поэта домой, угощала его своими стихами.

Вы глядите на всех свысока
И в глазах Ваших тоска.
Я люблю Ваш опущенный взгляд,
Так восточные боги глядят.
Ваши сжатые губы бледны.
По ночам вижу грешные сны.
Вы умеете ласковым быть,
Ваших ласк никогда не забыть.
А когда Вы со мной холодны
Ненавижу улыбку весны.
Мы случайно столкнулись в пути,
Мне от Вас никуда не уйти,
И усердно я Бога молю,
Чтоб сказали Вы слово «люблю»
И по картам гадаю на Вас
Каждый вечер в 12-ый час

От разбора Вериних стихов он всегда отказывался, чувствуя их незрелость, но смерть Гумилева как-то сразу сделала её взрослой, зрелой и мужественной.

Все его ученики из «Звучащей раковины» после убийства поэта устроили панихиду.

Вера пришла к Ахматовой и сказала ей:

— Анна Андреевна, мы организовали в Казанском соборе панихиду по рабу Божьему Николаю. Придете?

— Конечно, буду, — был ответ поэтессы и бывшей жены поэта.

И Вера пишет стихотворение «На смерть поэта». Позднее оно будет опубликовано в берлинской газете «Дни».

Слишком трудно идти по дороге,
Слишком трудно смотреть в облака.
В топкой глине запутались ноги.
Длинной плетью повисла рука.
Был он сильным, свободным и гордым
И воздвиг он из мрамора дом.
Но не умер под той сикоморой,
Где Мария сидела с Христом.
Он прошел. Спокойно, угрюмо
Поглядел в черноту небес,
И его последние думы
Знает только северный лес.

И этих панихид в то странное время было немало: хоронила Вера и скульптора Томского, и своего учителя географа Таганцева, и юриста Зайцева... Была юная поэтесса и в квартире Александра Блока на его панихиде и на похоронах... Тогда говорили: «Вот если бы разбомбить все похоронные процессии, то в Петербурге не осталось бы ни одного интеллигента».

Родители Веры понимают, что надо уезжать. Страх за дочь гонит их сначала в Ригу, оттуда — в Берлин.

В немецкой столице девушка узнает, что в городе есть кафе «Landgraf», где собираются русские литераторы, художники и все близкие к литературе и искусству люди. И место это называют тоже «Дом искусства».

Веру тепло встретили, она прочла небольшой доклад о петроградских поэтах и читала свои стихи. Подошедший к ней Андрей Белый сразу же сказал: «Приносите Ваши стихи в «Геликон». И девочка, ей только что исполнился 21 год, была горда и счастлива. Но у издателя «Геликона» Вишняка о стихах Веры было совсем другое мнение. Он говорил ей: «Благодарю Вас, сделаю для Вас всё, что хотите, но стихов Ваших печатать не буду». Руководил этими собраниями-вечерами Минский. Он и переводчица Венгерова стали называть Веру мужским именем — Бенджамин, потому что она была в эмиграции первой женщиной-поэтом, да и эмиграция только начиналась. Когда на эти собрания не приходил Белый, Минский просил

Бенджамин: «Пойдите к нему и пригласите его ещё раз на наше собрание. Если Вы попросите, он придет». Что и было на самом деле.

Белый, Белый, Белый... 1921-й год и его пребывание в Берлине было сложнейшим временем для него. Об этом периоде душевного надлома гениального поэта лучше всех и точнее всех, на мой взгляд, написал Евгений Замятин: «С антропософских высот он бросился вниз — в фокстрот, в вино... Но не разбился, у него хватило сил встать и снова жить, вернувшись в Россию». В Москву его увезла госпожа Васильева, по сути приехавшая за ним. В Берлине оставалась его жена и не жена Ася Тургенева. Единственное, что связывало этих двух талантливых людей до отъезда Белого снова в Россию — это антропософия. Когда-то там, перед Первой Мировой в швейцарских Дорнах они определили свой брачный союз как союз двух свободных людей без супружеской близости. Об этом периоде их жизни можно прочесть у Волошина. Вера страдала. Рядом с Верой была у поэта в Берлине дама сердца, «простушка Гретхен», дочь хозяина кабака, где они все тогда пили вино и танцевали. Были минуты, когда всему русскому окружению казалось, что он погибает. Притом он и сам говорил Вере, что должен погибнуть, поскольку голова его была в каком-то куполе, который сгорел в Дорнах... Несмотря на все женские страдания, Вера знала, что поэт ценит ее всепонимание и всепрощение — это и дало возможность ее чувствам перерасти в крепкую дружбу. Часами они засиживались в пансионе на площади Виктория-Луиза, где он жил. Она была первой, кому он читал свои воспоминания о Блоке, еще не дописанные до конца. Читал он и подробно объяснял ей и очень сложную поэму «Глоссария, и она очень радовалась, что первой смогла написать рецензию на эту поэму. Рецензия показала, что она сможет стать литературным сотрудником. Серьёзным поэтом она не стала, профессии не было, а жизнь в Берлине была дорогой и трудной. Ее заметили и она получила работу литсотрудника и в «Днях», и в «Сполохах». Так будущий советский граф Алексей Толстой предлагал ей работать с ним (и как бы сложилась её жизнь?). Секретарь редакции газеты «Руль» Арбатов тоже сулил «золотые горы». Вера часто и гордо заявляла мне, что многим в жизни она изменяла: и мужчинам, и женщинам (такое было время...), но своей партии социал-революционеров — никогда! А вот в своем шефе, потом и близком друге Михаиле Осоргине, авторе замечательного романа «Сивцев вражек» как в товарище по партии сомневалась до конца жизни.

Очень молодая, привлекательная (Вера не была красива), жадно азартная к новой жизни и новой морали, она легко завоевывала любовь и

дружбу именитых литераторов русского Берлина. Главное — они учили её литературному труду.

Через жизнь пронесла она любовь к Эренбургам. Из молодых коллег на всю жизнь связала ее дружба с Александром Бахрахом, который научил ее писать рецензии и фельетоны. За одну такую рецензию им очень досталось от Виктора Шкловского. Войдя в редакцию, он схватил стул и начал им стучать по полу, резко приговаривая: «Это же нахальство и безобразия, что эти дети пишут о нас, литераторах! Какое недопустимое хамство!»

Я бережно храню литературные портреты Александра Васильевича Бахраха «По памяти, по записям», подаренную автором Вере Лурье и передаренную мне, которую он называл шестияродной сестрой, со словами: «Дорогой Вере на память О Морской, О Павловске, О Берлине, О «Квартете», О Свиномюнде, О многом». Париж, 4.07.78 (день отъезда в Финляндию).

Была у Веры и непроходящая до конца жизни боль — ее еврейская национальность. Недавно умер мой хороший друг и хороший человек Еппо W. Его отец был главным хирургом в нацистской армии, а мать итальянской еврейкой. Как же гордился он, что по израильским законам он истинный еврей.

Моя внучка Aimee Sofi Gerards к моей русско-еврейско-польской крови добавила по отцу голландско-испанскую и французско-американскую. И на том свете я буду счастлива, если она однажды скажет себе: «Я русская». Но может быть всё иначе. Она родилась и живет в Германии и в её детском паспорте стоит «Deutsch». Не национальность, а гражданская принадлежность этой стране. Надеюсь, что в худшем варианте для меня, она назовет себя интернационалисткой.

Вера же презирала и ненавидела свое еврейство. Национальность матери скрыть было невозможно. Зато отец был по обстоятельствам то русским (по фамилии Лурье), то «евангелиш» — национальность, придуманная Верой по мере надобности. Это подтверждает в своем тексте и Виктория Хмельницкая. И всё это отнюдь не было связано только с нацизмом. Как будто сейчас слышу её рассказ: «Полукровок, «смесь» фашисты не убивали. Мою мать гестапо забрало только в 1944-м году. Ей удалось выжить благодаря второй дочери». Вера не говорила о своей младшей сестре, которая, наверное, была рождена от отца-немца и по немецким законам уже не была еврейкой. Имени её не знаю, так как Вера его никогда не называла.

По Вериным рассказам, ее отец был русским гвардейским офицером и служил в Первую Мировую под командованием гетмана Скоропадского. Похоронен он был в Берлине со всеми воинскими почестями. Поэтому в начале Второй Мировой войны им приносили продуктовые карточки, а потом даже их собачка попала под расистские законы и была зарегистрирована как «полукровка». «Парадоксально, — говорила Вера, — но Берлин был более свободным городом, чем вся Германия. В провинции нам бы не выжить».

Когда очередь дошла до Веры, она обратилась к Скоропадскому, другу отца, и он помог: её тюремный срок в гестапо продлился менее восьми недель. Освободившись, работала в этом лагере машинисткой, о чём тоже пишет в «Так сложилась моя жизнь» моя берлинская подруга. Но и восемь недель в гестапо — целая жизнь. Она рассказывала мне много разных эпизодов из той жизни, когда надо было «ловчить, хитрить и балансировать как канатоходец в цирке» (по ее словам). Вера уже знала историю с русской актрисой Агатовой, которую гестаповцы застрелили у входа в её дом только потому, что она не пожелала говорить с ними по-немецки, а на все вопросы отвечала по-русски...

Был и ещё случай, который семье Лурье чуть не стоил жизни. Ночью нагрянуло гестапо и арестовало их квартиранта. Обыск не принес нацистам желаемого результата. А позднее Вера с матерью узнали, что этот молодой человек был связным «Красной капеллы». Через несколько месяцев к ним пришел отец этого парня и вытащил из тайника в печке передатчик. Радовались, что они всего этого не знали, иначе страх мог бы их выдать.

После войны она написала очерк «Мое знакомство с гестапо». В парижской газете «Русская мысль» опубликовала свои воспоминания о Белом и Гумилеве. Но активной литературной деятельностью уже не занималась.

Стихи стала писать по-немецки, как мне кажется, не очень поэтичные. Слава Богу, она не была тщеславной. Я думаю, что она и сама понимала, что всю жизнь оставалась только ученицей любимых поэтов.

Ко времени нашего с ней знакомства она окружила себя молодежью, давала уроки русского языка и раз в месяц устраивала у себя «литературную гостиную», которую я не посещала. Однажды Вера задала мне вопрос, повергший меня в дрожь: «Знаю ли я, о чём буду думать в последние минуты жизни? А я думаю, — сказала она, — думаю со дня смерти Гумилева (вспомните последние строчки в «На смерть Гумилева» и знаю.

Я вспомню себя юной, нежной, протянутые ко мне руки Кости (Константина Вагинова) и его стихи ко мне, Он единственный, кто меня просто любил, ничего не ожидая и ничего не требуя».

Упала ночь в твои ресницы,
Который день мы стережем любовь,
И синий дым клубится
Среди цветных, умерших берегов.
Орфей был человеком, я же серым дымом.
Курчавой ночью тяжела любовь,
Не устеречь ее, огонь неугасимый
Горит от этих мертвых берегов.

НЕРАЗГАДАННЫЕ ГОЛОВОЛОМКИ

Горечь и досада остались у меня после просмотра ТВ-фильма Владимира Познера «Германская головоломка». Головоломки остались и, если бы не последняя серия, фильм остался бы официальным и казенным.

Нельзя было рассказывать о тяжелой истории Германии и самих немцах во время легкого необременительного путешествия. То, что удалось автору фильмов в Италии и во Франции, оказалось неудачным в Германии. Также неуместен здесь был со своими шутками Иван Ургант. Смотришь и думаешь, как столь талантливому человеку изменил его профессиональный вкус.

Плохо получилось и начало фильма — резкий контраст: веселый праздник Мюнхенского Октоберфеста — миллионы выпитых кружек пива и вечное горе — сотни тысяч погибших в печах Дахау.

Меня, человека, прошедшего ребенком через гетто и обоз партизанского отряда, фильм не тронул, не увлек, не вызвал и рыданий. Он оказался слабее многих художественных советских кинофильмов, которые до сих пор без слез невозможно смотреть.

В Германии живет несколько миллионов бывших советских людей. Опыт вживание, врастания в эту страну тоже многомиллионный.

Если бы Познер учел это в своем сценарии, то фильм оказался бы с внутренним текстом, настроением и был бы наполнен живыми людьми, а не действующими лицами.

Первое, что отсутствует в фильме, — это **сострадание** и готовность немцев броситься к нам на помощь, начиная от социального работника и кончая высоким чиновником.

Но сейчас пишу о своем личном опыте адаптации. Моя эмиграция началась в Вене, а потом в Западном Берлине. И, когда скоропостижно умер муж, мой берлинский сосед, Klaus Gavronski, диспетчер Берлинского метрополитена, в течение двух часов оформил отпуск за свой счет на две недели и вместе с женой увезли моих детей к себе на дачу под Soburg. Не брат, не сестра, просто соседи, хорошие соседи, помнить которых буду до последних дней моих.

В начале восьмидесятых я получила работу в Мюнхене на радио «Свобода». Переезд был равносильным второй эмиграции: снова я с двумя детьми и двумя чемоданами... Но у меня уже были в этом городе первые знакомые немцы. Сначала они помогли мне снять маленькую комнату в ма-

леньком отеле, а потом (в тайне от меня) пробивали мне квартиру через мэрию города.

Можете себе представить мое удивление, когда я получила письмо от господина Kronowitter, бургомистра, в котором он сообщал, что готов помочь мне с жильем «in Rahmen meiner Möglichkeiten», то есть он писал, что готов мне помочь с жильем «в рамках его возможностей!» Он, хозяин города Мюнхена, признается в том, что он ограничен в своих возможностях. Вот бы российским губернаторам прочитать и подумать над этим письмом... Пусть бы они поняли, чем отличаются баварские чиновники от них и их «возможности возможностей» — немецкого чиновника от российского.

За кадры, рассказывающие о нечистоплотности и жадности немцев, снижаю личный человеческий рейтинг автору фильма. В любой стране есть люди, которые едят и пьют из грязной посуды и даже не из-за экономии расходования горячей воды. Для меня жадность немца не жаднее жадности англичанина или шотландца. Просто у западного человека отсутствует русское: сегодня гуляй, рванина, от рубля и выше, а завтра занимаю у соседа деньги на кусок хлеба.

Немцы не занимают, а помогают. Мы привыкли к их фондам и гуманитарной помощи. Учимся за их счет, лечимся, носим купленные ими вещи и их же критикуем.

А вот мои примеры. В первые дни моей новой мюнхенской жизни ко мне приезжает моя знакомая (подругами мы станем позже), Frau Kius, бывший посол ФРГ в Конго и Марокко, а ко времени нашего знакомства — председатель Всегерманского Комитета по защите Валленберга. Увидев, что я наливаю чай в банку из под варенья, была смущена не менее меня. Через час она привезет мне роскошный старинный английский сервиз. Подарок я приняла, и мы обе смеялись, понимая несоответствие такого дара и моих чемоданов, о которых я только что писала. Но это было давно. Пример из сегодня. Сын моих хороших друзей-баварцев, драматург и переводчик поэзии ренессанса с французского на немецкий язык Georg H. долгие месяцы содержал двух своих друзей, которые защитили докторские диссертации (юрист и философ), но то ли не нашли, то ли долго не искали работу. А работающий друг оставлял себе треть зарплаты, а две части переводил на банковские счета временно безработных. Желаю и Вам, уважаемый Владимир Владимирович, и вашим внукам такого друга.

Понимаю, что главными темами фильма были две: всепрощение немцев и современный нацизм. Самый наглядный пример для меня в фильме —

дочь Познера, живущая в Берлине. Она вместе с немцами-соседями мостит свой двор булыжниками, на которых высечены имена и фамилии евреев, живших здесь в гитлеровское время и уничтоженных в концентрационных лагерях. Сожалею, что в этот фильм не попал современный памятник — стенд жертвам фашизма, придуманный историком Leo Bruks и художником Kastner: каждый ноябрь ставят они в микрорайонах Мюнхена белые старые потрепанные чемоданы с бирками, на которых все имена и фамилии евреев, живших до войны в домах и квартирах этих районов. Трогательно наблюдать, как к этим памятникам жители несут цветы и зажигают свечи — ничто не забыто! И это меня радует. Не заметил веселый путешественник и автор фильма и еврейский музей под открытым небом на площади Свободы в районе Нойхаузен, где на каждой стеле — фото и биографии почетных евреев-бюргеров довоенного Мюнхена. Недосуг было ему заглянуть в городской справочник названия улиц города, из которых он бы узнал, что в Мюнхене 96–98 или вновь названных (таких, как Geschwister Scholl Platz), так и вернувшихся с догитлеровского времени улиц, которые носят имена евреев, почетных граждан города. Среди них президент футбольного клуба Баварии Kurt Landauer. Именно с ним клуб в 1932-м году впервые стал чемпионом Германии. Возродили мюнхенцы память и художника Liberman, президента Академии Художеств в начале тридцатых, а также и первого профессора истории современной литературы Германии Michael Bernays и многих других замечательных деятелей. Я уже не говорю о том, что много интересного материала для фильма могла бы принести и еврейская Община города Мюнхена...

Не в словах, а в деле вижу я покаяние моих нынешних сограждан и ценю это. Что же касается главной темы — современного нацизма, я бы убрала из фильма татуированные бицепсы молодчиков. Просто показала бы их зловещую деревню и фрагменты заседаний Верховного Суда Баварии, где проходил крупнейший в послевоенной истории Германии процесс над нацистами и их лидершей Беатой Цшепе.

А вот контраст про любовь к Родине мне понравился. Мадам (то ли русская, то ли украинка) в театрализованном костюме принцессы и будущей императрицы России на всю ширину экрана заявила интервьюеру о личном счастье: Германия стала ее второй Родиной.

На нескольких сотен метров киноплетки мы видим внуков Познера. Один, смущаясь, говорит, что по национальности он чувствует себя берлинцем, а старшая внучка грустит потому, что везде, где бы она ни была (в Германии, разумеется), чувствует себя немного не у себя...

Спасибо внукам господина Познера. Они не только посмотрели фильм дедушки, но и внесли в него свое живое слово. Я — с ними, потому что не верю во вторичность: второй дом, вторая Родина и даже второе мировоззрение: сегодня ты — коммунист и КГБист, а завтра стоишь со свечой в руках у алтаря Храма Спасителя и целуешь руку патриарху. Не верю в эту искренность, в эту вторичную правду.

А ответу Владимира Владимировича на вопрос — не германофоб ли он? — **стараюсь не быть** — хочу верить.

В НЕВОЛЕ СВОБОДЫ ВЫБОРА

Семейное счастье, золотая середина. Как скрестить задушевность всегда слегка подвыпившего российско-советского мужа и стереотип современного рационального нещедрого мужа-немца, любовь которого светит, но не греет?

Об этом на страницах одной русскоязычной газеты писала журналистка N.: «...не принять быть родным в нашем русском понимании», — сетует она на нового мужа.

А вы загляните в немецко-русский словарь: родной — *der Verwandte* — переводится только как «родственник», а никакая вам не родня по духу.

Да и духовность, наша внутренняя наполненность, чем мы так гордимся перед нашими новыми мужьями, переводится на русский язык без нашей поэтики. *Geist* для них, немцев, в первую очередь понятие религиозное. Затем трактуется как сознание, а чаще — как ум и мысли. По словарю Ожегова, всё правильно.

Нет, чтобы принять это как производную для создания новой семьи: наша духовность и их прагматический ум — новый фундамент эмигрантского брака. Мы же хотим занять всё сразу в новом браке, но не хотим понять простую истину: прежде чем получить, нужно научиться отдавать.

Если в новом браке взвинченная российская национальность не наложится на устойчивый немецкий прагматизм, а русская душевность не совпадёт с немецкой сентиментальностью, гармоничному браку не быть.

Прожив первые двадцать лет в Германии, из которых последних тринадцать — с немцем, я пришла к убеждению, что семья — это взаимные

обязательства. Счастливы в браке те, кто эти обязательства выполняет с любовью, готовностью и желанием. В таких случаях семейный круг становится неразрывным кольцом независимо от национальности и менталитета.

Нам, бывшим советским жёнам и подругам, в новой стране необходимо многому учиться и научиться, освобождаясь от внутренней лени. К сожалению, недостаток и материальное благополучие мужа для многих из нас становится тормозом, а не стартовой площадкой для развития. Уверена, что с этими проблемами сейчас столкнулись и семьи «новых русских».

Вспоминаю себя в прошлой, советской жизни и вечный упрёк мужа: «Почему ты никогда не говоришь «мы», а только «Я»?

Думаю, что была не единственной. На первом месте были дети, карьера и работа, а муж сосуществовал рядом. Жила по принципу — куда он денется. И только после его смерти поняла, какой плохой женой я была. Наготове всегда был ответ: «Прости, не успела». Сегодня не успела рубашку погладить, завтра — поесть приготовить и т. д.

С немцем такое поведение непозволительно. Независимо от того, придет он домой или нет, в 12:15 стол накрыт и обед готов. Наконец понимаю, что еда — не смазка двигателя, а удовольствие и наше с ним свободное время с выключенным на пару часов телефоном и запертыми на ключ воротами дома.

Многое, что в новой семье принимается как протокол, в российской не имело место. Если бы, к примеру, кто-то из моих бывших ленинградских подруг сказал, что они с мужем ежедневно обсуждают меню на завтра, я бы не поверила. Готовили из того, что успели достать, из того, что завезли в ближайший магазин. Я бы подняла на смех моего покойного мужа, попроси он меня приготовить фасольевый суп, предупредив, что стручки должны быть нарезаны длиной полтора сантиметра.

По мнению второго мужа, стручки, нарезанные длиной по одному сантиметру, в тарелке выглядят неэстетично, а по два — не умещаются в ложку. Так в мелочах, в буднях учусь толерантности, учусь хотя бы пару часов в день быть самой у себя домработницей при полном достатке.

Однажды была просто шокирована, прочитав, что дочка Штрауса, первого человека Баварии, после гимназии вместо престижного университета пошла в школу домоводства. Теперь понимаю почему: университет от неё никуда не делся, и, став министром культуры и образования Баварии, она с министерским блеском вела и домашнее хозяйство. Рабочее

кресло — только дополнение к традиционным трём К — Küche, Kinder, Kirche.

Часто встречаются брачные объявления, в которых солидные дамы из Москвы, Ленинграда, Риги и Одессы предлагают себя в жёны немцам. Хочется задать вопрос, сможете ли вы стать женой западного человека? Как им объяснить, что такой брак — это два мира, два образа жизни и мышления, два различных социальных уровня, два воспитания и, наконец, два языка. Хватит ли жизни и желания преодолеть всё это и остаться достойной партнёршей мужу и не превратиться в чеховскую душечку?

И, если одна из них когда-то услышит от мужа-немца: «Du bist ich», пусть с полной уверенностью переведёт как родная...

ЧАСТЬ V. КОРОТКИЕ РЕЦЕНЗИИ

НА ПОЛЕ КРОВИ

«Мама, а какого цвета совесть? — спросила меня более двадцати лет тому назад одна из моих дочерей, — жёлтенькая, да?»

«Да, да, жёлтенькая, светлая, солнечная».

Именно с такими понятиями человек входит в мир и именно поэтому так не хочется калечить его хрупкое восприятие суровым бытием, правдой, тем, что совесть часто бывает не только чистая, но и нечистая или, ещё резче, как на шахматном поле, чёрно-белая. А недавно наш писатель-диссидент Георгий Владимов писал в изгнании: «...серые ставят... и выигрывают». У серых совесть бесцветная, не терпящая никакого беспокойства и готовая, смотря по обстоятельствам, окраситься в любой нужный цвет. Они не замечают драматизма времени, в котором живут. Совесть, по советскому анекдоту, — понятие идеалистическое, и нам марксистам-материалистам она не присуща.

Мы действительно больше привыкли к словам, нежели к понятиям, но привыкли к ним настолько, что они проходят как бы по касательной нашего сознания, не затрагивая души. Совесть, стыд, предательство — эти и многие другие слова использовала советская система, система зла, чтобы выработать в нас толстовское непротивление. И невообразимо трудно было академику А. Сахарову — совести нашей интеллигенции — быть услышанным и понятым нами.

А формула любви А. Солженицына «Жить по совести, жить не по лжи» с трудом входит в наше искалеченное сознание.

Пишу об этом после спектакля по драматической поэме Леси Украинки «На поле крови», который мне на днях удалось посмотреть в Свободном Украинском Университете города Мюнхена.

Спектакль был поставлен режиссёром и исполнителем главной роли Юрием Расстальным совместно с Олегом Сенивым в роли Странника. Люблю Лесю Украинку как талантливую поэтессу, а уж потом как драматурга, поэтические драмы которой наполнены перенапряжением философской мысли, обязательной борьбой белого с чёрным и трагическим финалом.

Знаю и то, что писала она эти драмы для чтения, а не для сцены. Разве

иудейские сюжеты «Вавилонский плен» или «На Руинах» могли заинтересовать театр в до и послереволюционной России?

А ведь поэтесса обладала удивительным талантом использовать сюжеты и образы мировой литературы и истории и увязывать их с современностью.

«На поле крови» — новозаветная библейская история, перенесённая на поле поэтической трагедии.

«Не двенадцать ли вас избрал Я? но один из Вас диавол» — гласит библия (Ин.6:70). И диавол этот — Иуда. Иуда из Кариота, Иуда Искариот, сын Симона Зилота, двоюродного брата Иисуса Христа. Согласно библии, он был учеником своего Учителя, пользовался его полным доверием и заведовал общей кассой, которую носил с собой в деревянном ящичке. За треть суммы, находившейся в этом ящичке, за тридцать сребренников (сумма ничтожная по тем временам — равная цене раба), предал Иуда Христа спасителя.

Теза — антитеза. Всё тот же чёрно-белый вариант, который испытал каждый из нас.

Моя теза — военное православное детство еврейского ребёнка, пережившего гетто и выжившего в обозе партизанского отряда с ежедневной молитвой: «Господи, спаси и сохрани...» И антитеза — атеистическое послевоенное воспитание и образование. И библия служила не познанием, а опровержением.

«На поле крови» — этой драмы Леси Украинки я никогда ранее не читала, но название звучало удивительно знакомо. Только после спектакля я вспомнила: полем крови древние иудеи называли участок земли недалеко от Иерусалима, который был куплен за те же самые тридцать сребренников Иуды у бедного горшечника для погребения странников, за те же самые гроши, которыми он так и не успел воспользоваться.

И у каждого из нас давно сложился образ Иуды-предателя: немощный, хилый, с рыжими растрёпанными волосами и анемичным лицом. Человек ничтожный, презренный, как и его поступок.

Каково же было моё изумление, когда я увидела Иуду Искариота на сценическом поле. Мы все любим театр и, как говорил Белинский, «...можете ли Вы не любить театр больше всего на свете, кроме блага и истины?» Мы подвержены драматизму. В нас не умирают чувства сопереживания. Но современная «драма», базирующаяся только на реализме, часто примитивна и груба. И поэтому шла я на спектакль с некоторым чувством иронии и скептитизма, шла, как говорится, провести вечер.

Увиденный мной театр ошеломил, поразил и подчинил меня с первого момента. Начало спектакля, белое и чёрное поле игры, теза и антитеза меняются местами. Перед нами был не намертво устоявшийся в нашем представлении образ Иуды, перед нами был атлет, Спартак, римский гладиатор, человек сильный, красивый, прекрасно владеющий пластикой тела. Движения и жесты его скупы и расчётливы. Они полностью соответствуют тому характеру, который дал Иуде играющий его актёр — характер страстный и в своём искушении, и в греховности, и в честолюбии. Характер, в котором в начале спектакля, в начале действия нет раскаяния и стыда. И у зрителя возникает впечатление, что преступления вовсе и не было. Этот антигерой на наших глазах превращается в героя.

Что же перед нами? Театр абсурда? Антигерой Иуда проводит нас, зрителя, через «сквозное действие»: зал готов рукоплескать в тот момент, когда надо было бы дать волю слезам. А когда Иуда прыгает на стол, головой и руками упирается в потолок, нам кажется — этот антиатлант разрушит здание им же созданного абсурда, и мы погибнем вместе с ним, а ежели уцелеем, пойдём за ним, не оглядываясь, и не спросим: «Сколько стоят тридцать сребренников сегодня в конвертируемой валюте?»

Зрители, осознавая весь трагизм положения, готовы рукоплескать предателю.

Но добро и любовь движет миром. И в разгоревшемся внутреннем конфликте с самим собой, в борьбе со своей совестью — «целуя продам» — рефреном звучит в финале человеческое раскаяние.

«Отвергнись зла и делай добро» — отвернись полностью от зла, не помышляй злого и твори добро, исправь зло, делая добро. Начинается Кафка с его «Процессом», где идёт непрерывный беспристрастный суд над самим собой. Поэтическая драма уступает место идеальному сонету, в котором последний терцер-синтеза: «А может я его всё-таки любил?»

И после спектакля мне захотелось встретиться с Юрием Расстальным и задать ему несколько вопросов.

— Скажите, Юрий, Вас не пугает такая искренняя симпатия зрителей после Вашей игры к этому, веками устоявшемуся отрицательному образу Иуды?

— Симпатия? Не знаю, но, по крайней мере, зрители задумались. Образ Иуды, как и «абсолютное зло», не нашли до сих пор окончательного приговора. Не великим философам, ни художникам, ни писателям не удалось разрешить этот вопрос. И у Владимира Соловьёва, у Достоевского и Тол-

стого, у Леси Украинки и Леонида Андреева мы наблюдаем только конфронтацию с понятием «абсолютное зло». Безусловно, предательство Иуды — зло, но и он имеет право быть услышанным. Услышанным и понятым хотел быть и я. И важной для меня была реакция священнослужителей и монахинь, которые присутствовали в зале. «Вы дали нам урок», — был их ответ на мою игру.

— Юрий, я внимательно следила за Вашей игрой и мне показалось, что почти до финала Вы создавали драматизм образа Иуды по поэме Л. Украинки, а финал выстроили по рассказу Л. Андреева «Иуда Искариот и другие». Так ли это?

— Да, у Л. Андреева Иуда был более приземлён, что ли очеловечен. Он уверен: зло, содеянное им, было не намеренно — он не убил, он только указал на Него. «Не тебе меня проклинать, говорит он страннику. — Ведь я не знал, что с ним сделают; веноч терновый, крест — как мог я знать? Могли его и помиловать.» И в конце действия вина его так глубока и за-предельна, что он уверен: «теперь нет смерти».

И последний вопрос:

— Юрий, расскажите немного о себе и своих планах в новой для вас стране.

— Я родился в Киеве, в семье актёра. В детстве была жизнь за кулисами, а после окончания театрального института на сцене вместе с отцом в театре имени Ивана Франко.

После гастролей театра около двух лет тому назад остался в Германии. Свой первый спектакль на Баварской земле мы вместе с Олегом играем на украинском языке. Но тема спектакля — общечеловеческая, она не подвластна ни политической организации, ни государственному строю. Чтобы понять, что такое добро, нужно для начала зло назвать злом. И поэтому эта тема, думается мне, понятна и немецкому зрителю. Конечно, хотелось бы поставить спектакль с немецкими актёрами. Например, по рассказу Ф. Достоевского «Сон смешного человека», фантастическому рассказу, в котором идеальные люди живут в идеальном обществе, но приходит он, смешной человек, и всё разрушает.

Существует интересная интерпретация польского режиссёра Анджея Вайды по роману Ф. Достоевского «Идиот» — «Настасья Филипповна». Планов «громадьё», и хочется их осуществить.

СЦЕНАРИЙ ДОПИСЕЛ ВРЕМЯ:

«ЛЕВИАФАН»

Память — это фотоаппарат и кинолента, она возвращает нас из прошлого в сегодня то фотографиями, то картинками прожитого и пережитого.

Фильм Андрея Звягинцева «Левиафан» запомнится мне тоже картинками-эпизодами. Первый — женские руки у конвейера рыбокомбината и стекающие в кучки обезглавленные рыбы. Второй — лица этих работниц в салоне автобуса, везущего женщин на смену.

На несколько секунд я забываю, что смотрю не хронику, не документальный, а художественный фильм. Кинооператор Михаил Кричман как бы экономит свет в кадрах, но в этой скупой зыбкости до боли четко и выпукло зритель видит трагизм современного провинциального российского бытия. На этих лицах — выражение бездуховности, равнодушия и всеобщего безразличия и к самим себе, и к окружающему миру. Куда-то уходит и ощущение, что ты смотришь цветной, а не черно-белый фильм. Тревожит душу и музыка композитора Филина Класса. Она так слитна, так органична, так беспощадно связывает экран со зрителем, что до самого конца просмотра нет сил проглотить слезный ком в горле.

На вопрос друзей, успела ли я посмотреть этот фильм и как он мне понравился, отвечаю двумя словами: «да» и «нет». Да, потому что в фильме не замечаешь актеров второго плана, все они на своем месте — главные герои. Говорю «да», потому что к концу фильма я возненавидела актеров, играющих мэра и его духовного патрона. Пусть простят меня Роман Мадянов и Валерий Гришко — они прекрасно справились со своими ролями.

«Нет» говорю не фильму, а проблемам, поднятым сценаристами (Олег Негин, Андрей Звягинцев). Эти проблемы я осознала еще в 70-х, и они стали причиной моей эмиграции. Главная из них — власть опасна для свободного гражданина.

Как во всей России, в фильме «Левиафан» рушится и саморазрушается жизнь. Разве недавно принятый закон Госдумой о снижении цен на алкоголь во время глубокого кризиса не есть разрушение страны? «Левиафан» — это киновариант истории библейского Иова, перенесенной в наше сегодня, когда уничтожается человеческая природа и свобода. По-

этому главная тема в фильме — разрыв, разрыв всего человеческого, справедливого с коррумпированной наглой властью. Если сам Господь триедин, то местный пахан власти — единожд и под себя подбирает духовников и карательные органы.

Алексей Серебряков очень искренне сыграл роль Николая, главного героя фильма. По сценарию его герой не пропил мозги, у него крепкие руки, крепкий дом, построенный, видимо, еще вместе с отцом, и крепкое хозяйство. А мэру поселка нужен даже не дом мастера, а его фундамент, место, на котором можно построить что-то новое и прибыльное. Поэтому развязка проста и обычна. Семья Николая уничтожена. Он в тюрьме, жена на кладбище (актриса Елена Лядова, получившая «Золотого орла» на последнем московском фестивале за лучшую женскую роль). Дом идет на слом.

Очень выразительна и предпоследняя сцена — сцена, очень яркий свет и нарочито роскошно одетое семейство мэра в первом ряду у алтаря. Все напоказ, и жизнь их удалась. Хозяин округи чист и светел и снова готов к исповеди и причастию... но сценарий не дописан. Критики почему-то не увидели в фильме еще одного героя — мальчика, сына Николая.

Через двадцать лет он будет одним из нового поколения российского будущего. Мы не знаем, кем он вырастет — во злобе и мести или любовь к отцу сделает его достойным человеком.

ШПИОНОМАНИЯ

С Павлом Сиркес и его женой Тамарой Жирмунской знакома и дружна двадцать лет. О чем только не переговорено за эти годы, прочитаны все книги, ими написанные. На днях прочла новую книгу-роман Павла «Шпиономания», выпущенную издательством «za-za» только что в Дюссельдорфе, и вместе с ними как бы снова прожила их жизнь...

Шпиономания — только середина романа, материала и мне хорошо известного, а в целом это роман о самом авторе. Начинается роман со страшных военных лет мальчика еврейской мишпухи в русско-украинском и молдаванско-румынском окружении. Сжато, но очень глубоко Павлу удалось описать жизнь и быт местечкового еврейства, глубокие и мощные корни дерева жизни и огромной взаимной любви друг к другу от Парижа до Караганды: кто-то пропадал, кто-то находился, сколько было неожиданных встреч и сколько горьких потерь... Меня это глубоко тронуло. Война кончилась, еврейский мальчик вырос и решил стать журналистом и покорить Москву. Эта тема и мне, смоленской провинциалке, очень близка. Считаю советскую школу и дорогих учителей лучшими, что у меня было в детстве: единая школьная программа «от Москвы до Махачкалы», единые учебники и отличный результат. Мы, «понаехавшие», проходили успешно конкурс в 13-17 человек на место и не уступали москвичам. По сравнению с Павлом у меня было два преимущества: мишпуха погибшего отца отнеслась ко мне по-родственному: мне было где жить в Москве, а главное у меня была русская мама и не было «пятого пункта» в паспорте. Мои кузины и кузены (тоже с русскими мамами) успешно получали дипломы: один закончил Шукинское училище и Институт Стали, кузина — Гнесинку и иняз и всю жизнь проработала в СЭВе. Кузен Игорь Золотовицкий стал заслуженным артистом, а теперь и профессором и руководителем театральной школы. Не повезло только младшему кузену Боре Генинсон: вопрос о его зачислении на Мехмат решался даже в какой-то комиссии ЦК партии. Все-таки вопрос решился в его пользу, он стал математиком, учился вместе с Березовским и был его научным и рабочим негром — будущий олигарх был очень талантлив, но имел мало времени на учебу — делал первые деньги. Этому злосчастному «пятому» пункту и посвящены главные страницы романа Сиркеса. Тут уж он подробно и последовательно показывает читателю, как власть вытесняла и его и ему подобных из страны, в которой они родились и кото-

рую любили. И последнее. Несколько строк из письма Тамары к мужу, когда она окончательно поняла, что уехать с дочкой не может, но готова на все жертвы ради спасения мужа — его отъезд, его эмиграцию. Вот что она написала: «Давай пожалеем — я тебя, а ты — меня. Давай сохраним признательность и нежность. Никто не знает будущего. Но такие чувства на дороге не валяются... Будем мы в разводе или нет, ты останешься моим мужем. Наш дом — твой дом». И жизнь и судьба сберегла этих людей — они давно вместе в Мюнхене, и я желаю им обоим еще много счастливых лет вместе!!!

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Сложилась традиция: в каждый приезд Владимира Войновича в Мюнхен мы собираемся на литературные посиделки. Мы — это семья двух поэтов-организаторов наших встреч — Наташа Генина и Андрей Рева, писатель Г. М. Хазанов, которому только что отметили 90-летие, обожаемая нами всеми Майя Туровская (которую не надо представлять), писательница Люда Агеева, поэтесса Ира Стекол и еще несколько близких Володе друзей.

Темы для застолья всегда «две в одной» — Россия и литература и литература в России. Стол собираем по-студенчески скромный и под первую рюмочку Володя всегда что-нибудь читает. На сей раз читал давно опубликованный и полный юмора рассказ о Сталине в ночь 22 июня. Потом, конечно же, уже говорили о возрождении сталинизма. Мне же вспомнилась недавняя передача, которая мне попала в интернете, где вчерашние новобранцы в какой-то воинской части принимали присягу, стоя на коленях и целуя знамя с портретом Путина. Так что на наших глазах сталинизм перерастает в путинизм.

И все же вечер закончился юмором. Вертикальный ливень ждал нас у выхода. Майя спрашивает меня: «И вы в этих туфельках побежите по лужам?» Отвечаю: «Да мне больше замшевого жакета жалко, чем туфель». «Нет, уж», — говорит Майя, разувается и по щиколотку в воде бежит к машине ... Глядя на эту 92-летнюю женщину, вспомнила студенчество, когда выходные туфельки были одни и как мы после театра разувались и босиком бежали по ночной Москве. Значит и Майя не забыла те времена...

Ну и Володя на прощание сказал замечательные слова: СЛЕДУЮЩЕМУ ПРЕЗИДЕНТУ НУЖНО БУДЕТ ДАВАТЬ КЛЯТВУ НЕ НА КОНСТИТУЦИИ, А НА ТОМИКАХ САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА!

ДОРОГА НА МАЙДАН

С интересом прочла книгу моего приятеля, коллеги по радио «Свобода» и соседа в Мюнхене Владимира Малинковича «Дорога на Майдан». Книгу обещала посмотреть по-журналистски: сверху вниз и по косой... Не получилось, не хватило моей политической хватанности и пришлось читать внимательно.

Не пожалела. «Дорога на Майдан» может претендовать на учебник политологии современной Украины. Автор делит историю этой страны на три больших раздела, которые приводят страну в конце концов к нынешнему кризису.

Я же насчитала в книге множество всяческих разделений и главные из них — не ненависть двух братских народов, отошедших друг от друга на долгие годы, а грубая и полная ошибок власть, власть украинская, власть российско-украинская, власть Запада и Америки.

Так что «тиха украинская ночь» — только у Гоголя.

У Малинковича в книге такая тишина даже не намечается, страна была и остается страной, разорванной на конфликтующие между собой части. Меня больше всего в книге заинтересовала история национализма, история интегрального национализма и как на смену им пришел национализм государственно-политический. Книгу читать интересно ещё и потому, что автор в девяностые был участником тех многих событий: советником Кучмы, был близок с руховцами и очень объективно объясняет, почему руководство Кучмы сдало идеологию государства националистам, что такое Майдан и Евромайдан.

Владимир четко и объективно изложил факты, а нам оставил возможность самим делать выводы и анализы.

ОНИ БЫЛИ С НАМИ

*«Не всякому дано любви хмельной напиток
Разбавить дружбы трезвою водой,
И донести его до старости глубокой
С наперсницей, когда то молодой...»*

Эти строчки Якова Полонского можно отнести к супружеской паре Игоря Кондакова, пианиста, организатора и руководителя первого в СССР джаз-оркестра и его жены Mila Wollrath-Кондаковой. В юности судьба свела их в Москве: студентку театрального института, немку из бывшего Кенигсберга и талантливого москвича. Оказавшись в эмиграции, Игорь с концертными программами облетает весь земной шар и Мила всегда будет рядом. Когда пришло горе — за три года до смерти Игорь впал в кому — Мила до последней капли вместе со слезами испила свой напиток любви.

Я очень благодарна обществу «Мир» и всем «мировцам» Мюнхена за прекрасный и по-домашнему уютный вечер их памяти, сопровождаемый прекрасной музыкой в исполнении пианиста и профессора музыки Леонида Чижика и контрабасиста Peter Voskius. Вспоминаю начало 85-го, когда я из Западного Берлина переехала в Мюнхен по приглашению работать на радио «Свобода» и сразу же познакомилась с Игорем Беруштитис, тоже прекрасным музыкантом и другом Игоря Кондакова. Познакомились, но я не спешила в компанию Кондакова, в которой он был со всеми на «ты» и у него было имя Кандей. За его маской веселого циника чувствовалась ранимость и глубина талантливого человека.

Постепенно подружились, и я с дочерьми стала часто приходиться в ресторан Mövenpick, который очень напоминал мне послевоенную мещанскую Москву и где Игорь проработал пианистом целых 17 лет. В дополнение к музыке девочки еще получали «Семейное мороженое» в огромной стеклянной вазе, которое делили и с Милой, и с Верой Беруштитис. Однажды дамы принесли мне поэму Игоря: история России в «мат-перемат» — Лука Мудищев просто отдыхает!

Как-то в Ленинградском университете я слушала защиту кандидатской по теме русского мата. Прочитав поэму, я бы Игорю сразу присвоила

звание доктора наук: поэма написана гениально. Уверена, что у кого-то из наших общих друзей сохранился текст и его надо было бы опубликовать хотя бы для специалистов литературоведения. Уверена — доживи Игорь до наших дней, он бы стал писателем. Наша светлая память Миле и Игорю и радость, что они были в нашей жизни!

РАЗНЫЕ В РАЗНОМ

Два русских армянина, два москвича, два талантливых человека, артист Армен Джигарханян и солист балета Большого театра, мой приятель Владимир Николаевич Барсесян, два человека, претендующих на достойную старость. Один на 87-м году жизни издает огромный философский труд под скромным названием «Хореография», другой загнал свою старость в пошлость и грязь.

Если один из них объясняет понятия этики и нравственности, то второй даже не пользуется «малым в большом» — деликатностью отношений. Мне совсем непонятно, как Джигарханян из гордого горца превратился в старца, позволяющего часами полоскать свое имя в эфирном времени. Я верю, что «неравные браки» могут быть счастливыми.

Пример поэта Фета и предсмертная любовь Гейна, любовь без меркантильности. Этот любви напиток был не дан ни артисту, ни его «девочке-празднику» (как подобные ей себя называют). Как-то читала, что в голливудских брачных контрактах стоит пункт, чтобы мужа закрывали после себя крышку туалета. Может пора нашему телевидению тоже слить в унитаз эту водевильно-грязную историю и опустить крышку, наконец?

АЛЕКСАНДР АЛЯБЬЕВ

Замечательное событие. В малом зале Мюнхенской филармонии прошел юбилейный концерт к 230-летию со дня рождения композитора Александра Алябьева. Что я знала из его творчества в мои российско-советские годы, кроме «Соловья»? Не много: «Вечерний звон», «Нищенка» на слова Беранже и «Ворон ворону сказал...»

В Германии не то, чтобы его забыли — его совсем здесь не знают и поэтому исполнители и постоянные друзья общества «Мир», организатора этой встречи с немецкими и российскими зрителями, ошеломили публику. Каждое выступление принималось радостным подарком. Мотивом вечера, конечно же, стал и любимый самим композитором «Соловей».

Его блестяще исполнили домбристика Мария Велановская и пианистка Екатерина Медведева в начале концерта, потом — сопрано Татьяна Фуртас и в заключение — уже всем исполнительным коллективом. Я же вспоминала «Соловья» в исполнении моей ушедшей навсегда подруги, старше меня на целое поколение, бывшей солистки Ленконцерта Любочки Черниной.

Люди моего поколения называли ее поющей Золушкой. В фильме играла Жеймо, а Любочка пела «Станьте дети, станьте в круг...» В Ленинграде мы были хорошо знакомы, в Мюнхене подружились на годы. Сожалею, что не была на ее прощальном концерте. В Дюссельдорфе, в зале на 1500 человек, в свои 75 лет, она с полным триумфом навсегда попрощалась со сценой и «соловьем». Берегу кассету этого концерта.

А на её 90-летие приехали Плисецкая и Щедрин. Так что мы — не изгнанники, мы — посланники. Мы посланники русской культуры. На концерте мы и сами знакомимся с нежно-печальной с незнакомой для меня чарующей музыкой: чего стоит только «Струнный квартет №1» в исполнении Артура Медведева, Ангелики Лихтенштерн, Бриндуса Ернста и Филиппа фон Морген! Как бы хотелось повторения этого концерта на других концертных площадках Мюнхена!

«НИЧЕГО НЕ ТАЯ»

«Невечные мысли» — от самого скромного человека из творческих людей, мне знакомых, Михаила Генина, я когда-то получила в подарок книгу со словами: «Тая, дарю тебе свою книгу, в которой пишется обо всем, ничего не тая».

Сейчас держу в руках его книгу, новую, более полную, более элегантно изданную с теплыми словами в его адрес Владимира Войновича, Игоря Иртеньева, Владимира Кунина, Григория Горина и Юрия Никулина, когда все ещё были счастливы и здоровы. На обложке — прекрасная фотография смеющегося автора и название «Не давайте ему слова...». Переворачиваем лист и читаем продолжение. «Не давайте ему слова — он слишком долго молчал!».

На странице — великолепный памятник могучему человеку с завязанным ртом, выполненный известным художником, лауреатом премии Андерсена Игорем Олейниковым. Миша же не отличался могуществом торса, но умел не молчать... Он жил среди нас, но не был одним из нас, скорее он был для нас и тем, и тем, и тем... Это хорошо понимают его наследники, дочь и сын, Наташа и Володя.

Презентацию книги, которую они издали, они провели как литературно-музыкальный вечер: каждый участник вечера вместе с входным билетом получал книгу в подарок! Программа задуманного прошла очень профессионально, но между тем по-семейному тепло и уютно. Когда читали эссе Володи «Отец», я подумала, я им не подруга: все Генины — мои близкие родственники. Так глубоко и проникновенно было написано это воспоминание. Музыкальная часть была просто изысканна.

Играл сам Володя, играл друг Миши, а теперь и Володи джаз-пианист профессор Леонид Чижик. Запомнилось и необычное трио «Rhapsody Three» — скрипка, саксофон и фортепиано. Ревекка Хартман, виртуозная скрипачка, играла на скрипке Страдивари 1675 года. Интересно звучало и переработанное Володей танго «L' invitation au voyage». Так что Миша был бы доволен и прошедшим вечером, и своими дорогими детьми. На его могиле на еврейском кладбище Мюнхена они оставили отцовские слова: «Если я вам понадобится, не стесняйтесь — будите»...

«КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН ВОСКРЕСНЫЙ...»

На одном из вечеров в Мюнхене всё было: и кусочек лета — тёплый вечер, и выходной — воскресный день, и колокольный звон вечерних служб городских кирх, и прекрасный, прекрасный вечер в Зайдвилле, посвящённый 200-летию со дня рождения Ивана Сергеевича Тургенева, организованного, как всегда, обществом «Мир». Всё было с разностью в два столетия и тем, что у автора этого стихотворения, оно названо «На заре», а концерт проходил «На закате».

«Мир» — центр русской культуры в Мюнхене — очень вырос за своё почти 30-летнее существование. Нет, я не точна. Слово «существование» совсем не подходит к этому живому и развивающемуся коллективу, работающему на русско-немецкое сближение.

Успехи заметны. Если первые вечера и встречи проходили почти все на русском языке и только что-то главное переводилось на немецкий, то последние встречи проходят уже на немецком языке. Поётся только на русском. Так что одна из задач Общества выполнена: русскоговорящая публика «подтянулась» в немецком, хотя вчера Эльвира Рыжанович, оперная певица пела нам лиричную «Vivanell» на французском. Потом задорно и весело исполнила «Цыганок» из «Венгерских танцев» Брамса в аранжировке самой Полины Виардо. Думаю, что я неплохо знаю писателя Тургенева, но намного хуже немцев и французов знаю его как поэта и переводчика.

Не зря же его называли «русским европейцем». Чего только стоят его тексты романсов для Виардо и его переводы из Р. Поля, Гёте, Гейне, Э. Мёрике и многих других. Я же долго ценила его поэтический талант только по «Параше» и по стихам в прозе.

А вчера я впервые в жизни услышала как поётся тургеневская «Баллада» на музыку Рубинштейна. Пел её голландец, учёный-химик Фриц Камп, не говорящий, но поющий на русском языке. Я всегда ожидаю его выхода на сцену. Он поёт от песен военных лет «шёл солдат, преград не зная...» до замечательных романсов. Вчера великолепно исполнил «Ночь» Якова Полонского на музыку Чайковского: «Отчего я люблю тебя, светлая ночь. Ты не мне, ты другим посылаешь покой. Отчего я люблю тебя, светлая ночь — оттого, может быть, что далёк мой покой...».

Трогательно была встречена и любимица публики певица Светлана Прандецкая с романсами на тексты Тургенева «Я был любим...» и «Мне стыдно...».

И, конечно же, почти ни один вечер в «Мире» не проходит без пианистки Екатерины Медведевой и скрипача Артура Медведева. Необычно-

На вечере 200-летия со дня рождения И.С. Тургенева

Ein literarischer Abend zum 200. Geburtstag von I. S. Turgenjew.

венно вдохновенно они сыграли «Разлуку» Михаила Глинки на слова Тургенева «О разлука, разлука! Как ты сердцу горька...», а потом ещё и «Грёзы» Шумана.

Актёры, ведущие вечер и рассказывающие о великом писателе — Нина Бернройтер и Михаил Чернов — донесли до публики тургеневские слова: «Моя биография в моих сочинениях».

ВЕЧЕР СОЛОВЬЁВА-СЕДОГО

Сто десятую годовщину со дня рождения композитора Соловьёва-Седого Общество «Мир» города Мюнхена отметило замечательным концертом. Было исполнено тридцать лучших из четырехсот написанных юбиларом песен, таких знакомых мелодий и великолепных слов, которые с далекого детства легли на душу. Но вчера душа моя плакала счастливо и я этого не стыжусь: «... в серой шинели рядового шел солдат, ...шел солдат, друзей теряя, ...шел вперед солдат», — пел вчера наш друг, немец Фриц Камп по-русски!!! Могли ли ТАКОЕ представить себе композитор и поэт, что это случится в городе, где зарождался фашизм...

Полжизни здесь прожила и радуюсь тому, что и мы уже не ТЕ и немцы уже ДРУГИЕ...и очень ценю переписку писателей Бель и Копелева «почему мы убивали друг друга». Знать бы это россиянам....А вечер продолжался песнями «Вечер на рейде» (говорят, что немецкие солдаты тоже пели эту песню, назвав ее «Вечер на Рейне»), пели песни о родном Ленинграде и в заключение все солисты вместе с залом пели «Подмосковные вечера». Так что все мы, эмигранты, поменяли параллели и меридианы, но Дом от нас никуда не ушел — было бы только в нем всё благополучно.

90-ЛЕТИЕ БОРИСА ХАЗАНОВА

Весь литературный бомонд Мюнхена торжественно и очень уютно отпраздновал 90-летие писателя Бориса Хазанова (псевдоним Г.М. Файбусовича).

Меня с ним познакомили в восемьдесят пятом году правозащитник и журналист Кронид Любарский и доктор математики Евгений Гобович. Чтобы вторично не оказаться в советских застенках, Геннадий Моисеевич в 1982 году оказался в Мюнхене и сразу же стал ответственным секретарем и создателем русского журнала «Страна и мир». В редакцию можно было прийти и в восемь часов вечера, и в одиннадцать — Геннадий Моисеевич всегда был за своим рабочим столом.

Сначала он удивил меня отменой трудоспособностью и отличной памятью, потом покорила меня своими книгами. Я не знакома с Джоном

Гледом — одним из лучших на Западе специалистом по русской литературе XX века, но он ответил в «Допросе с пристрастием» Борису Хазанову за всех нас, читателей: «Если бы мне когда-нибудь в жизни посчастливилось написать одну такую вещь, как повесть Бориса Хазанова «Час коколя» — в течение всей остальной биографии не ударил бы пальцем о палец, а знай слушал бы музыку и выпивал понемногу, спокойно ожидая, пока принесут на дом Нобелевскую премию...»

Но и без этой премии Геннадий Моисеевич на юбилейном вечере получил много теплых слов от всех выступающих — поэта и эссеиста Вадима Перельмутера, писательницы Людмилы Агеевой, журналиста Юрия Шлиппе и других. А на живом экране Геннадий Моисеевич получил поздравления от самых близких ему людей: поэта Фаина из Берлина, от Владимира Войновича и Марка Харитоновича из Москвы, от писательского коллектива Израиля и от ЦДЛ.

Лично мне было приятно видеть сидящую рядом с юбиляром и его ровесницу, знаменитую Маю Туровскую. Украсили вечер не только цветы, но и трогательная музыка Рахманинова и Шуберта в исполнении молодого гения, виртуоза Москвы Дмитрия Майбороды.

Сам юбиляр был краток. Он сказал: «Мы все — одной общности, одной эмигрантской судьбы. У нас остался русский язык и мы в нем живем!» Только хочется добавить, что этот язык мы стараемся передать и нашим внукам.

ВЕЧЕР А. П. ЧЕХОВА

Русский Мюнхен — общество «Мир» — очень мило и трогательно отметили 160-летие со дня рождения моего любимого писателя Антона Павловича Чехова. Пишу русский Мюнхен, хотя в зале большинство было немцев.

Вечер был без пафоса, речей и выступлений. Просто актеры читали на немецком языке чеховские рассказы, полные грустного юмора, а паузы были заполнены старинными романсами в исполнении Светланы Прандетской и вокалиста-гитариста Сергея Иванова. Я же вспоминала столетний юбилей писателя в его мелиховской усадьбе, на котором мне посчастливилось побывать. В юности мне очень хотелось стать чеховедом.

Я очень подружилась с Сергеем Михайловичем Чеховым и его сыном Серёжей, в то время студентом Суриковского художественного училища. Юрий Константинович Авдеев, директор музея-усадьбы, разрешал мне даже проводить экскурсии, а в этот праздничный день мне доверили сварить варенье из артишоков, которые когда-то новоиспеченный хозяин поместья разводил в своем саду-огороде. Мечта не осуществилась, судьба изменилась и я оказалась в эмиграции более сорока лет тому назад.

Моя младшая дочь из своих 47 лет 34 года работает в лучших драматических театрах Германии: сначала в Камерном, а сейчас в Резиденц-театре Мюнхена. За эти десятилетия я видела Чехова на сцене множество раз, но ни разу не плакала слезами радости и успеха увиденного. Немцы — прагматики и им не дано понять в этом писателе и драматурге глубоко смущающуюся и глубоко страдающую душу русского интеллигента. Поэтому я радуюсь за тех немцев, которые стали членами Общества «Мир», которые хотят научиться русскую литературу и наше искусство любить и понимать по-русски....

КОНЦЕРТ ФРАНКА ФЕРНАНДЕСА

Давно, лет шестьдесят тому назад наш приятель Миша Воскресенский, к тому времени лауреат международного конкурса Чайковского сказал нам, что в московской консерватории оказался необыкновенно талантливый юный кубинец. Не так давно подруга моей младшей дочери Birgit Chlupasek, журналистка и шеф бюро по организации концертов в Баварии совместно с радио Bayerischen Rundfunk и директором института Cervantes господином Felipe Santos пригласила нас на концерт когда-то юного кубинца, а сейчас — всемирно известного пианиста и композитора Frank Fernandes (Франк Фернандес).

Баварцы встретили его достойно и не жалели рук своих для оваций. Билеты (недешевые) были распроданы задолго до концерта. Когда г-н Фернандес играл Баха и Бетховена, вещи всем знакомые, нас с дочерью поразила манера его исполнения — мягкость и, я бы сказала, нежность. Когда же он играл свои болеро, вальс, хабанеру да еще под свое исполнение подложил заранее записанную им вещь, когда тема накладывалась

на тему, когда у зрителя было ощущение двух одновременно играющих инструментов, когда моментами казалось, что музыка не в руках мастера, а что она разливается по залу с самого купола церкви, которая давно стала музыкальной площадкой, когда, когда..., зрителям не хватало дыхания от восторга. Пауза, и автор дает нам передышку.

Он устраивает для нас сначала легкую пробежку по дорожкам жизни каждого присутствующего, а потом мы вместе с ним бежим уже по рытинам и ухабам... и все время с паузами. Меня заинтересовали две вещи: откуда у композитора столько мягкости и столько пауз.

Ответ получила на брифинге после концерта. Франк рассказал, что первой, кто положил его руки на клавиши, была его мать, и, умирая, она присила своего пятилетнего сына: «Играй всегда, у тебя — талант!».

И сегодня кончики его пальцев пропитаны напитком материнской любви, и сегодня нет для него концерта без духовного присутствия Матери! А паузам он научился у Бетховена. Именно у него он научился читать музыку, читать ноты между нотами и своими успехами, считает, обязан далекому учителю.

ХОРОШО ЖИТЬ ХОРОШО

Масленица, Прощеное Воскресенье, Первое марта, весна и польхающее солнце над Мюнхеном — хорошо жить хорошо! Праздничное утро мы с младшей дочерью начали с евангелическо-лютеранской кирхи по приглашению приятельницы. Её сын, только что окончивший консерваторию по классу барочной флейты, солировал сегодня в праздничном концерте.

Рады его успеху. Также понравилась солистка — сопрано и молодой бас, а молодой тенор — разочаровал, потому что я чувствовала как он старается петь... Прерывался концерт, конечно же, праздничной воскресной службой. За годы эмиграции я побывала не однажды и в церквах и в костелах и в кирхах и синагогах. Одно дело, когда ты заходишь посмотреть, полюбоваться красотой и убранством, заранее зная историю этих мест посещения, и совсем другое, когда ты оказываешься на службе. Не очень хочется, но я признаюсь, что нигде я не чувствую себя такой чужой и такой одинокой как во время любого богослужения.

Видимо это от того, что я не воцерковлена., но радуюсь за тех, кому комфортно рядом... После службы небольшой компанией отправились в итальянский ресторан. Вина не пили, чокались за интернациональную дружбу стаканами с водой и чашками с кофе.

За столом были мы с дочкой, наша приятельница Биргит с сыном, виновником нашего торжества, оба немцы со славянскими корнями, итальянская пара, хороший знакомый испанец, дирижер, со своей подругой — литовкой, (уже не понимающей по-русски) Так общие симпатии и немецкий язык нас объединили. А вечером пойдем этой компанией на русскую масленицу в Общество «Мир», где уже выпьем вина, вкусно поедим в буфете и послушаем рецепты приготовления пищи для царской семьи. А уж совсем поздно вечером буду встречать свою старшую дочь с внучкой из Неаполя, Везувия и Помпей. Судя по телефонным разговорам, девочки в восторге от поездки и я им желаю легкого полета возвращения домой.

ЮБИЛЕЙ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ

Четверть века назад праздновал в Мюнхене свой 70-летний юбилей любимый всеми Булат Окуджава. Радовался он не только русско-говорящей публике, но и своим новым слушателям — студентам славистики Людвиг-Максимилиан Университета Мюнхена.

Прошли годы и его «Любовь и разлука» зазвучала в актовом зале этого университета на концерте замечательного исполнителя русских романсов, Олега Погудина и его маленького струнного оркестра. Центр «Мир», центр любви, разлуки и новых встреч организовал эту встречу в содружестве с Фондом «Белая роза» — подпольной группы сопротивления фашизму.

Наша публика, новые мюнхенцы хорошо знают историю этого подполья и когда ведущий вечера, артист Артур Галиандин, предоставил слово племяннику создателя «Белой розы» Александра Шмореля, многие встали и по залу растеклись аплодисменты. Когда же на пару с Галиандином артист Михаэль Чернов начали читать письма, которые писали Ганс Шоль, Вилли Граф и Александр Шморель, я не смогла сдержать слез. Письма писали три солдата, писали домой, в Германию летом 42-го, в разгар войны, писали из Гжатска, моей родной смоленщины.

Письма были просты, сердечны и полной любви к русской песне. Лето 42-го. Мне уже почти три года, я тоже на смоленщине, в обозе партизан-

ского отряда и у меня уже огромный опыт — я знаю, что такое смерть.

Знаю, что погиб отец, младший политрук Ерохмиль Поверенный.

Знаю, что в гетто погибли бабушка с дедушкой и 12-летняя тетушка.

Знаю, что я была с ними, но перед расстрелом они купили мне жизнь у местного полицая и соседа моей русской бабушки, Александра Чайковского. За старинное рубиновое ожерелье и золотые карманные часы «Бурэ» он вынес меня из гетто в плетеной корзинке. Так что серый мундир немецкого солдата у меня никак не ассоциировался с русской песней, а только с лаем немецкой овчарки, с облавами на наши часто меняющиеся стоянки, с лаем, эхо которого долго держал лес. Пусть простит меня Олег, что эти письма и мое прошлое помешали насладиться в полную меру таким замечательным концертом. Люблю Погудина за чистоту голоса и за изысканное изящество, умение держать себя на сцене. Благодарю «Мир» за такой подарок!!!

УЧЕНИКИ ГЕНИНА

Однажды побывала на прекрасном вечере-концерте: играли ученики Володи Генина. Он стал совершенно замечательным педагогом, и исполнители очень старались соответствовать своему учителю. Публика была очень благодарная, и радость праздника была одна на всех. Правда после праздника настроение мне подпортили приятели, которые все как один говорили: «Таечка, как же так. Вы переехали и лишили нас дома, в котором проходила наша адаптация к новой эмигрантской жизни... Помните, и первая «Литературная гостиная», и все встречи и праздники, и все важные события проходили в стенах Вашей квартиры. Мы все уже обжились на новом месте, но нам всем будет не хватать этого Дома». А я впервые подумала, что сделала большую ошибку, что не вела дневника ушедших десятилетий, но поделюсь списком замечательных людей и друзей, которых я принимала у себя. Сначала — о навсегда ушедших. Из Америки: лучший мой друг Эммануил Штейн, поэт и доктор математики Юрочка Гастев, писатель Марк Поповский и Фима Севела, который жил у нас столько, сколько хотел. Из Парижа: писатель и главный редактор «Континента» Владимир Максимов, поэты Александр Галич и Василий Бетаки. Из Швейцарии: диссидентствующий писатель Валерий Тарсис и много-много других. Запомнилась всем и последняя встреча за месяц до

ее гибели с Татьяной Бек, а сколько было встреч с только что ушедшими друзьями — Володей Войнович и Маечкой Туровской. Важной темой для встреч была и политика. С нею выступали немецкий историк Paul Roth, автор «Номенклатуры» и бывший дипломат Михаил Восленский, редактор югославской газеты Паунович, журналист Антич и другие. Невероятно, скольких замечательных людей нет больше с нами. Поэтому нужно беречь оставшихся: Генадия Моисеевича Хазанова, Тамару Жирмунскую, Павла Сиркеса, Людмилу Агееву, Вадима Перельмутера в Мюнхене, Вальдемара Вебера в Аугсбурге, в Смирнова-Охтина в Петербурге, Юрия Кублановского и Ларису Румарчук в Москве — всех-всех близких мне и дорогих людей, для которых мой дом был всегда открыт.

ЧЕЛОВЕК-ХОР

У религии и в искусстве задачи одинаковые, да цели разные. Религия требует нашего совершенства ради будущей загробной жизни. Искусство чистит души при жизни на земле. С годами учимся мы слушать музыку сердцем, воспринимать живопись не только гармонией цвета, но и философией непрестанно изменяющегося и развивающегося мира. В самой обыкновенной точке, в запятой или в китайском иероглифе при желании можем мы открыть не воспринимаемую раньше гармонию. Но великой и неразгаданной тайной для меня было и остаётся искусство поэта и певца, музыка слова и музыка голоса.

Судьбой послано мне соседство на мюнхенской улице с удивительным и талантливым человеком. Мы привыкли к выражению «человек-оркестр». Дмитрий Харитонов — человек-хор. Сидя в зале, вдруг начинаешь воспринимать его пение как дуэт, трио и даже квартет. И прекрасный баритон певца то превращается в тенор, то сменяется на бас. Ему подвластно всё певчее искусство. Он одинаково хорош и в оперной арии, и в романсе, и в русской народной песне. Музыкальные критики о нём писали:

«У него удивительная стилевая гибкость. Он поёт разными голосами мадригал для малого зала на восемьдесят человек и драматический репертуар, покрывая оркестр в Арене ди Верона с двадцатью тысячами зрителей».

И талант его отмечен не только Господом Богом, но и мирскими на-

градами. Семь первых премий завоевал он на конкурсах, четыре из которых — интернациональные.

Главная среди них — медаль имени знаменитого итальянского баритона Этторе, Бастьянини в 1988 г. в Сиене (Италия). В родном городе Верди Дмитрий завоёвывает первую премию «Вердиевские голоса», а на конкурсе в Веронской Арене побеждает победителей международных конкурсов и ему снова достаётся первая премия. Но особенно гордится он победой в Бельгии, премией Гран-при на конкурсе интернациональных оперных певцов.

А. П.: Ожеговский словарь бесстрастно трактует: Петь — издавать голосом музыкальные звуки. Но если бы это было действительно так, человечество давно превратилось бы во вселенский хор и мир не знал бы нужды, катастроф и войн. Моя младшая дочь в двухлетнем возрасте просила — «поноси, покачай, но, главное, мама, не пой!». С младенчества она понимала, что ни в солистки, ни в хористки я не гожусь и её колыбельными стали стихи родных поэтов. Таких как я — большинство, таких как Дмитрий — единицы. «Дмитрий, петь — это что? Это как?»

Х.: Пение — это магия и высшая духовность. Вокальное искусство — синтез двух начал: музыки и поэзии слова.

А. П.: А что бы Вы хотели рассказать нашим читателям о себе?

Х.: Родился в Куйбышевской области, сейчас это город Тольятти, город, который моложе меня. Вот вам и первый символ — с рождения связан я с певческой страной, с Италией. Но считаю себя волжанином. Как Шаляпин и Собинов — я с тех берегов. Двухлетним, сидя у окна бабушкиного дома, наблюдал за движением барж по Волге и пел свою первую песню: «...в жизни раз бывает восемнадцать лет». С того возраста по сей день, сделав перерыв только в тринадцать и четырнадцать лет, помня историю Робертино Лоретти, мама, мой первый и главный педагог, запретила мне петь в отрочестве. Нагрузка в детстве была большая — английская спецшкола и музыкальная школа. Нагрузка, лишившая меня многих детских радостей, но подарившая все другие радости творчества и вдохновения. В одиннадцать лет я уже начал сочинять музыку сам. В семье мы часто устраивали игры-конкурсы. Однажды я предложил написать музыку на стихи К. Симонова «Жди меня и я вернусь». Так начинались мои музыкальные пробы и, говоря высоким стилем, грудь мою посетили композиторские мучения, ночами я стирал от новых идей и звуков. Решил — буду композитором и поступил на теоретическое отделение музучилища в городе Николаева. Но через год, задыхаясь от провинциализма и подро-

стковой преступности в городе, уехал в самый торжественный город — в Ленинград. Мне пятнадцать лет. Это мой первый отрыв от дома, от родителей, но педагоги и товарищеское окружение питало и вдохновляло меня. Бегал по коридорам общежития консерватории, сталкиваясь с Василием Гергиевым (ныне главным дирижёром Кировского театра и главным приглашаемым дирижёром Нью-Йоркского Метрополитен, самой престижной оперы в современном мире), с будущим композитором Андреем Петровым, с одним из лучших скрипачей наших дней Юрием Башметом и многими другими. Потом окончил Одесскую консерваторию, школу Давида Ойстраха, Святослава Рихтера.

Моя первая роль — роль Ленского в опере «Евгений Онегин». Повезло. Обычно молодые певцы (а мне было двадцать четыре года) начинают со вторых ролей.

Пять лет я провёл в Милане, всем известном театре Ла-Скала, где до меня стажировались Атлантов, Магомаев, Синявская и Милашкина. Потом платформой для международных гастролей и моим домом на годы был Лондон — Королевский театр Ковент Гарден.

А. П.: Музыка звучит уже в самих названиях театров. Где Вы ещё гастролировали и с кем пели?

Х.: В Нью-Йорке пел в Метрополитен Опера, во Франции в Бастильской опере и в театре Шанз элизе. Пел в Барселоне, в скандинавских странах, в знаменитом театре Колон в Буэнос-Айресе. В России пел и очень дружил с прославленной Ириной Архиповой, с Еленой Образцовой пел в Большом театре, а потом и в Чикаго, в опере Верди «Бал-маскарад», пел с великим Пласидо Доминго, в Италии — со знаменитой Джульеттой Симионато. Пел с Карло Бергонци — Паваротти шестидесятых годов. На мою долю выпало достаточно стран, городов, театров и общения с прекрасными певцами и музыкантами.

А. П.: Дмитрий, мне хочется спросить, почему Вы оказались в Мюнхене, в городе хотя и большой музыкальной культуры, но всё же недотягивающим до перечисленных Вами больших музыкальных центров?

Х.: По причинам личным, семейным. Мюнхен для меня равноудалён от Люксембурга, где живёт мой старший сын от русской жены, и от Италии, где я встречаюсь со вторым сыном от жены-итальянки. Моя третья жена — немка, тоже певица. Мы живём в Мюнхене и растим нашу замечательную дочь Лизоньку, которой я часто пою песенку Чайковского «Мой Лизочек так уж мал». Но она и сама хорошо поёт в свои два года, хорошо говорит по-русски и одновременно служит маме переводчицей.

Конечно, Мюнхен не тот город, в котором я хотел бы умереть, но я остаюсь здесь до тех пор, пока не подрастут мои дети.

А. П.: Зато у Вас появилась возможность, как и у многих оперных звёзд, стать свободным художником, работать без дирижёра и режиссера. Так ли это?

Х.: Меня привлекает больше всего жанр сольного концерта, нежели опера. Люблю общаться с публикой непосредственно. В опере певец подвластен дирижёру, режиссёру, дирекции оперы и даже пианисту на репетициях. А в сольном концерте я несу свои раскалённые эмоции прямо в публику. Даю концерты в оперном театре в Генуи, в Лондоне, в Эдинбурге, в Норвегии и по Германии.

В Мюнхене я нашёл себе замечательного пианиста Игоря Брускина. Он выпускник ленинградской консерватории по классу профессора Натана Перельмана и отличник-аспирант Института искусств во Владивостоке. Много лет Игорь совмещал преподавательскую работу по классу фортепьяно в музучилище города Магадана с сольными выступлениями. Музыкальная публика Мюнхена, Ингольштата и других городов Германии уже успела полюбить этого музыканта, посетив его сольные концерты.

А. П.: Дмитрий, я была на Ваших концертах и на репетициях. Вы поёте на многих языках мира, но главный репертуар у Вас всё-таки русский. Поэтому мой последний вопрос — нет ли у Вас желания вернуться Домой, на Родину, навсегда и навсегда?

Х.: Обожаю, болею Россией. Не думаю, что навсегда, но пора!

Пора не только на покоренные мною сцены Большого, Кремлёвского Дворца, зала Чайковского — мечтаю о выступлениях в русской глубинке там и где, как поёт Борис Годунов, «...голодная, нищая стонет Русь».

КРУТИНКИ СЧАСТЬЯ

Как читательница я разделяю свою жизнь на три периода. Первый — детство. Читать начала рано, читала много, быстро и без разбора. Главное было дочитать до конца и узнать финал. Чтение было, литературы не было.

Потом пришла юность с трепетом, глубоким ощущением красоты в искусстве. Мне открылась радость собственного существования во вселенной и я научилась сопереживать открывшемуся мне миру.

Потом — самая плохая читательская фаза: ссорилась с автором по ходу чтения, критикуя написанное и не получая удовольствия от прочитанного.

Передо мной три сборника стихов Юрия Боброва, подаренных мне автором — «Паутина счастья» (2005г.), «А что такое быть сегодня?» (2008г.) и изданный в Санкт-Петербурге в издательстве «Алетейя» томик «Лебеди в чёрном» на русском и немецком языках.

Если бы я писала рецензию, то должна была бы написать, что Юрий москвич, окончил Московский Государственный Университет им. Ломоносова (экономический факультет) по специальности экономист-математик, работал научным сотрудником в институте Академии Наук СССР, был одним из любимых учеников «прораба Перестройки» Академика С.С. Шаталина.

Но жизнь дала слом, и после душевного недуга он переехал с матерью и отчимом, Членом корреспондентом Академии Наук СССР, историком архитектуры Александром Рябушиным в Германию, в Мюнхен.

Не стану писать ни о его многочисленных литературных наградах, ни о персональных художественных выставках. Всё это читатель найдет в Юриных сборниках. Пишу как читательница, пишу с глубокой благодарностью за то, что живопись и поэзия, всё творчество моего многолетнего друга вернули мне радость юношеского восприятия.

Его стихи нельзя читать «журналистским глазом» — сверху вниз по косяй. Его стихи — это отдых и работа одновременно.

Поэтому права поэтесса Тамара Жирмунская, которая пишет, что стихи Юры — не для всех. Уверена, убеждена, что успех этих книг от этого не пострадает, как и достоинство самого автора.

Три книги на моём столе, хорошо изданные и оформленные рисунками

автора. Три книги хорошей литературы, сложной для неподготовленного читателя, духовно безбрежной поэтической мысли

Слова, слова, слова и между слов слова.

Но философски очень конкретной и замкнутой

Я пишу

В разрывах

Между болью

Поэт понимает, насколько осложнилась его жизнь. Что

Есть время «до» и время после до».

Но он верит в высокий потенциал своего духовного роста, и сам ставит себе задачу.

Искать, искать себя

и верить... и ещё

Я собираю, друг мой,

Не наружность,

А путь к себе

Я не вижу его автором романа в стихах или автором поэм. Для меня Юрий — редкий поэт, поэт строчки, поэт-строчечник. И никогда не поймёшь, чего больше в его творчестве — поэзии или философии.

Интересные наблюдения сделала я для себя. Если читать стихи вразброс, в россыпь, кажется, что душевное, духовное и философское в них неразрывно перевязано крест на крест и связано в крепкий узел. Но, когда читаешь стихи подряд, когда ощущаешь мощный рост авторского мастерства от книги к книге, понимаешь, что ты ошибался, что поэт живёт на «разрыв времени на точки», а дальше всё по Канту — поиски смысла.

Смотри в глаза Зрачками смысла... Точка смысла

Накрывает очевидность...

И всё своё творчество — и поэзию, и живопись — Юрий сжимает до формулы.

Собранность мыслей Собранность звука

Собранность взгляда

Можно ли задаваться целью выяснения, что в этой жесткой, математически выверенной задаче у автора первично, что вторично — поэзия или живопись?

Когда закрываю книги поэта, ловлю себя на мысли, что чувствую себя, как-будто только что закрылись двери филармонии после симфонического концерта. Когда душа ещё наполнена звуками и хочется отстраниться от толпы, поскорее придти домой, побыть одной, чтобы как можно дольше не расплескать в себе, не растерять «крупинки счастья».

На фото справа: встреча друзей. (слева направо) Писатель и главный редактор журнала «Континент» в Париже Владимир Максимов, поэт и журналист Василий Бетаки, спортивный обозреватель Артур Вернер, шахматист и журналист, доктор библиографии Эммануил Штейн и я.

